

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Анатолий ДРОЗДОВ

КАПЕЛЛАН

Annotation

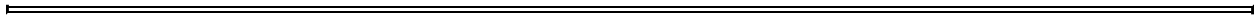
Далекое будущее. XXII век... Капитон Головатый, сын владельца клиники нетрадиционной пластической хирургии, решает стать капелланом Российской армии. После окончания военно-духовной академии его направляют служить на планету Реджин. Там базируется группировка военно-космических сил России. Усиленные конвойные роты, в просторечии «укурки», охраняют грузовые космические корабли с рудным концентратом. Параллельно этим занимается и космический десант США. Отношения между российскими «укурками» и американскими десантниками становятся все напряженнее...

- [Анатолий Дроздов](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Эпилог](#)

Анатолий Дроздов
Капеллан

Глава 1

Ренийка выглядела эффектно. Высокая, стройная, одетая в облегающие коричневые кожаные штаны и такую же куртку с длинными рукавами, она шагнула через порог трактира и замерла, давая присутствующим возможность себя разглядеть. Смотреть было на что. Шею женщины украшал небесно-голубой платок, ноги — остроносые сапожки с голенищами раструбом выше колена, а на голове сидела кожаная шляпа-федора с поднятыми полями. Не стетсон, конечно, но смотрелась ренийка воинственно. Впечатлению способствовал длинный кинжал в костяных ножнах на правом боку. Средневековая воительница из американского фильма, снятого в качестве демонстрации гендерного равенства. По мнению Голливуда женщины не должны уступать мужчинам и в таких делах.

Ренийка внимательным взглядом обвела зал трактира. Шум голосов стал стихать и десятки взгляд уставились на необычную гостью. Она приосанилась и задрала подбородок...

Последнее я домыслил. Никто не обратил на ренийку ни малейшего внимания. Веселье у папы Крума достигло той стадии, когда собутельники видят только самых себя, а так же то, что льется в их кружки. Женщинами они интересуются потом. Ренийку, похоже, это обидело. Она передернула плечами и направилась к моему столу. Куда ж еще? Свободных мест у папы Крума сегодня не имелось, а ко мне местные не подсаживаются — жизнь дорога. Ренийка, однако, была не из местных. Я торопливо опустил взор и приник к кружке. Занят я, не видно?

— Могу я присесть?

От удивления я поперхнулся. Вежливая ренийка? Это где? Я поднял взгляд. Она смотрела почтительно, насмешки в глазах не просматривалось. Надо же!

— Располагайтесь! — нехотя сказал я.

Ренийка плюхнулась на лавку и стащила шляпу. Копна иссиня черных волос вывалилась ей на плечи и заструилась по плечам, мгновенно закрыв их, как уши. Уши, конечно, в первую очередь. Гостья пристроила шляпу рядом с собой и уставилась на меня. Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. На вид ей было лет двадцать. Овальное, смуглое лицо, острый подбородок, миндалевидный разрез глаз. Чуть заметный, впрочем. Глаза не антрацитового, как обычно у ренийцев, а опалового

цвета, редкого голубовато-зеленого оттенка. Ресницы длинные и густые. Общее впечатление портит только нос. Длинный, тонкий, с четко выраженной горбинкой он явно предназначался для другого лица, но по чьей-то прихоти попал на этот. Шутка богов. У коренных ренийцев носы похожи на пуговицы, торчащие из пухлых щек.

— Скажите, почтенный... — начала гостя.

— Гро, — сказал я. — Меня зовут Гро.

— Почтенный Гро. Здесь можно поесть?

— Разумеется, — кивнул я. — Но я бы не рекомендовал.

— Почему?

— Отравление несвежей пищей и вызванное ею несварение желудка или понос, — стал перечислять я. — Это в лучшем случае. Возможен заворот кишок, а он плохо лечится. Исход обычно летальный.

— Не слушайте, его почтенная! — Крум возник, словно материализовавшись. — Старина Гро любит шутить. У нас замечательная кухня. Могу рекомендовать запеченного в овощах тирха или лопатку стикуля в соусе из свежих фиолей. Пальчики оближите!

— Этот тирх подыхал от старости, а перед этим долго болел, — сказал я. — Забился в угол, чтобы тихо умереть, но его вытащили, забили и бросили на жаровню. А на стикуле возили воду, пока не откинул копыта. Этой лопаткой только гвозди забивать.

— Мэтр! — укоризненно сказал Крум.

Брови ренийки взлетели вверх. Ну, да! Где балахон и дурацкая шапочка, которые Корпорация рекомендует носить тем, кто состоит в ее рядах? Только мы не состоим.

— Вот что, Крум, — сказал я, — принеси ей еды из моего котла. Похлебка, расстегай и кружка сидра. Остались?

Трактирщик кивнул.

— Перед этим — умыться. И побыстрее! Человек проголодался.

Крум сморщился, услышав «человек», но возражать не стал. Ренийка или нет, но она клиент и, судя по одежде, не бедный. К тому же у Мерсии с Ренией сейчас мир. Крум исчез, а ренийка уставилась на меня.

— Вы маг?

— Лекарь.

— Не ожидала, что в Ремсе...

— Здесь есть гарнизон, которому положен лекарь, — пояснил я.

— Не во всех в городах есть маги, — покачала головой ренийка. — Даже в крупных.

— Значит, Ремсу повезло, — буркнул я.

Она притихла, но ненадолго.

— Меня зовут Ноэль, — сказала тихо.

Я мысленно хмыкнул. Ну, да! Как еще могли назвать это чудо со шнобелем? Именем богини красоты и никак иначе. Тем временем служанка принесла тазик с теплой водой. У Крума это не принято, но я не люблю, когда за столом едят грязными руками. Ренийка достала из сумки полотенце, смочила его в тазу и аккуратно протерла лицо. Затем вымыла руки и осушила их тем же полотенцем. На предложенное служанкой даже не глянула. Правильно. У Крума этими полотенцами полы моют, по крайней мере, вид у них соответствующий. Покончив с гигиеническими процедурами, Ноэль села прямо и вновь уставилась на меня. Служанка унесла таз и вернулась с глиняной миской, на которой курился пар. Поставив ее перед ренийкой, достала ложку. Ноэль забрала ее, рассмотрела, после чего протерла тем же полотенцем. Я одобрительно кивнул. Появившийся следом Крум принес кружку с сидром и кувшин, из которого щедро плеснул в миску.

— Это что? — спросила Ноэль, глянув в миску.

— Снятое молоко, — пояснил Крум. — Для вкуса.

Ренийка глянула на меня.

— Кушайте! — сказал я — Это здоровая пища. Бульон на косточке, овощи и снятое молоко. Там, откуда я родом, это зовут «борщ».

— Бо-орсч, — попыталась выговорить ренийка.

— Есть это вкуснее, чем произносить, — улыбнулся я. — А вот и расстегай!

Служанка поставила на стол тарелку с пирогом. Ноэль цапнула его, поднесла носу и вдохнула запах. Через мгновение она впилась в расстегай зубками.

— С борщом вкуснее, — подсказал я.

Поколебавшись, она зачерпнула ложкой и поднесла ко рту. Мне показалось, что ее замечательный нос удлинился, дабы уловить запахи, и, видимо, дал «добро». Содержимое ложки исчезло во рту. Спустя миг послышалось одобрительное гмыканье, и ложка нырнула в миску. Я приложился к кружке. Крепленный сидр щипнул язык, и провалился в горло, согрев желудок. Хорошо! Для меня Крум крепит сидр водкой, которую я гоню сам. Сивухой, которую делают в Ремсе, только клопов травить.

Ренийка добила борщ быстрее, чем я сидр. Достав кинжал левой рукой, она срезала мясо с кости, бывшей в борще, ложкой забросила его в рот и закусил кусочком пирога, видимо, оставленным для такого случая. Затем отхлебнула из кружки и сыто улыбнулась.

— Благодарю вас, мэтр!

— Не за что, — сказал я.

— Могу я еще спросить?

Я склонил голову.

— В этом трактире можно снять комнату?

— Не рекомендую.

— Почему?

— Видите! — я указал на стол, за которым горланили солдаты. — Вас уже заметили. Не пристают лишь потому, что вы сидите со мной. Но стоит вам пройти в комнату...

— Я запру дверь.

— Выломают. Ни один засов не выдержит удара в дверь лавкой.

— У меня есть кинжал! — насупилась Ноэль.

— Отберут. Это солдаты, и они умеют обращаться с оружием. За попытку сопротивления вас убьют, но перед этим употребят — хором.

Ноздри Ноэль гневно затрепетали. Некоторое время она боролась с желанием выругаться, но взяла себя в руки.

— Думаю, вы правы, — сказала со вздохом. — Но где мне остановиться? В другой таверне?

— Везде тоже самое. Гарнизону выдали жалованье, он гуляет.

— В Ремсе нет стражи? — возмутилась Ноэль.

— Есть, — подтвердил я. — Но в такие дни она прячется. Жить хочет.

— Что делать? — растерялась Ноэль.

— Ночуйте у меня. Просторный дом, два этажа, крепкие двери.

— Они не увяжутся? — Ноэль указала на солдат.

— Не посмеют.

Она бросила на меня взгляд, и я увидел себя ее глазами. Седенький старичок, на вид совсем безобидный. С чего солдатам его боятся? А если так, то чего ждать от бабушки? Вдруг он извращенец или, того хуже, тайный садист? Маги они такие. Использует гостью для опытов — и все дела. Все это я прочел в ее глазах. Однако высказывать свои подозрения вслух она не стала.

— Почему вы помогаете мне? — спросила, помедлив.

— Требуется человек, который отвел бы меня домой, — объяснил я. — Солдаты пьяны, а Круму некогда — гостей много. Вы женщина крепкая, справитесь.

— Вы больны? — удивилась она.

— Хочу напиться. У меня, как и у солдат, сегодня жалованье. Ночевать у Крума желания нет — грязь и блохи. К тому же к ночи здесь все заблюют.

Соглашайтесь! Мой дом через площадь, его легко узнать. Высокий забор, кованые ворота. Ключи — вот! — я выложил связку на стол. — В доме две спальни: на первом этаже и на втором. Если взберусь, лягу наверху. Не получится — свалите меня вниз. В сундуке есть свежие простыни и наволочки. В доме — водяной туалет и ванная. Разберетесь. Вода в баке теплая — нагрелась за день. Можно помыться и постирать вещи.

— Идет!

Ноэль протянула ладонь. Я торопливо хлопнул по ней и крикнул служанке:

— Сидра! Моего! Три кружки.

* * *

Проснулся я рано — у пьяниц плохой сон. Ночью я несколько раз просыпался, купировал боль в голове и забывался вновь. В комнате стоял полумрак — светало. Я сел и осмотрелся. Ночевал я в своей спальне. Ренийка выполнила договор, значит, по лестнице я влез. А вот попытка вспомнить это к успеху не привела. Последним, что задержалось в голове, была пустая кружка, которую я ставлю на стул, и сильная рука, подхватывающая меня за талию. Кажется, вслед нам кричали...

Я отрешился от воспоминаний и встал. В виски кольнуло, но я убрал боль. Пригляделся. Одежда висела на спинке стула, рядом стояли сапоги. Интересно, разделся я сам?

Решив не нагружать голову мыслями, я накинул халат, сунул ноги в тапочки и спустился вниз. Лестница ерзала под ногами, но я проигнорировал сей факт. Похмельный сидром, остаточные явления... Сонно включив свет, я открыл дверь туалета и чуть не врезался ногой в ведро с водой. М-да... Унитаз ренийка нашла и даже догадалась о его предназначении, о чем свидетельствовал опущенный стульчак, а вот поднести руку к фотоэлементу сливного бачка не сообразила. Впрочем, откуда ей знать? Унитаз в Мерсии существует в единственном экземпляре. Я привез его с Земли, как и прочее оборудование. Монтировал сам, поскольку сантехников в Мерсии нет. Их нет нигде на этой заброшенной планете. Даже в королевском дворце туалет типа сортир, который чистят золотари. Говорят, почетная должность...

Я выставил ведро в прихожую, справил свои дела и отправился в ванную. Скинув халат, встал под душ. Вода в баке остыла, но включать подогрев я не стал. Холодная сейчас в самый раз. Ежась и завывая, я

вытерпел экзекуцию до конца. Придя в себя, растерся полотенцем, после чего глянул в зеркало.

На меня смотрело молодое лицо. Потемневшие от влаги длинные волосы, такая же борода, синие глаза под высоким лбом. Прямой нос, красные белки глаз. Дьявол! Личина слетела. Интересно, когда? Ночью, когда я спал, или, не дай бог, вчера? Последнее плохо. Истинный облик наверняка запомнили, и тогда из Ремса придется линять. А я только обжился...

Прикрыв веки, я сосредоточился. Теплая волна пробежала от ног до макушки, окутав меня как одеялом. Я открыл глаза. Из зеркала смотрел старичок: седенький и благообразный. Слегка помятый, но это не существенно.

Я выключил свет в ванной и выбрался в коридор. Из кухни доносилось скворчание, и там кто-то пел. Ноздри учуяли жареное мясо, и рот наполнился слюной. Я потащился на запах.

На кухне хозяйничала ренийка. В этот раз на ней были шелковые персиковые шаровары и рубаха алого цвета. Ноги украшали туфли без задников с загнутыми вверх носами. Откуда она это взяла? Ее сумка в трактире была совсем маленькой. Увидев меня, Ноэль смолкла.

— Привет! — буркнул я.

— Доброе утро, мэтр! — она поклонилась. — Присаживайтесь! Как спалось?

— Хреново! — ответил я, мостясь у окна. Створки его были распахнуты, со двора веяло свежестью. То, что нужно. — Тирхи снились. Скакали по животу и показывали языки. Зелененькие.

Ноэль прыснула, но тут же приняла строгий вид.

— На завтрак — мясо, — сказала важно. — Я купила на рынке лопатку стикуля. Молодого.

— Он в этом признался? Под пытками?

— Нет, мэтр! — ренийка подавила смешок. — Но я разбираюсь в мясе. Бабушка научила.

— Вскипяти воду! — попросил я.

Ноэль пошарила взглядом по полкам, нашла кастрюльку и наполнила ее из ведра. После чего кастрюлька заняла место на плите. Краном ренийка не воспользовалась — не знает. В Рении водопровода нет. Как и в Мерсии, к слову.

Плиту ренийка раскочегарила от души, вода зашипела скоро. Я встал, снял с полки банку и щедро отсыпал в кружку коричневого порошка.

— Это что, мэтр? — любопытствовала Ноэль.

— Там, где я жил, это называют «кофе». Бодрящий напиток, который пьют по утрам.

— А можно мне?

Я отсыпал кофе в другую кружку. Вода вскипела. Я плеснул из кастрюльки в кружки, размешал ложкой и поставил на стол.

— Запах приятный, — сказала Ноэль, принимаясь.

— Зато вкус горький, — обломал я. — Впрочем, можешь добавить меда. Вон там, в кадке.

— Буду, как вы, — отказалась Ноэль.

Поспел завтрак. Ренийка, подцепив мясо кинжалом, выложила его в тарелки и поставила их на стол. Я взял с полки вилку с ножом, и пристроился у окна. На срезе мясо было слегка розовым, но прожарилось оно хорошо. Я положил в рот кусочек и медленно разжевывал. Замечательно! Парной бифштекс сдобрили травами и в меру посолили. Мясной сок ласкал язык, даря ему незабываемые ощущения. Еще бы и хлеба! Однако купить его ренийка не догадалась.

— Вкусно! — похвалил я.

Ноэль зарделась.

— Можно и мне? — она указала на приборы.

Я кивнул. Она взяла с полки второй комплект, и некоторое время мы молча ели. Ноэль орудовала вилкой не слишком уверенно, но в рот попадала, так что куски мяса в воздухе не летали. Покончив с едой, я взял кружку и отхлебнул обжигающей жидкости. Благодарить!

— Горько! — сказала Ноэль, повторив мои движения. — Но все равно вкусно.

Спорить я не стал. Кофе с похмелья — это самое то. Кто-то предпочитает покрепче, но мне нельзя. Спиртного в доме я не держу. Иначе буду пить, пока не прикончу все.

Покончив кофе, я посмотрел на Ноэль. Она с готовностью отставила кружку в сторону.

— Нам... это... не мешали вчера?

— Нет, мэтр! — покачала она головой. — Никто из солдат даже не встал. Правда, кричали вслед.

— Что?

Она покраснела.

— Понятно! — вздохнул я. — А дальше?

— Мы вышли на площадь, и вы запели.

Я поднял бровь.

— Язык незнакомый, — сказала Ноэль, но я запомнила, — она

наморщила лоб и пропела:

— К планете рвется наш десантный бот.

Разрывами закрыты небеса.

Не ссы в скафанды, забубенный взвод.

Нам жить на всех осталось полчаса...

Она выпевала слова с заметным акцентом, но все равно понятно. М-да...

— Дальше я не запомнила, — вздохнула ренийка. — Что-то «возьмет», «в рот» и другие такие же непонятные слова. Но песня хорошая, душевная. Мне понравилась.

Я закашлялся. Песню сочинили десантники, и слова в ней были соответствующие. Причем, чем дальше, тем ядреней.

— Что было потом? — спросил я.

— Ничего! — пожала плечами ренийка. — Я открыла ключами двери, помогла вам войти в дом. Вы показали мне, где спать, и полезли наверх. При этом ругались.

— Как?

— Я не разобрала. Хотела вам помочь, но потом решила, что сами справитесь. Вы сильный, хотя и выглядите стариком.

Я облегченно вздохнул: личина ушла ночью.

— У вас хороший дом, — продолжила Ноэль. — Мне здесь нравится. Стоит стать в ванну, как сверху льется вода. Вышел — прекращает.

Ну, да, фотоэлемент...

— Еще мне понравились светильники, которые зажигаются прикосновением к плашке. Я с ними сразу разобралась — там ладонь нарисована. И водяной туалет... Только ведра не было, и мне пришлось его искать.

— Ведро не требуется, — сказал я. — Достаточно поднести ладонь к плашке на бачке, и все смоеся. И на кухню воду носить тоже не нужно. Поставь кастрюлю в раковину, и она польется из трубочки сама. Поверни рычаг вправо — пойдет теплая.

— Магия! — восхитилась Ноэль.

Я промолчал. На крыше у меня солнечные батареи, энергии от которых хватает, чтобы осветить дом, закачать из колодца воду и подогреть ее. Когда солнца нет, подключаются аккумуляторы. Они достаточно емкие, чтобы в автономном режиме обслуживать дом в течение трех суток. А вот на плиту энергии не хватает, поэтому она на дровах. Говорить об этом Ноэль я не стал — смысла нет. Она в доме не задержится. Переночевала, накормили друг друга — обязательства исполнены. Дальше — гуд бай!

Я раздумывал, как это лучше сказать, как вдруг в ухо мне задышали. Я повернул голову и заорал. Прямо перед моим лицом маячила крокодилья пасть, усеянная зубами, толщиной в палец. Из пасти капала на пол слюна. Услышав мой ор, хищник отшатнулся.

— Нэси! — Ноэль подбежала и шлепнула ладошкой по голове чудовища. — Я же велела лежать! Зачем влезла?

Чудовище рыкнуло и исчезло. За окном заворочались, и послышался тяжелый удар о землю.

— Что это было? — спросил я, судорожно сглатывая. Так и описать можно! И не только... Хорошо, что в туалет я уже сходил.

— Это моя дига! — сказала Ноэль. — Простите ее, мэтр. Она совсем молоденькая и очень любопытная.

Я встал и выглянул в окно. Во дворе дома лежал дракон. Небольшой такой — метров шести в длину. Это если считать туловище. С шеей и хвостом зверюга вытянулась почти во всю ширину двора, а он у меня не маленький. В данный момент Нэси задумчиво жевала куст флоксов, выдернутый из клумбы вместе с корнями. Вчера я их поливал...

— Простите, мэтр! — Ноэль покраснела. — Я не подумала. Нэси пожаловалась, что ей скучно, и я разрешила ей прилететь. У вас большой двор... К тому же понадобилось переодеться, а одежда в поклаже.

Я присмотрелся и разглядел на спине драконши притороченные ремнями сумки. Ближе к шее имелось большое седло.

— Я думала, она будет спать, — вздохнула Ноэль. — Ведь сытая: ночью ей удалось поймать свинью.

«Я даже знаю, чью, — подумал я. — Крум будет в ярости. Это его свиньи пасутся за городом».

— Зачем ты прилетела на драконе? — спросил я.

— На диге, — поправила она. — Дороги не безопасны. Обидеть девушку может всякий.

Она сказала это, потупив взор, но я не поверил. Беззащитной ренийка не выглядела ни разу. И вчера в трактире она не боялась. Возмутилась, что кто-то посмеет покуситься на ее честь, но не более.

— Вас кто-нибудь видел?

— Не думаю. Мы сели далеко от стен. Я оставила Нэси и пошла пешком. Думаете, следовало прилететь?

Если есть желание вызвать войну. Рениец на драконе воспринимается в Мерсии, как разведчик, вслед которому идет армия. Слишком редки эти животные, чтобы на них путешествовали просто так. Диг использует знать или армия, что применительно к Рении одно и тоже. В Ремсе объявили бы

тревогу, вывели гарнизон на стены... После чего Ноэль, буде ее поймали, ждал суд — скорый и несправедный. Шпионам дорога на эшафот. Принесло же на мою голову! Я собирался спровадить Ноэль сейчас, но придется ждать темноты. Путь убирается потихоньку. Даст бог, пронесет.

Я собирался это сказать, как в ворота забарабанили. Началось! Тварь заметили и доложили, кому следует. Я выдохнул воздух и побрел к калитке, мысленно выстраивая оправдательную речь. Она почему-то не складывалась — мысли путались.

Отпирать я не стал. Откинул заслонку в калитке и выглянул наружу. Снаружи топтался Слай. Выглядел он смущенно.

— Простите, мэтр! — сотник переступил с ноги на ногу. — Я понимаю, что еще рано, но нужна ваша помощь.

Подумав, я приоткрыл калитку и просочился наружу. Перед воротами сидели, стояли и лежали солдаты — десятка два. Одни прижимали к телам обвисшие руки, другие опирались на плечи товарищей, лица третьих были залиты кровью или напоминали омлет, жареный с баклажанами. Многие были в повязках.

— У нас война? — поинтересовался я.

— Тьфу на вас, мэтр! — сплюнул сотник. — Накличете. Между собой подрались. Девочек не поделили.

— У Кло?

— У Годара, — вздохнул Слай. — Кло — дама серьезная, у нее не забалуешь. А этот скотоложец набрал девочек в деревнях и решил, что этого достаточно. Охраны нет, порядком не пахнет... — сотник вздохнул. — Так нам зайти?

— У меня не прибрано, — сказал я.

Брови Слая поползли вверх, но тут из калитки выскользнула Ноэль. Утреннее солнце прошило лучами ее легкий наряд, открыв всем прелести ее юного тела.

— Кхм! — откашлялся Слай. — Понятно. Ну, вы и сильны, мэтр! Никогда бы не подумал...

— Ноэль! — перебил его я. — Сходи в дом и принеси сумку. Она в коридоре на лавке. На крышке — крест.

...Последующие часы пролетели в один миг. Я вправлял вывихи, сращивал сломанные руки и ноги, чинил челюсти и свернутые носы. Ноэль помогала. К моему удивлению, врачевать она умела. Лихо орудуя иглой, она зашивала раны, которые были слишком легки, чтобы требовать моего участия. Солдаты послушно терпели боль и даже не пытались с ней заигрывать. К полудню мы закончили. Солдаты разбрелись. Некоторые

прихрамывали, другие придерживали сломанные ночью руки, но через день-два они будут полностью здоровы. Я устало прислонился к воротам. Ну, и денек!

— Спасибо, мэтр!

Слай попытался сунуть мне пару монет.

— Лучше скажи Круму, чтобы прислал поесть и выпить! — покачал головой я. — На двоих.

— Сделаю! — кивнул Слай и затрусил к трактиру.

— Я принесу! — выпалила Ноэль и устремилась следом.

Я проводил их взглядом и пошел к себе. Дига во дворе спала, укрыв голову крылом. Почувяв меня, она сдвинула перепонку и приоткрыла веко, но, видимо, решила съесть меня на ужин, поскольку глаз закрылся. В доме я принял душ, поднялся к себе, где сменил белье и переоделся. Пропотевшую одежду бросил в угол. Завтра займусь. Стиралка у меня стоит в чулане, и я не хочу, чтобы ренийка ее видела. И без того впечатлений много.

Когда я спустился вниз, Ноэль заканчивала сервировать стол. На кухне пахло мясной похлебкой и свежим хлебом. Среди тарелок стоял запотевший кувшин.

— Почтенный Крум сказал, что это ваши любимые блюда, — сообщила Ноэль. — Я попробовала — вкусно.

Я кивнул и сел. Крум не подвел. Суп из свинины был густым и жирным. В него вбили яйца и хорошенько их размешали. Самое то с похмелья. Я плеснул в кружку сидра и взял ложку. Ренийка присоединилась. Некоторое время мы сосредоченно ели — проголодались оба. Насытившись, я отодвинул пустую миску.

— Сварить кофе? — предложила Ноэль.

— Давай! — кивнул я.

Угли в плите еще тлели. Ренийка подбросила в топку щепок и наполнила кастрюльку водой — в этот раз из крана. Быстро учится! Пока вода закипала, я допил сидр. Приятная тяжесть обволокла тело, вытеснив из головы тревоги. Все будет хорошо. Дигу в Ремсе не видели, а Ноэль... Ночью я отправлю ее подальше и забуду этот бедлам. Лягу пораньше и продрыхну до утра. Заслужил.

Кофе у Ноэль вышел жидким, но я не показал виду. Пусть ее! Ренийка прибрала посуду, затем вдруг достала кошелек и высыпала на стол монеты. Золотые.

— Это что? — спросил я.

— Плата. За то, что вы исправите мне нос.

Я поднял бровь.

— Вы сильный маг! — заторопилась она. — Сегодня вы срастили семь переломов, не считая ран. Я специально считала. Наши шаманы так не могут. И они не берутся исправить мне нос.

— Тебе это зачем?

— Меня не берут замуж, — насупилась она. — Считают уродиной. Мне двадцать лет, а я еще девственница. Представляете?

— С трудом, — сказал я.

— Поможете? — обрадовалась она.

— С девственностью?

Она вспыхнула.

— Не надо так шутить, мэтр! Мне обидно. Я хочу иметь мужа, рожать детей. Это плохо?

— Хорошо! — согласился я. — Но я не понимаю ваших мужчин. Ты красивая и умелая. Вкусно готовишь, лежишь людей. Летаешь на диге... Чего еще? Нос не уродует тебя. Наоборот, делает неповторимой.

— Они считают иначе, — не согласилась Ноэль.

— Значит, дураки. Зачем тебе глупец? Найди умного!

— У нас и с глупыми не очень, — вздохнула она. — В войну многие погибли. Мужчин мало. Раньше за невесту платили выкуп, а сейчас требуют приданое. За меня просят дигу, а она самое ценное, что есть в нашей семье.

Я глянул на монеты — их было с десяток на беглый взгляд. Вдвое больше моего месячного жалованья.

— Пойдем! — сказал я.

В коридоре я подвел ее к зеркалу.

— Какой хочешь нос?

— Красивый! — заулыбалась она.

Я подумал и накинул на нее личину.

— Такой?

— Слишком маленький! — закрутила она головой.

— А этот?

— Большой!

— А теперь?

— Толстый...

Через десять минут я кипел. Подбор личин тянул силы, а их и без того мало. Смертельно хотелось прилечь, вздремнуть часок...

— Так! — сказал я. — В виду несогласия клиента, сделка аннулируется. Забирай свое золото! Как стемнеет, покинешь дом. Не

нужно, чтоб дигу видели.

— Мэтр Гро! — она вцепилась мне в руку. — Пожалуйста! Мне трудно выбрать. Может, вы сами?

— Я не из Рении, и не знаю, какие женщины у вас ценятся.

— Умоляю!

Я глянул на ее лицо. Овал, острый подбородок, высокий лоб. Если нос будет средней величины и прямой, получится отточенная, но строгая красота. Слишком холодная. «В лице женщины должно быть что-то неправильное, — учил меня отец. — Совсем немного, но обязательно. Совершенная красота отпугивает».

Отец знал, что говорил. У него — лучшая клиника на Земле. Несмотря на дикие цены, очередь в ней расписана на несколько лет вперед. «Пластика Куглера» — межпланетный бренд. Отец говорил, что у меня талант и собирался передать клинику мне. Он не знал, что сын у него дурак...

— А если так?

Ноэль отпустила мою руку и впилась взглядом в зеркало. На нас смотрело незнакомое лицо. Небольшой, вздернутый носик с аккуратно прорисованными ноздрями придавал ему задорный и слегка насмешливый вид. Сорванец — вздорный, но милый.

— Мне нравится! — захлопала в ладоши ренийка. — Сделайте мне такой! Прямо сейчас!

Ответить я не успел. За окном взвыла труба. Сначала одна, за ней — другая, потом — третья. Сигнал подавали со сторожевых башен. Это могло означать только одно: к стенам Ремса подходили враги. Все-таки накликал...

Глава 2

Над толпой, текущей на поле под стенами, развевался черный флаг с какой-то кракозяброй в центре. Сильный ветер полоскал полотнище, от чего казалось, что кракозябра прыгает, пытаясь покинуть ткань.

— Шида, — сказал Слай и уточнил: — Последователи бога Хамму.

— Почему не хамиты? — спросил я.

— Потому что у Хамму есть пророк Шид. Он и командует этой мразью.

Слай сморщился.

— Они из Рении или Мерсии? — спросил я.

— Отовсюду! — Слай сплюнул. — Их вера расползается по всем странам, как черная смерть. Раньше они сидели в глухих углах, теперь окрепли и захватывают города.

— Для чего?

— Устанавливать равенство и справедливость.

«Значит, будут резать!» — подумал я.

— В захваченных городах они первым делом казнят правителей и жрецов, — подтвердил мою мысль Слай. — Остальным предлагают принять их веру. Кто отказывается, убивают, забрав имущество. Это мужчин. Женщин щадят. Если те принимают веру, их выдают замуж за кого-то из своих, не принимая в расчет, есть ли у нее муж или жених. Тех, кто отказывается, насилуют и отдают на утеху воинам.

Ренийка рядом со мной злобно фыркнула.

— Это они называют справедливостью? — поинтересовался я.

— Кто не поклоняется Хамму, для них не человек, — мрачно сказал Слай. — Неверный. Такой не должен жить.

— Шида хорошие воины?

— Дерьмо! Резали мы их... Но я слышал: у них появились хорошие командиры. Вроде как офицеры из королевской армии, принявшие их веру. Если это так, нам конец. Их здесь десять на одного моего воина, если не все двадцать.

Я глянул в бинокль. Толпа приблизилась, и стало видно, что ей управляют, причем, неплохо. Шида строились в колонны, тащили высокие щиты, а из тыла упряжки быков волокли какие-то сооружения. Я присмотрелся. Так... Тяжелая рама на полозьях, стойки, укрепленные мощными раскосами, длинное коромысло с противовесом. Похоже на

требуется из земной истории.

— Можно мне? — попросил Слай.

Я протянул ему бинокль. Сотник поднес его к глазам и крикнул, пробормотав: «Магия!» После чего застыл, обшаривая окулярами подступившее к стенам войско. Так продолжалось довольно долго. Затем сотник выругался и вернул мне бинокль. Лицо у него было таким, что я остерегся спрашивать. И без того ясно. Я повернулся к полю.

Действовали шиды слаженно. Пока Слай наблюдал, они установили машины, отогнав быков в тыл. Теперь воины, словно муравьи, разгружали подъехавшие повозки. Я поднес бинокль к глазам. К моему удивлению, это были не камни. Небольшие бочонки, похожие на пивные кеги, только деревянные и скрепленные обручами. Их шиды складывали в пирамиды у метательных машин.

— Что в бочках? — спросил я.

— Огненное зелье, как я понимаю, — вздохнул Слай. — Что ж еще? Это тайное оружие королевства. С его помощью мы победили в последней войне. Предатели! — он саданул кулаком по каменному зубцу башни. — Выдали секрет. Пропали мы, мэтр! Сейчас они забросают бочонками город, вызовут пожары, затем подойдут ближе и взорвут зельем ворота. Нам останется умереть.

В подтверждение его слов коромысло одной из машин дернулось. Кувыркаясь в воздухе и оставляя за собой дымный след, бочонок полетел к городу, но, не достигнув стен, упал в ров. Спустя пару секунд там сверкнул огонь, раздался грохот, и вверх полетели комки земли. Клуб серого дыма растекся в воздухе, достигнув башни. Я принялся — сера. Порох! Самый обыкновенный, дымный. Вот, значит, каков страшный секрет!

— Не рассчитали противовес, — прокомментировал бросок Слай. — Сейчас поправят.

В подтверждение его слов, возле машины засуетились шиды. Некоторые тащили к ней камни. Я колебался не долго. Мерсия мне не Родина, но я ей служу. Лекарем, но все же. В Ремсе у меня дом. Я его перестроил, вложив немало труда. А теперь все это отберут?

Я сунул бинокль в карман и снял с плеча лучевик. Накопитель скользнул в магазин, прицел щелкнул, встав в рамку.

— Что это, мэтр? — спросил Слай.

— Магический посох! — сказал я. — Испускает лучи смерти. Отойдите!

Слай отшатнулся, Ноэль — следом. Вот и ладушки! Тем временем требуется метнул второй снаряд. Бочонок ударил в стену, отскочил в ров и

взорвался там — с тем же эффектом. Пристреливаются...

Я вскинул винтовку к плечу. Перекрестие прицела скользнуло по бочонкам, застыв на нижнем. Автомат зафиксировал цель и внес поправки. Я нажал спуск.

С расстояния двухсот метров луч прожег клепку вмиг. Окуляр прицела затопило пламя. Затем пришел гул. Площадка под ногами вздрогнула и заходила ходуном. Я оторвался от прицела. На поле за стенами царил ад. В воздух взлетели куски машины, разорванные тела и не сдетонировавшие бочонки, некоторые из которых дымили фитилями или зажигательными трубками — не знаю, что у них там. Бочонки взрывались, засыпая окружающее пространство осколками. Один из них летел к башне.

— Прячьтесь! — крикнул я, хоронясь за зубцом.

Слай с Ноэль порскнули под стену. Снаружи грохнуло. Осколки забарабанили по зубцам, некоторые влетели внутрь и ударили в противоположную стену башни. Некоторые запрыгали по полу. Я присмотрелся: куски обручей, щепки от клепок. Острые! Такая попадет в тело — и ага! Страшнее металлических осколков. Вытащи ее потом!

— Что это было? — спросил Слай.

— Содом, — сказал я, выпрямляясь. — Сейчас будет Гоморра.

Расстояние до второй машины было вдвое больше — дистанция предельная. В норме из лучевика бьют импульсами. Тонкий, с вязальную спицу, луч прожигает даже броню скафа. Но это в космосе. Там нет атмосферы, и лучевик — самое то. А вот на планете — нет. Воздух, туман, дым — все это препятствует распространению луча, поэтому в войнах на поверхности это оружие не применяют. Пулемет или снайперская винтовка куда эффективнее. Только где брать к ним боеприпасы? Патронных фабрик на Зоэ нет. Здесь и порох — секрет.

Я сдвинул регулятор до упора. Хватит на пару секунд, но луч выйдет мощный. Не получится — повторим, запасной накопитель у меня в кармане. Поле тем временем затянуло пороховым дымом. В нем суетились люди, вопили раненые — да так, что их ор достигал башни. Можно представить, как им хреново. Звиняйте, хлопцы, но я вас не звал. Мне не нравится ваш бог, и я не люблю, когда насилуют женщин. Вот такой я не толерантный человек. Лучемер взлетел к плечу.

Дым мешал автомату. Я отключил его и навел перекрестие на бочонки. Главное — угодить в клепку. Обруч луч не прожжет — не хватит энергии. Я вдавил спуск. Ослепительно-белый луч уперся в бочонок. От клепки пошел дымок, я видел его сквозь оптику. Ну же, ну!.. Луч истаял, и в следующий миг в окуляре полыхнуло. Грохот долетел позже. Густой дым

заволок поле, мешая разглядеть картину. Там что-то сверкало, вылетали дымящиеся бочки, они рвались в воздухе или падали в пелену, бухая уже там.

— Нефиг оставлять огнеприпасы в виду врага, — пробормотал я. — Для них следует вырыть ровик и обваловать его. Боевой устав пехоты, глава тринадцать, пункт шесть.

Мое бормотание заглушил восторженный рев. Я повернул голову. Солдаты на стенах трясли копьями и вопили, распялив рты. Я спрятал лучемер за спину.

— Мэтр!

У подошедшего ко мне Слая в глазах было... Так, видимо, смотрели бога, обратившего в бегство моавитян.

— Не говори об этом никому, — попросил я. — Не надо.

В глазах сотника мелькнуло понимание.

— А она? — Слай указал на Ноэль.

— Будет молчать, — заверил я, — или останется без носа.

Ноэль торопливо закивала. Слай понял это по-своему. «Ну, ты зверь! — говорил его взгляд. — Оторвать женщине нос...»

— Шиды пойдут на приступ? — спросил я.

— Теперь вряд ли, — покрутил головой Слай. — Машины разрушены, других нет, а у них много раненых и убитых. Им не до нас. К тому же понадобятся лестницы, а они их не заготовили — не видел.

— Тогда пойду спать, — зевнул я. — Притомился. Если, конечно, нет раненых.

Раненых не оказалось. Сопровождаемый ренийкой, я побрел к дому, где быстро разделся и повалился в постель. Не забыв перед этим сунуть накопитель в зарядник. Кто их знает, шидов?

* * *

— Проснитесь, мэтр! Скорей! Пожалуйста!

Меня трясли за плечо. Я открыл глаза. Сверху маячило лицо со знакомым шнобелем. Увидев, что я проснулся, Ноэль отступила. Я сел. В спальне горел свет, а за спиной ренийки маячил Слай. Он здесь зачем?

— В городе шиды! — буркнул сотник.

— Что?

Я вскочил как был — в трусах, и уставился на ночных гостей.

— Им открыли ворота, — сказал Слай.

— Блядь!..

— Это измена, мэтр! — Слай говорил тяжело, будто выплевывая камни. — Пост, охранявший ворота, вырезали.

— Ши́ды?

— Городская стража. Она подчиняется наместнику.

— Мать! Мать! Мать!..

Слай кивнул, соглашаясь.

— Стражи, как думаю, собирались вырезать всех. Но мы не спали, на улицах были расставлены посты. Стражей мы — вот! — сотник будто растер между ладонями таракана. — Но ши́ды успели.

— Они захватили Ремс?

— Пока нет. Мы забаррикадировали улицы и держим центр и половину города. Они не спешат: ночью плохо биться. С рассветом они забросают нас стрелами и пойдут на приступ. Сомнут вмиг — нас мало. Поэтому мы оставляем Ремс. Северные ворота в наших руках, ши́дов за ними нет.

— Когда уходите?

— Скоро, — сказал Слай. — Надо спешить. За перевалом — крепость, надо добраться затемно. Парни собирают жителей. Среди них — женщины и дети. Они двигаются медленно, поэтому пойдут вперед. Думаю, уже пошли, — добавил он.

«Молодец! — подумал я. — Мужик! В первую очередь спасает мирняк. Уважаю».

— Вы с нами, мэтр?

— Да! — кивнул я.

— Тогда не задерживайтесь! — попросил Слай. — Не берите много вещей — только самое необходимое. Король возместит ущерб.

Он вышел. Я сел на койку.

— Мэтр! — сказала Ноэль. — Вам нельзя с ними.

Я уставился на нее.

— Сотник не все сказал. Я слышала, как ши́ды кричали: «Ищите мага! Тысячу золотых за его голову!»

«Она была на улицах?» — удивился я.

— Ши́ды хотят вас убить. Узнают, что ушли с сотником, бросятся в погоню. У них верховые стикнули, догонят быстро. Вы не дойдете до перевала.

— Что предлагаешь?

— Нэси вынесет двоих.

— Идет! — сказал я. — Поспешим!

Когда я спустился вниз, Ноэль встретила меня криком. Перед ней

выросло жуткое существо. На мне был комбез-хамелеон с наколенниками и налокотниками, десантные берцы и тактический шлем с визором. Добавьте бронежилет — мягкий, но способный выдержать удар любого оружия в этом мире, разгрузка с полным комплектом боеприпасов, поясная и набедренные кобуры, естественно, не пустые, и лучевик за спиной. Я бросил на пол рюкзак и поднял забрало-визор.

— Мастер Гро! — Ноэль облегченно выдохнула. — Вы напугали меня.

— Готова? — спросил я.

Она кивнула. Мы вышли во двор. Покидая дом, я выключил свет и активировал систему защиты. Через пять минут она подаст ток на все металлические элементы в доме и ограду. Любого, кто их коснется, так пиз... Ударит, короче. А что? Не пропадать же энергии? Батареи работают, жильцы уехали...

За воротами нас ждал страж. Увидев меня, он схватился за меч, но я успокоил его, сняв шлем.

— Я за вами, — сообщил солдат. — Сотник велел проводить.

Или отконвоировать...

— Передай Слаю, чтобы не ждал.

— Но...

— Я улетаю. Посторонись!

Страж отошел, и я открыл ворота. Шагая вперевалку и волоча хвост, на площадь выбралась Нэси. Страж ойкнул и отбежал в сторону. Я притворил створки и навесил на петли замок. Ключи сунул в карман разгрузки. В Средние века евреи, изгоняемые из Испании, уносили ключ от дома. Как память и надежду на возвращение. Добрый обычай!

Дига присела, я надел шлем и взобрался в седло позади Ноэль. Она подала ремни с крючьями. Я прицепился к седлу. Не карабины, конечно, но удержат. Ноэль ударила дигу каблуками. Та встала и побежала по площади, цокая когтями по камням. Несколько фигур шатнулись в стороны. Дига расправила крылья, взмахнула ими раз, другой — и мы взлетели. Крыши домов поплыли вниз, и мне показалось, что мы не летим, а падаем звездное небо. Здесь оно, как на Земле — огромное, и удивительно красивое. Только созвездия другие. Я тронул плечо Ноэль:

— Сделай круг над городом!

Ренийка, не оборачиваясь, мотнула головой. Ее украшал кожаный шлем с нащечниками. В этом наряде Ноэль удивительно походила на земных пилотов начала XX века. Не хватало только очков-консервов. В то время кабины были открытыми, а на первых аэропланах их и вовсе не было. Только кожаный костюм мог защитить пилота от напора холодного

воздуха. Теперь ясно, почему Ноэль явилась в Ремс в таком наряде.

Дига повернула, и я активировал ноктовизор. К северным воротам шли люди. Они тащили узлы и вели за руки детей. Беженцев было много, но суеты не чувствовалось. Я разглядел на улицах солдат. Выстроив коридор, они направляли людской поток в нужную сторону. Нет, Слай все-таки голова! Четко работает.

Нэси повернула к югу, и мрак стал отступать. У южных ворот горели костры. Возле них застыл круг воинов. Я выключил ноктовизор и приблизил изображение. Что тут у нас? Похоже, важное совещание. Черное знамя, охрана по периметру, в центре несколько воинов в начищенных доспехах. Рядом — жирная фигура в мешковатом камзоле. Похоже, правитель города, это он у нас такой стройный. О чем-то спорит с захватчиками, размахивая руками...

Картинка улетела назад.

— Ноэль! — попросил я. — Поверни к кострам!

Она кивнула, дига заложила вираж. Я вытащил из разгрузки две плазменные гранаты. Нет, я не злой человек, боже упаси! Люблю котов и собак, обожаю детей. Глажу их по головкам. А вот предателей ненавижу. И к оккупантам я не очень...

Большими пальцами рук я отщелкнул предохранители. Гранаты взорвутся, коснувшись поверхности. В радиусе двадцати метров выгорит все живое. И неживое тоже.

Ноэль, как чувствуя, вела дигу так, чтоб мне удобно бросать. Высота не более ста метров. Теперь главное рассчитать упреждение...

Первый цилиндр пошел вниз, следом устремился второй. Еле заметные в фоне костров, они упали практически одновременно. Первый — с недолетом, а вот второй угодил точно в круг. Мастерство не пропьешь, хоть мы и старались...

Внизу пыхнуло так, что осветился небосвод. Дига заревела и замахала крыльями, стремясь в высоту. Меня качнуло в седле.

— Что это было, мэтр?! — повернулась ко мне Ноэль.

— И пролил Господь на них дождем серу и огонь с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли, — процитировал я.

— Магия! — кивнула Ноэль.

— Можно сказать и так, — не стал спорить я. — Куда летим?

— Неподалеку есть место... Там нет людей, но много дичи. Чистая вода в ручье и маленькое озеро. Можно переждать несколько дней.

В ее голосе звучали просительные нотки. Ну, да, я обещал ей нос. С

другой стороны, предложение дельное. Надо придти в себя, подумать, что делать дальше.

— Выпивка там найдется? — поинтересовался я.

— Будет! — заверила Ноэль.

— Тогда летим! — сказал я.

Глава 3

— Продолжай! — велел Этон.

— Среди нас были женщины и дети, — заторопился Слай, — они замедляли движение, поэтому к перевалу мы добрались лишь с рассветом. Я велел жителям взять тяжелораненых воинов и идти в долину, а оставшимся приказал готовиться к бою. Следовало задержать погоню.

Шут загремел колокольчиком. Этон бросил в его сторону недовольный взгляд.

— Однако погони не было, — продолжил Слай. — Мы простояли до полудня, после чего я решил послать в Ремс разведку.

— Почему не ушел? — спросил Этон. — Ведь люди и раненые добрались.

— Меня удивило поведение шидов, — ответил Слай. — Следовало понять, чего они медлят? Разузнать, что задумали.

Шут заплодировал.

— Угомонись! — шикнул Этон и дал знак сотнику продолжать.

— У нас были стикули, поэтому разведка вернулась скоро. Доложила, что шидов в городе и вокруг нет. Ушли. Ворота стоят открытыми, на улицах — никого.

— Странно! — сказал Этон.

— И я не поверил, — кивнул Слай. — Поэтому отправился в Ремс сам. Парни не обманули. Мы обнаружили в городе брошенное оружие, повозки с запасами, но самих шидов не оказалось. Они даже не увели жителей — тех, кто остался. Мы их расспросили. Люди поведали, что в городе был пожар, но от чего он возник, не знают, поскольку боялись выходить из домов. Утром они обнаружили, что шидов нет. Мы осмотрели город. Площадь перед южными воротами и вправду выгорела, но я не сказал бы, чтоб сильно. Три дома, стоявшие ближе к воротам, закоптило, остальные целы. Я ничего не понимал. И тут парни притащили Геду.

— Кого?

— Старуху. Живет в доме неподалеку от ворот. Той ночью она смотрела в окно — у нее бессонница. Да и другие жители не спали, — Слай вздохнул. — С ее слов ночью перед воротами собрались вожди шидов. Они говорили с благородным Кратом.

— Дерьмо Кратом! — влез шут. Этон сделал вид, что не заметил.

— Они о чем-то спорили, махали руками. В этот миг с неба упали два

камня. Геда говорит, что точно видела. У нее, несмотря на старость, глаза как у молодой. После этого на площади и полыхнуло. Она даже ослепла на время. А когда проморгалась, то увидела, что на площади горят шиды, остальные бегут.

Шут свистнул.

— Мы проверили ее слова, — поспешил Слай. — Там действительно горели люди, — сотник помялся. — Мы это поняли не сразу. Жар был таким, что плавилась броня и оружие, даже камни. От многих даже праха не осталось. Но те шиды, что стояли поодаль, обгорели не так сильно, и мы поняли, что Геда не врет.

— Крат тоже сгорел? — спросил Этон.

— Вот!

Слай вынул из сумки и протянул ему кусок металла. Этон взял его и рассмотрел. Уродливый слиток золота, ни на что не похожий. Но тут Этон заметил лучик, торчавший сбоку. Потрогал его пальцем. Сомнений не оставалось: звезда правителя, оплавившаяся в огне.

— Жаль! — сказал подошедший шут. — Крата следовало посадить на кол или подвесить за ребро. Легко отделался.

— Кто, по вашему сжег, шидов? — спросил Этон.

— Говорят, что бог, — сказал Слай.

— Но ты не веришь? — хмыкнул шут.

— Нет! — покачал головой сотник. — Это Гро.

— Почему так решил? — спросил Этон.

— Судите сами, Ваше Величество! Сначала он с помощью посоха уничтожает огненное зелье и машины шидов. Причем, делает это так быстро, что я не успел даже толком рассмотреть. Потом выясняется, что у него и его ренийки есть дига. Страж, который ждал мэтра, рассказал, что Гро вышел из дома не похожий на себя. На нем была странная одежда и шлем с личиной. Из чехлов на ремнях и из карманов торчали странные предметы. Я думаю, что это было оружие. Они с ренийкой сели на дигу и взлетели. А после сгорели шиды.

— Умница! — сказал шут.

— Уходя, вы не видели пожар? — спросил Этон.

— Нет, Ваше Величество! Северные ворота находятся на противоположной стороне города. Вид на юг заслоняют дома. Мои воины к тому времени ушли с улиц. Мы спешили и не смотрели назад. Да и не ждал никто...

Слай снова вздохнул.

— Гро не вернулся? — спросил шут.

— Нет! — сказал Слай. — Я не знаю, куда он улетел. Мэтр этого не сказал.

Этон знаком велел шуту молчать.

— Благородный Слай...

— Я простолюдин! — возразил сотник.

— Не перечь королю! — влез шут. — Ему виднее.

Этон усмехнулся.

— Благородный Слай, за преданность короне и проявленные в битве с врагом отвагу и ум я возвожу тебя в чин тысяцкого и поручаю тебе Ремс и прилегающие к нему земли. Ты будешь править в нем, как в моем лене, подчиняясь лишь королю. Я укреплю гарнизон воинами, и ты сам решишь, как ими командовать. Храни город! Это ключ к сердцу Мерсии. Будешь служить верно, и я сделаю тебя ноблем. Войдешь в мой ближний круг.

— Ваше Величество! — Слай рухнул на колени.

— Встань! — сморщился король. — Благородный преклоняет колени только перед богами. А я смертный. Иди и отдохни с дороги.

Слай вскочил и, пятась, вышел из зала. Шут поаплодировал ему вслед.

— Что скажешь? — спросил Этон, после того как Слай исчез.

— Ты дурак, братец! — сказал шут.

— Это из-за Крата? — поинтересовался король.

— Самой собой! — подтвердил шут. — Говорил же тебе, что он вор.

— За него ручались, — сказал Этон. — Клялись.

— Хорошо, ты не единственный дурак в королевстве, — усмехнулся шут. — Есть и глупее. Надеюсь, ты понял, что они дали повод?

Король кивнул

— Через день я хочу видеть их головы на кольях. Откажешь — уйду в обитель. И ты сдохнешь от скуки.

— Что им предъявить? — спросил Этон.

— Измена Мерсии, выразившаяся в заговоре с целью сдачи Ремса и последующего захвата власти в королевстве.

— Уверен?

— А ты — нет? — усмехнулся шут. — Откуда у шидов метательные машины? А огневое зелье? Самый охраняемый секрет империи оказался у каких-то бродяг. Кто его передал? Мы с тобой? Этот секрет знают пять человек в королевстве, не считая каторжников, которые смешивают порошок. Но побегов с их стороны не было, а посторонние лица каторгу не посещали. Тюремщики все на местах. Я проверил. Зелье взяли из арсенала, которым руководит Блист. Больше неоткуда. Прикажи провести там ревизию, и убедишься сам. Глупцы! Они не побоялись подставить шеи под

топоры — думали, что успеют. Ремс должен был пасть, открыв дорогу к столице. Появись шида у стен, в Блантоне вспыхнул бы мятеж.

— Ты это знал? — поднял бровь Этон.

— Разумеется! — сказал шут. — Работа такая. Думаешь почему, я попросил придвинуть армию к городу? Ты еще ругался. Дескать, возле границ она нужнее.

— Когда-нибудь я тебя убью! — пообещал король.

— Уже трясусь! — шут изобразил на лице испуг.

— Они признаются на допросах? — спросил Этон.

— У старины Фила? — засмеялся шут. — К вечеру они скажут, что спали с собственными матерями, и от этого кровосмешения появились на свет. Иногда я подозреваю, что так оно и есть. В течение стольких поколений воспроизводить исключительное дерьмо! Клятвопреступники, воры, трусы, предатели...

— Опора трона! — возразил король.

— Твоя опора — Слай! — рявкнул шут. — Он мог увести из города свою сотню, и его никто бы не упрекнул. За жителей отвечает правитель. Но Крат оказался изменником и сдал город, поэтому жителей спас Слай. На перевале он собирался умереть, чтобы дать им возможность уйти. Кто из твоих благородных поступил бы также? А Слай даже награды не попросил.

— Не кипятись! — миролюбиво сказал король. — Сам вижу. Жалко мне дураков. Вместе росли, учились...

— Валяли девок, — продолжил шут. — Пора мудреть, братец! Не мальчик уже. Внуки есть.

— Где? — удивился король.

— А я знаю? — ухмыльнулся шут. — Где спал с девками, там и ищи.

— Тьфу на тебя! — сплюнул Этон. — Я уже испугался.

Шут захохотал.

— Ладно! — сказал король. — Распоряжусь.

— Наконец-то! — зааплодировал шут.

Этон вздохнул.

— Я тоже дурак, — сказал шут. — Увлёкся заговором и проспал Гро. Его нельзя было упускать — ни в коем случае.

— Как он оказался в Ремсе? — спросил король.

— Пришел, — хмыкнул шут. — Откуда, не ведомо. Явился к Слаю и заявил, что он лекарь. Тот обрадовался — маг в Ремсе! но виду не показал. Решил проверить. У него перед этим воин сломал ногу — упал пьяным. Гро срастил ему перелом так, что воин встал и пошел. Сразу! Слегка прихрамывал, конечно, но сам.

— Да ну?! — не поверил король.

— Я больше скажу, — продолжил шут. — Перед приходом шидов гарнизону выплатили жалованье. Воины выпили и передрались. Переломали друг другу руки и ноги, посворачивали носы и челюсти, проломили головы. Из строя вышло два десятка человек.

— Слай этого не говорил! — удивился король.

— А чем хвастаться? — усмехнулся шут. — Его могли наказать. Враг у стен, а двадцать воинов небоеспособны. Мне рассказали об этом люди сотника. Я не пожалел им вина, — шут улыбнулся. — Так вот. Гро вернул покалеченных в строй к полудню.

— Не может быть! — воскликнул Этон.

— Может! — возразил шут. — Когда за дело берется маг, а не шарлатаны из Корпорации.

— Они сильные маги! — не согласился король.

— Кто?

— Ну... — Этон замялся. — Мэтр Дун.

— Который не смог вылечить собственную жену?

— У нее была тяжелая болезнь.

— А у воина с проломленной головой — легкая? Очнись, братец! Твоя Корпорация давно стала сборищем невежд, которые только и умеют, что надувать щеки и махать руками. В члены принимают исключительно детей магов, их племянников, других родственников и друзей. А с чего не порадеть? Получил патент — и ты в золоте. Чужаков в Корпорацию не берут — они же отберут хлеб у своих. Думаю, Гро это знал.

— Поэтому отправился в Ремс?

— Именно! — подтвердил шут. — Он точно рассчитал. В пограничных городах лекарей нет. Шарлатаны из Корпорации туда не едут — здесь сытнее. Неудивительно, что Слай обрадовался Гро. Я слежу за донесениями с границ, и обратил внимание, что в Ремсе появился лекарь. Однако значения не придавал. Думал, какой-нибудь шарлатан. Даже подозревал, что Слай присваивает это жалованье. Планировал разобраться позже. Эх, братец! У нас в королевстве был великий маг! Чудный лекарь, гроза врагов. Эти лучи смерти, камни, что сжигают врагов...

— Думаешь, он в Рении? — спросил король.

— Возможно. Если вспомнить, с кем улетел.

— Подстроено?

— Трудно сказать. Среди прибывших со Слаем, есть трактирщик. Его зовут Крум. Утверждает, что ренийка и маг встретились случайно.

— Что делает здесь трактирщик?

— Хлопочет о компенсации. Шиды разграбили его имущество.

— Что сказал Крум?

— Ренийка явилась в Ремс накануне. Пришла к Круму, чтобы поесть. Момент, надо сказать, выбрала неудачный. Гарнизону выплатили жалованье, солдаты пили. Свободных мест не было. В одиночку за столиком сидел лишь Гро.

— Почему?

— Крум утверждает, мэтр так требовал.

— Трактирщик не возражал?

— Гро щедро платил. Он вылечил дочь Крума — у нее была сухая рука, и не взял платы. Крум готовил ему отдельно.

— Не удивительно! — сказал король. — Маги — они капризные. То им не так, то не эдак.

Шут, соглашаясь, кивнул.

— Продолжай! — велел Этон.

— Гро не хотел, чтобы ренийка присоединилась ему. Но та проявила вежливость, и маг сдался.

— Она хороша собой?

— Крум говорит, что не очень. Молода, стройна, крепкого сложения, но не красавица. Однако чем-то приглянулась магу. Тот накормил ее из своих блюд, после чего напился. Ушли они вместе. При этом ренийка придерживала Гро, а тот пел.

Этон засмеялся.

— Крум был удивлен. Ранее женщины мэтра не интересовали. В Ремсе есть бордель для солдат, но Гро его не посещал.

— Я его понимаю, — хмыкнул король. — Представляю тех красоток!

— Крум объяснял это возрастом Гро. На вид ему лет шестьдесят.

— Посмотрел бы я на эту ренийку! — воскликнул Этон.

Шут хмыкнул.

— Но-но! — сказал король. — Я еще ничего. Не так, как в молодости, но женщины не жалуются. Из того, что ты рассказал, ясно одно: Гро улетел навсегда.

— Вряд ли.

Этон уставился на собеседника.

— Если б Гро хотел жить в Рении, он не пришел бы к нам. Однако он выбрал Мерсию и заштатный городок. Как думаешь, почему?

— Тихая жизнь, — пожал плечами король. — А он старый.

Шут захохотал.

Король насупился.

— Ах, братец! — сказал шут. — До чего же ты у меня глупый. Подумай сам! Старый человек знакомится с молодой ренийкой и ведет ее к себе. Из трактира они идут в обнимку, при этом старик громко поет. Наутро он не впускает в дом сотника, утверждая, что там не прибрано. Интересно, что? Затем он разом вылечивает двадцать воинов, взбирается на башню, откуда уничтожает машины и огневые запасы шидов, и возвращается к себе — поспать. Что же он делал ночью? И вот Слай сообщает ему, что город сдан. «Старик» встает, обвешивается оружием, надевает шлем и улетает на диге. По дороге сжигает шидов. Тебе сколько лет, братец?

— Ты же знаешь! — сказал король. — Сорок.

— А Гро, если верить Слаю, — шестьдесят. Ты бы смог повернуть то же, что и он, за тот же срок?

— Я не маг! — открестился король.

— Маги — люди, такие же, как и мы с тобой. Они болеют, стареют и умирают. В шестьдесят лет человек — развалина. Ему не нужны женщины, он не любит много ходить, избегает лестниц. Башня в Ремсе высотой в сорок локтей, я узнавал. Наверх ведет лестница с высокими ступенями. Гро взобрался по ней, не запыхавшись.

— Откуда знаешь? — удивился король.

— Спрашивал, — усмехнулся шут. — Ни Слай, ни его воины не обратили на это внимания. А стоило.

— Ты думаешь?..

— Личина! — подтвердил шут. — Это и наши могут. Гро выдавал себя за старика.

— Зачем?

— Первое, что думаешь, для солидности. Пожилому лекарю верят больше. Но в Ремсе не было других магов. Значит, скрывается.

— Знать бы от кого! — сказал король.

— Он не местный. Язык Мерсии ему чужой. Но он не из Рении — выговор другой.

— Из Хайрии? — задумался король и ответил себе сам: — Вряд ли. Хороших магов там нет. Когда заболеют, едут к нам. Тиррана? Далеко. Даже морем плыть более луны.

— Жить захочешь — поплывешь, — сказал шут. — Не о том говорим. Как наградишь Гро, если вернется?

— Дам тысячу золотых!

— Всего?

— Патент мага.

— И только? Человеку, который обратил вспять армию врагов? Ты

скуп, братец!

Этон нахмурился:

— Что предлагаешь?

— Личный лен в наследственное владение. Звание придворного мага. Должность главы Корпорации с правом пересмотреть выданные патенты и отобрать их у шарлатанов.

— Его сожрут!

— Мы защитим.

— Как?

— Женим на дочери могущественного человека.

— Чьей?

— Твоей.

— У меня нет дочери!

— Разве? — сощурился шут.

— Ну... — смутился король. — Она внебрачная. Я не видел ее много лет и даже не знаю, жива ли.

— Жива! — успокоил шут. — Хотя могла и умереть. Девочке пришлось не сладко. Ее растила бабушка, поскольку муж матери не взлюбил падчерицу. Хорошо, что у девочки есть дядя, который помнил о ней и помогал деньгами.

— Брат!

— Не надо благодарить! — сказал шут. — Сам знаю, что я хороший.

— Она красива?

— Похожа на отца.

— Бедная девочка! — покачал головой король.

Шут засмеялся.

— От тебя у нее только одна черта. Правда, приметная. Опознаешь сходу. Мы договорились?

— Я подумаю, — сказал Этон. — Она все же моя дочь.

— Ты не исправим! — покачал головой шут.

— Надо сначала взглянуть на дочку, — смутился король.

— Тогда пошлю в Муг гонца, — сказал шут. — Пусть едут с матерью.

— Это обязательно? — сморщился король.

— Боишься? — сощурился шут.

— Королева ревнива, — вздохнул король. — Сам знаешь.

— Остановятся у меня. Места хватит.

— Ах, брат! — сказал Этон. — Не тому боги дали корону. Хотел бы я поменяться с тобой местами!

— Не получится! — хмыкнул шут. — Во-первых, я бастард. Во-

вторых, — вот! — он повернулся к брату спиной. — Горб королю не к лицу. В-третьих, я не хочу править. Поэтому ты и держишь меня возле себя. Я не прав?

— Прав, как всегда! — кивнул Этон. — Но я бы на твоём месте подумал...

Глава 4

Ноэль поет. Ее голос, звонкий, сильный, рассыпается серебряными колокольчиками, и эти колокольчики бренькают в моей голове, толкаясь в виски болью. Вот ведь, зараза! Никакого уважения к почтенной старости.

— Угомонись!

Голос стихает, чтобы тут же смениться обиженным:

— Тебе не нравится, как поет Ноэль?

— У меня болит голова.

— А вот не надо было пить столько оука!

Не надо было, конечно, только что теперь? Ноэль сдержала слово. Когда мы долетели до этого заброшенного оазиса посреди степи, она первым делом стряхнула с какого-то дерева с десятков плодов. Плоды походили на кокосы, а само дерево — на пальму, но Ноэль сказала, что это «оук». Она вскрыла плоды кинжалом и слила болтавшуюся внутри молочную жидкость в казан. Выставленный на солнце, сок почти сразу забродил, и к вечеру стал прозрачным. Вкус у него оказался кисловатый, но приятный. Оук щипал язык и шибал в голову. К ночи я впал в нирвану. Кто же знал, что у этой штуки такой откат?

Я охнул и открыл глаза. Блин! На Ноэль было невозможно смотреть. Пока оук бродил, она потребовала заняться ее носом, что я и сделал. Нос покраснел и распух. Это при сращивании переломов опухоль опадает. Организм сам пытается залечить повреждение, и влитый импет только мобилизует этот процесс. Трансформация — дело другое. Тело привыкло к своему органу, а тут его заставляют менять форму и рассосать лишнее. Организм бунтует. Поэтому процесс занимает не один день, и протекает бурно. Ноэль, разглядев в озерце свой распухший нос, немедленно замотала лицо. Спрашивается, зачем? Кому на нее смотреть? Здесь нет никого, кроме нас двоих и летающего крокодила.

Повязка и сейчас укрывало лицо Ноэль. А вот другой одежды на ней не наблюдалось. Совсем. И она стояла надо мной, уткнув кулаки бока, так что я мог беспрепятственно разглядеть все ее прелести. Начиная от стройных ног, треугольного островка лобка, поросшего черным волосом, до тяжелых полушарий грудей с дулами-сосками. Они смотрели мне в лицо. Кровь прилила мне в голову — и не только в нее. Капелланов учат смирять плоть. Есть духовные и физические практики. Жизненная необходимость. За священниками на целибате присматривают строго. Попадешься на блуде

раз — поедешь на покаяние в монастырь сроком на год. Можешь и на два — это как митрополиту на сердце ляжет. Рецидив влечет извержение из сана. А это жопа. Нет, выпускник академии — человек образованный и может хорошо устроиться. Теоретически. Только государственная служба для расстриг закрыта, а о выборной должности можешь и не мечтать — ни одна партия возьмет под крыло за изгнанного за блуд священника. Учителем не мечтай — кому нужен растлитель учениц? Так что иди в бизнес, если есть к этому способности. А если нет? Значит, дорога в грузчики или санитары — туда всех берут...

Однако сейчас мои духовные и физические практики не работали. Трудно их применить, когда над тобой нависают такие прелести.

— Ты почему голая?

— Одежду постирала, — Ноэль указала на шаровары и рубаху, развешенные на кустах.

— У тебя есть другая.

— Она кожаная. В ней жарко.

Это действительно так. Солнце здесь начинает немилосердно палить чуть ли не с рассветом. Хорошо, что в оазисе есть деревья и маленькое озерцо, образованное бьющим из-под песков ключом.

— У вас принято ходить голой перед мужчиной?

— Ты — лекарь! — тоненький пальчик обличающее указал на меня. — А лекарю доверяют больше, чем мужу. К тому же ты старый, — она хихикнула.

Тут боль, собравшись с силами, пошла в атаку. Голову расперло изнутри. Я застонал и на пределе сил послал импет. Мгновение он и боль возились в голове, борясь за первенство, но импет победил. Боль съежилась и отступала. Я блаженно вздохнул и посмотрел на Ноэль. Глаза у нее были большими. Внезапно ренийка взвизгнула и метнулась в кусты. По пути она сдернула с кустов подсыхающую одежду. Я сел. Все ясно: личина слетела. Блин!

— Мэтр, это вы? — среди ветвей показалась замотанная повязкой голова.

— Кто ж еще? — буркнул я.

— Я могу подойти?

— Попробуй!

Она осторожно выбралась из-за кустов. Мокрая одежда, облепив ее тело, делала его невероятно соблазнительным. И почему я влез с замечанием? Лучше б ходила голой. Ноэль приблизилась и замерла.

— Вы какой настоящий, мэтр: старый или как сейчас?

— Как сейчас.

Она заулыбалась, подошла и опустилась на колени. Осторожно протянула руку.

— Можно?

Я кивнул. Робкие пальчики осторожно коснулись моей щеки, затем — лба, потрогали нос и пощекотали бороду.

— Настоящий! — восхищенно сказала Ноэль. — Такой молоденький! Зачем вы притворялись стариком?

— Чтобы завлекать девушек. Они подумают: «Старик! Чего его опасаться?», а я заманю их в дом и надругаюсь.

Ноэль отдернула пальчики и засмеялась.

— Шутите, мэтр! Для того чтобы заманить девушку, вам не нужно притворяться стариком. Как раз наоборот. Вы такой красивый!

— Скажешь! — хмыкнул я.

— Это правда, мэтр! У вас чудные волосы! — ловкие пальчики пригладили мою растрепавшуюся шевелюру. — Густые, вьющиеся. Голубые глаза, длинные ресницы. Как у женщины! — она хихикнула. — Кожа на лице гладкая, чистая... — голос Ноэль ворковал, пальчики скользили по моим щекам.

— Прекрати! — велел я. — Не то верну нос обратно.

Она отпрянула и надулась.

— Тебе не нравится Ноэль?

В опаловых глазах сквозила обида.

— Нравится! — сказал я. — Ты красивая. Но я, как ты заметила, молод, и поэтому испытываю желание. Догадываешься, какое?

Она прыснула.

— Вот повалю тебя на песок и лишу девственности.

— Только попробуй! — погрозила пальцем она. — Скажу Нэси, и она откусит тебе голову.

Я вздохнул: эта откусит! Причем, с удовольствием. Она на меня с первого дня нехорошо поглядывает.

— Тогда не приставай! — буркнул я. — Не доводи до греха.

— Если хочешь, я могу тебе помочь.

Ноэль опустила взор долу и завозила пальчиком по песку.

— Как?

— Женщина не всегда может доставить удовольствие мужу обычным путем. Бывают дни, когда она течет кровью и становится нечистой. Но если муж очень хочет, она снимает ему напряжение ртом.

Твою мать! Не фигу себе у них девственницы!

— Ты уже делала это?

— Нет, — пальчик рисовал в песке странные фигуры. — Но мне рассказывали как. Это, конечно, возможно только между близкими. Но ты ведь мне не чужой, так? Ты кормил меня и дал кров. Исправил нос, видел меня без одежды.

— Сама разделась.

— Не важно! — отмахнулась она. — Главное, что видел. Так что мы теперь не чужие, и я могу тебе предложить. Согласен?

Она метнула на меня взгляд, и тут же вновь опустила взор долу. Мгновение я колебался. Предложение выглядело соблазнительным. Организм вопил: «Чего тут думать! Расстегивай штаны!» Но я велел ему утихомириться. Что-то здесь не так. Этот голос... Так менеджер банка уговаривает клиента взять «быстрый» кредит, чтобы загнать его в кабалу. Местные обычаи я знаю плохо. Вдруг, исполнив желание, окажусь должен, как земля Родине? В смысле пахать на мне и пахать. Внесут в обязанности, а Нэси поставят охранять. Я-то ящерицу убью, но что дальше? До ближайшего селения неделя пути — проверял по спутнику, он как раз пролетал. Безводная степь, отсутствие колодцев. Где-то они, конечно, есть, но вот где? Со спутника их не видно. Карты здешних мест у меня нет. Подозреваю, что и у местных — тоже. Потому и существует в этом мире такая профессия, как проводник. Не зря меня сюда затащили!

— Спасибо, я потерплю.

Я откинул одеяло, стащил штаны и в одних трусах нырнул в озеро. Холодная вода обожгла тело. К полудню озерцо прогреется, но сейчас — в самый раз. Вынырнув, я радостно заорал, и вновь скрылся под водой. Наплескавшись, выбрался на берег. Боль ушла, а вместе с ней — и желание. Зато вернулись бодрость и сила.

Ноэль на берегу не было, и я, отжав трусы, выполнил стандартный комплекс утренней зарядки. После чего умылся, оделся и отправился искать спутницу. Она обнаружилась в глубине рощицы. Сидела у костерка, над которым, подвешенный на треноге, исходил паром казан. Ноздри пощекотал запах вареного мяса. Желудок голодно забурчал.

— Что на завтрак?

— Нэси поймала тунгу, — ответила Ноэль. — Я взяла заднюю лопатку. Она вкуснее.

Она не обернулась ко мне. Спина демонстрировала обиду — горькую и незамутненную. Плохо. Нам тут еще несколько дней кантоваться, и провести их в ссоре... Я сел рядом и взял ее ладошку в свою.

— Мне нужно тебе что-то сказать, Ноэль.

Она повернулась. Опаловые глаза блеснули.

— В моей стране я служил в храме. Вера запрещает нам быть с женщинами.

— Правда? — поразилась она.

Я сделал честные глаза. Вру, конечно, но не совсем. Да, был, запрещали, но это в прошлом. Сейчас я никто и звать меня никак, зато все можно. Даже врать.

— Бедный! — она шмыгнула носом и погладила меня по щеке. — Как вы терпите?

— С трудом! — честно признался я.

— Вам и жену брать нельзя?

От неожиданности я замялся и опоздал с ответом.

— Жену можно! — довольно заключила Ноэль. — Это правильно. А то от женщин требуют, чтобы хранили девственность, а вот мужчинам блудить разрешается. Несправедливо!

— Да! — подлизался я. Запах варева щекотал ноздри. Лопатка тунги стояла, чтоб прогнуться.

— Проголодался? — догадалась Ноэль.

— Очень! — признался я.

— Сейчас накормлю!

Я сходил к стоянке, принес посуду и столовые приборы. Ноэль подцепила кинжалом мясо в казане и вывалила его на блюдо. Затем, придерживая вилкой, ловко срезала его с костей. Я зачерпнул кружкой бульон и, дуя на горячую жидкость, стал пить, закусывая сухарем. В моем НЗ чего только нет — запасливый я. Армейская привычка.

— Можно мне? — попросила Ноэль.

Я зачерпнул в казане второй кружкой и протянул ей сухарь. Некоторое время мы молча ели.

— Не слишком вкусно! — заключила Ноэль, покончив с сухарем. — Но сытно.

— После оука — самое то! — возразил я.

Она прыснула и занялась мясом. Я присоединился. Однако горячий бульон сбил аппетит, поэтому отвалился я скоро. Да и Ноэль.

— Много мяса осталось, — вздохнула она. — К полудню испортится. Здесь нет ледника.

Я взял консервационный пакет и вытряхнул из него сухари. На солнце не пропадут. Затем побросал в пакет мясо. Набралось много — тунга попала не маленькая. Это степная газель, если кто не знает.

— Положу в воду ключа, — сказал я, сжимая пальцами пластиковую

защелку. — Там холодно, не испортится. Вода внутрь не попадет.

— Магия! — кивнула Ноэль.

Разубеждать ее я не стал. Иначе придется объяснять, как делают пакеты. Оно нам нужно?

— Долго нам быть здесь? — спросил я.

— Пока не увижу свой нос, — Ноэль указала на повязку. — Не хочу появляться дома раньше.

Значит, дней пять.

— А вы, мэтр? Куда направитесь?

Я пожал плечами. Ремс захватили шиды, возвращаться некуда. Идти в Мерсию? Опасно. Слай уже наверняка доложил. Лекарь улетел с ренийкой, перед этим жег шидов... Вполне возможно, что нас ищут. Контрразведка в любом мире одинакова. Поймают, отведут в подвал, вздернут на дыбу... Отвечай, чей шпион! Чем занимался в Ремсе? Иscalечат и отправят на эшафот. Боже, как жаль дома! Только-только закончил оборудование...

— Летите со мной, мэтр!

Я глянул на ренийку. Это она с чего?

— Далеко?

— День пути, — затараторила она. — Я живу в Муге.

Вот оно что! Насколько помню, Муг — крошечное княжество на границе Рении и Мерсии. Формально независимое, но на деле — под протекторатом Мерсии. В последней войне воевала на ее стороне. Ну, как воевала? Закрыла границы и объявила о своем участии в военных действиях. Думаю, Рения этого даже не заметила. Раз Муг под Мерсией, меня найдут. Не сразу: пока пронюхают, пришлют людей... Время есть. Неплохое предложение.

— Я подумаю.

— Моя семья будет вам рада, мэтр!

Конечно! Лекари здесь в дефиците. Перед тем, как осесть в Ремсе, я побывал в Блантоне — столице королевства. Посидел в харчевнях, послушал людей. Ветхий старик не вызывает подозрения. В Блантоне заправляла Корпорация — структура, построенная как гильдия Средневековья. Чужих лекарей она гнала. Оно и понятно. Из них-то лекари, как из дерьма пуля, а чужак лишит заработка. К счастью, в отдаленные города местные маги не забредали. Поэтому я выбрал Ремс. И принес же черт шидов...

Я взял пакет и отправился к озеру. Там поместил мясо в ключ, затем оттащил коврик из пенки в тень оука. Завалившись, развернул трубочку читалки. Мягкий пластик затвердел и принял форму книги. Я пробежался

пальцами по сенсорам. Экран показал список разделов. Чего бы почитать? Желательно легкого, чтобы не нагружать мозг. Я ткнул пальцем наугад.

Краем глаза я видел Ноэль. Она мыла посуду. Закончив, глянула в мою сторону, но не подошла. Правильно. Лекарь смотрит в магический предмет, ему не нужно мешать. Не то разозлится и превратит дерзкую в тунгу. Или дигу...

Книга не шла. Автор, вернее авторша, описывала магическую академию, в которой студенты учились метать молнии и огненные шары. В книге маги вызывали бури и обрушивали на берег цунами. Волшебники, ёпть!

Я отложил читалку и посмотрел вверх. Мясистые листы оука заслоняли небо, отбрасывая густую тень. Лежать под деревом было хорошо. Мысли текли размеренно и лениво. Кто, интересно, родители у Ноэль? Девочка не из бедных. Шелковые одежды, золото в кошельке, ручная дига... С другой стороны охотно готовит и моет посуду. Странное сочетание. Я не заметил, как задремал.

* * *

Родоначальником семейного бизнеса стал мой прадед. После вуза он работал на станции скорой помощи. Ездил на вызовы, возил больных в клинику — обычное дело для молодого врача. Осенью случился гололед, скорая не знала роздыха. Прадед вправлял вывихи, фиксировал сломанные конечности и вез больных в клинику. Вечером его вызвали.

— Чему вас учили?! — буркнул заведующий отделением, бросая на стол снимки. — Кого ты привез? Смотри! Всего лишь ушибы. Всех отпустили по домам. В следующий раз с синяками привезешь?

Прадед внимательно пересмотрел снимки: заведующий был прав. В то же время прадед не сомневался: переломы были. Уж больно классическими выглядели симптомы. Однако спорить не стал. Не с руки.

— Учту! — сказал виновато.

— Иди! — махнул рукой заведующий.

Дома молодой врач стал вспоминать. Он все делал правильно. Но при фиксации перелома из его рук истекало тепло. Ощущение было странным: будто он что-то отдавал. Руки после этого мерзли. Человек пытливый, прадед решил проверить. Это было нетрудно: больных хватало. Скоро врач убедился: работает! Переломы срастались, раны затягивались, более того, исчезали шрамы. Последнее навело прадеда на мысль. Самыми успешными

врачами в мире всегда были пластические хирурги. Только как им стать? Кому нужен врач из провинции? Без опыта, знаний, наработанной практики?

Практика нашлась. В районе, где жил прадед, хватало личностей, согласных на эксперимент. Они привыкли целовать лицом асфальт, а тут посидеть у врача... Да, лишь бы наливали! Ставь литр — и хоть режь! Прадед чинил сломанные носы, убирал с лиц «асфальтную болезнь», с тел — татуировки и шрамы. Процедуры снимал на видео. Накопив материал, он перенес его диски и разослал в ведущие клиники Германии, сопроводив это подробным резюме и копиями документов, переведенных на немецкий. Адреса клиник он нашел в интернете. Почему он выбрал Германию? Платят больше, и процент некрасивых женщин выше. А еще у них есть деньги. Прадед был прагматиком.

Ответили ему не сразу. Видно, опыты на алкоголиках вызвали у немцев сомнения. Но в одной клинике заинтересовались. Прадеду предложили приехать (за свой счет, конечно) и показать умение. Молодой врач наскреб денег (часть пришлось одолжить) и полетел в Кельн. В клинике у него проверили документы и отвели к пациенту. Увидев его, прадед вздрогнул. Лицо и руки больного покрывали рубцы от ожогов. Каким-то чудом у больного уцелели глаза, но не было ни бровей, ни ресниц, ни носа. Вместо рта — щель. Дальнейший осмотр выявил глубокое повреждение мышц и связок. После осмотра, прадеда отвели к директору.

— Что скажете, герр Худяков? — спросил немец. — Вы сможете помочь этому человеку?

— У вас есть его прежние фотографии? — спросил отец. — Еще лучше — видео...

Видео нашлось. Лечение прадед начал с рук. Прежде ему не приходилось сталкиваться с ожогами, поэтому действовал он осторожно. Через неделю кисти пожарного покрыла розовая, здоровая кожа, и, самое главное, они обрели подвижность.

— Гут! — сказал наблюдавший за лечением немец. — Теперь лицо.

— Понадобится дней десять, — сказал прадед. — А у меня виза кончается.

— Это не ваша забота, — отмахнулся немец. — Дайте ваши документы!

С лицом прадед возился долго. Не все удалось. Больной свободно говорил, ел, открывал и закрывал глаза, но лицо выглядело малоподвижным. Зато оно было прежним.

— Экселент! — сказал директор клиники. — Мы на такое не

рассчитывали. Планировали пересадить больному лицо целиком, но вы понимаете, что это за операция. Честно скажу, мы не рассчитывали, что вы справитесь. Это был призрачный шанс, но мы решили его использовать. Мне нравится ваша работа, герр Худяков! Я беру вас в штат.

Прадед съездил на родину, уволился, собрал вещи и перебрался в Кельн. В клинике его ценили. Врач, меняющий внешность без скальпеля, приносил доход. Не удивительно. Пластика — это хирургия. Даже подтяжка кожи требует общей анестезии. Послеоперационный отек лица длится до 20 дней, остаются шрамы, которые нужно прятать под волосами, но, главное, спустя 7-10 лет пластику необходимо повторять. Вновь скальпель, боль, синяки на лице... У прадеда было иначе. Лицо отекало, но ненадолго, и быстро приходило в норму. И никаких шрамов! А ожирение? Организм пациенток сам рассасывал накопленные запасы, при этом кожа не обвисала, а, трансформируясь следом, оставалась упругой.

К Куглеру встала очередь. Прадед сменил фамилию. Ничего личного — только бизнес. Лучшие в смысле денег пациенты ехали в Кельн с Востока, то есть из бывшего СССР. Но они требовали, чтобы лечил немец. В России имелись клиники, где оперировали не хуже, нередко — лучше, однако российские богачи не признавали своих врачей. Зачем, спрашивается, напрягать людей? Хотят немца — будет немец. Прадед женился и развелся. Это был брак по расчету, причем, с обеих сторон. Прадед получил фамилию, немка — внешность. Пластика стоила дорого, немке обошлась бесплатно. Она была в восторге. Вслед за фамилией, прадед сменил и гражданство.

Программа-минимум была выполнена. Программа-максимум предполагала создание собственной клиники. С этим не получалось. Методику Куглера признали эффективной и... уникальной. Никто не мог подобное повторить. А какой может быть клиника, если врач в ней один? Прадед искал последователей. На объявление в интернете откликнулись тысячи шарлатанов. Они заявляли, что лечат рак, меняют карму и снимают венец безбрачия. Прадед плюнул и объявление убрал. С горя хотел запить, но вовремя спохватился. Врачей-пьяниц в Германии не терпели. В этот момент он и получил письмо. Писала учительница немецкого языка из белорусского Кобрина. Она сообщила, что живет вдвоем с дочерью. Ее Юля лечит животных наложением рук. Может ли герр Куглер дать совет: куда дочери поступать? Через год Юля заканчивает школу. Прадед понял невысказанную в письме просьбу. Подумав, он набрал номер — в письме его указали.

— Алло! — ответили в наушнике.

— Здравствуйте! — сказал прадед. — Людмила?

— Да! — сказали в трубке.

— Это Куглер. Я получил ваше письмо.

— Вы говорите по-русски? — удивилась собеседница.

— Я и есть русский, — сообщил прадед. — А фамилия... это так.

Могу я поговорить с Юлей?

— Конечно! — сказали в трубке и позвали: — Доча!..

Примерно минуту в наушнике было тихо. Видимо, дочь инструктировали. Затем в трубке раздался голос:

— Слушаю!

— Здравствуй, Юля! — сказал прадед. — Думаю, мама сказала, кто я.

У меня вопрос. Что ты чувствуешь, когда лечишь?

— Импет, — сказала девочка.

— Что? — удивился прадед.

— Это по-белорусски, — разъяснила Юля. — Означает напор, порыв.

Из рук будто истекает тепло, и они становятся холодными.

— А животные? — спросил прадед.

— Выздоровливают! — похвасталась Юля. — Недавно у Маши попугайчик ножку сломал. Так я ее пальцами подержала, и через минуту он прыгал. Правда на ножку старался не наступать, — призналась девушка. — Только на второй день побежал.

— Молодец! — сказал прадед. — Дай телефон маме...

Через год Юля с матерью перебрались в Кельн. Жить стали у Куглера. С легализацией помогла клиника — Куглер объяснил директору, зачем ему эта девушка. Юля поступила в университет, Людмила устроилась в клинику переводчицей. Немецкий врач должен общаться с пациентами по-немецки, даже — с русскими. С последними — особенно. Куглер говорил, Людмила переводила. Самым трудным для нее в первое время было не ржать. В свободное от работы время прадед возился с Юлией. Водил ее в клинику, обучал методике и не заметил, как их отношения перешли в иной план. Юля стала краснеть, когда он брал ее за руку, и смотрела так, что прадед терялся.

Подумав, он сказал об этом Людмиле.

— А чего ты ждал? — спросила она. С прадедом они были на «ты». — Красивый, богатый мужчина — мечта любой девушки.

— Я старше ее! — сказал прадед. — Намного.

— Подумаешь! — хмыкнула Людмила. — Всего-то пятнадцать лет. Она тебе нравится?

— Да! — сказал прадед.

— Тогда женись! — предложила Людмила. — Не прогадаешь. Насмотрелась я на ваших немок. Мало того, что страшные, так еще с тараканами в голове, — Людмила скривилась. — Юлю я правильно воспитывала. Ты добрый и порядочный человек, поэтому сделаешь ее счастливой.

Прадед последовал совету. Теща оказалась права — жена из Юли вышла отменная. Как и врач. Университет Юлия окончила, прервав обучение только на год — в связи с родами. Когда мать с первенцем привезли в дом, прадед решил искупать младенца. Тот ухватил его за палец, и молодой отец ощутил толчок импета. На Куглера снизошло озарение. Зачем искать одаренных, если можешь производить их сам? Задумано — сделано. Роды отвлекали жену от работы, но прадед не отступал. Он работал на будущее, и не прогадал. Все пятеро детей унаследовали одаренность отца с матерью. Когда они выросли, прадед открыл клинику. Пусть с опозданием, но мечта сбылась.

Живя в России, прадед не отличался религиозностью — врачам это не свойственно. В Германии стал задумываться. Например, откуда у него и его детей такой дар? Ответ он нашел. Это имело последствия. Попечительством Куглеров в Кельне расцвел православный храм, ранее влачивший жалкое существование. Веру, в отличие от фамилии и гражданства, прадед менять не стал. Это было личным. По воскресеньям Куглеры шли в церковь, маленьких детей несли на руках. Те росли религиозными, и, повзрослев, сами приобщали детей к вере. Стоит ли удивляться, что один из потомков Куглера возжелал стать священником?

Глава 5

Офицер в форме капитана военно-космических войск США шагнул через порог просторного кабинета и приложил ладонь к виску.

— Господин генерал!

— Проходи, Майк! — сказал хозяин кабинета. — Присаживайся!

Капитан последовал приглашению и устроился в кресле напротив генерала, положив на колени папку, которую принес с собой. Пару мгновений мужчины смотрели друг друга. Оба они были подтянутые, худощавые, с суровыми лицами, отмеченными морщинами. Только у генерала морщин было больше, да «ежик» на голове побелел от прожитых лет.

— Есть новости по проекту «Беглец», — доложил капитан.

— Вы все еще занимаетесь этим делом? — удивился генерал.

— Это наш долг, сэр! — ответил капитан.

— Спасибо! — кивнул генерал. — Нашли?

— самого беглеца пока нет. Но планету, где он скрывается, с большой долей вероятности. Прогноз ошибки не более двух процентов, сэр.

— Что это за планета? — спросил генерал.

— Зоэ. Девятнадцатая галактика в списке обитаемых. Два прыжка от последней станции международного патруля.

— Далеко забрался! — сказал генерал. — Что представляет собой Зоэ?

— Обитаемая планета с кислородной атмосферой. Чуть меньше Земли. Сутки короче, климат мягче. Пять материков, тысячи островов. Население редкое, сконцентрировано преимущественно на самом большом материке, помеченном в справочнике литерой «В». Названия им пока не успели дать. Население — человеческая раса практически идентичная земной. Подробные исследования не проводились. Уровень цивилизации соответствует земному Средневековью.

— Почему исследования не проводились? — спросил генерал.

— Неинтересная планета, — пояснил Майк. — Для эксплуатации не годится. Лететь далеко, возить дорого. К тому же ООН запретила колонизацию планет с цивилизацией. Первая экспедиция выбросила зонды-роботы, которые взяли образцы почвы, воды, атмосферы, животного и растительного мира, после чего доставили все это на Землю. Сейчас яйцеголовые со всем этим разбираются. Работы у них на несколько лет. На орбите Зоэ оставлен спутник, который шлет информацию в режиме

реального времени.

— Он и дал наводку?

— Именно так, сэр! С началом операции мы подключились ко всем спутникам обитаемых планет, которые передавали информацию на Землю. Честно скажу: на Зоэ не рассчитывали. Всего один сателлит...

— Что он зафиксировал? — спросил генерал.

— Разрывы плазменных гранат.

— Вы точно классифицировали? — засомневался генерал.

— Спектральный анализ, вероятность ошибки десятая доля процента.

— Значит, не природное явление?

— Исключено, сэр! Выброс плазмы внутри городских стен...

Взгляните сами!

Капитан достал из папки и протянул генералу лист бумаги. Тот одобительно хмыкнул. Майк знал дело. Файл можно перехватить, а вот бумагу... Сначала нужно узнать, у кого она.

Некоторое время генерал рассматривал фотографию. Заинтересовавшись, достал из ящика стола лупу. Все это время капитан терпеливо ждал.

— Что это за тень? — спросил генерал, отложив лупу.

— Летающий ящер. Аборигены приручили их и используют для передвижения. Думаю, что в военных целях.

— Значит, фигурки на его спине...

— Люди, сэр! И одна из них — наш объект.

— Воюет, значит, — сморщился генерал. — Интересно, зачем? В его интересах сидеть тихо.

— Характер! — сказал Майк. — Вы же помните...

Он осекся.

— Помню! — сказал генерал. — Не забыл. Что посоветуете, Майк?

— Отправить на Зоэ группу. Объект захватить или уничтожить.

— Первое не рационально! — покачал головой генерал. — Русские добились исключения Головатого из списка разыскиваемых. По их версии это была самооборона, и международный суд с этим согласился, — генерал сморщился. — Впрочем, что я рассказываю вам об этом, Майк! Сами знаете. Нет смысла доставлять объект на базу.

Капитан кивнул.

— Целью отправки группы может быть задача два. Но официально поставить ее я не могу. Это вызовет международный скандал.

— Понимаю, сэр! — кивнул капитан. — Но это может быть частная инициатива группы лиц. Люди возьмут отпуск...

— А они захотят?

— Сэр! — капитан вскочил. — Рота «Чарли» вся, как один... Парни чуть не передрались за право участвовать в операции. Это честь для нас!

— Сядьте, Майк! — велел генерал. — Не надо обижаться. Я знаю о традициях дивизии, сам их поддерживал и развивал. Однако с юридической точки зрения — это преступление. Не хочу подставлять парней. Это мое горе.

— Нет, сэр! — возразил капитан. — Наше общее. Мы любили Джека. К тому же он погиб не один. Все должны знать: десант трогать нельзя! Кому бы то ни было!

— Хорошо, Майк! — сказал генерал. — Я понял: операция готова?

— Да, сэр! Отправятся четверо. Парни тянули жребий. Для соблюдения секретности выйдут с очередным конвоем. После прохождения станции крейсер выбросит малый бот. Парни покружатся на орбите, определяют место нахождения объекта и десантируются на поверхность. Постараются застать его врасплох. Если не получится, справятся все равно. Они профессионалы.

— Скрытность обеспечите? Сами понимаете. Если узнают...

— Вероятность провала не более процента. Напомню: спутник на орбите один, — капитан усмехнулся. — К тому же мы перехватываем его сигнал. Понадобится — подчистим. Вот этой фотографии, — Майк указал на лист на столе, — у яйцеголовых нет и не было никогда. Ее не существует.

— Действуйте! — сказал генерал.

Капитан встал и пошел к двери.

— Майк! — окликнул генерал.

Капитан встал и обернулся.

— Передай парням... Я этого не забуду. Они всегда смогут на меня рассчитывать. Ты — тоже.

Капитан кивнул и вышел. Генерал взял со стола распечатку и сунул в shredder. В щели пыхнуло, и лист превратился в пепел. Генерал сел и нажал кнопку. Некоторое время он смотрел на фото, проецируемое голопроектором над столешницей. Молодой офицер в форме первого лейтенанта военно-космических войск, улыбаясь, смотрел на генерала.

— Вот так, Джек! — сказал генерал. — Теперь скоро...

Воин вошел в комнату и растянулся на животе.

— Приветствую тебя, длань Хамму! Да продлятся твои дни вечно!

— Встань! — сморщился Шид. — Сколько раз говорил: не нужно это! Мы все братья — от малого до великого. И я лишь первый среди равных.

— Нет, Великий! — возразил воин, однако с пола встал. — Никому, кроме тебя, не довелось лицезреть Хамму и внимать ему. Ты избран богом и отмечен им!

Шид снова поморщился, но на этот раз делано.

— Подойди, Дрох!

Воин приблизился.

— Какие новости?

— К нам добрались войска, посланные на захват Ремса. Ты знаешь, что это не удалось. Мои люди опросили всех. Воины испуганы и подавлены. Говорят, что причиной неудачи стал маг, живший в Ремсе. Он испепелил наших братьев сначала у стен, а затем — внутри города. Погибли вожди, в том числе и твоя правая рука Грон.

Шид сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Как это произошло?

— Вначале все шло, как задумали, Великий! Войско вышло к Ремсу и начало осаду. Машины, что построили нам в Мерсии, стали бросать бочки с зельем. Его было много, а машинами управляли люди, присланные союзниками. Грон надеялся уже к вечеру быть в Ремсе. И тут на башне появился маг.

— Братья знали о нем?

— Нет, Великий! Это стало известно позже.

— Что сделал маг?

— Направил посох в сторону бочек, сложенных у машин. Огненное зелье вспыхнуло. Взрывы уничтожили машины, убили многих братьев. Еще большее число покалечили.

— И что Грон?

— Он решил взять город ночью. Через подземный ход, о котором мы знали, он послал лазутчика к правителю города Крату. Потребовал объяснить, что происходит, почему войско получило отпор? Правитель поведал, что в городе есть маг.

— Почему шелудивый пес не сообщил этого ранее?

— Уверял, что не знал сам. В гарнизоне был лекарь, но то, что он еще маг, никто не знал. Грон велел Крату напасть на охранявших ворота королевских солдат и впустить братьев в город. Ранее городская стража должна была ударить в решающий миг. У Крата получилось, братья вошли

в город. Но сотник Слай сумел удержать центр города. Он стал выводить жителей. Мы не препятствовали ему — ночью воевать плохо. Все равно их бы догнали.

— Почему не убили мага?

— Грон послал для этого братьев. Крат рассказал, где маг живет. Грон обещал за его голову тысячу золотых. Лазутчики пробрались к нужному дому и уже собрались напасть, как тут появился сотник с воинами. Он зашел в дом, и скоро вышел, оставив часового. С ним братья справились бы, но на улице были и другие воины. Они выводили жителей. Братья ждали момента. Но тут распахнулись ворота дома, и на улицу вышла дига. Следом явились женщина с магом. Он был странно одет. Жилет с карманами, кожаные футляры на поясе и бедре, шлем с забралом. Маг с женщиной взобрались на спину дига и улетели. Братья не могли их остановить.

— Как погибли вожди?

— Грон собрал их на площади у ворот, к ним присоединился Крат. Они решали, как лучше действовать утром, как с неба упали камни...

— Что?!

— Несколько братьев на стенах видели это. Камни упали площадь, и там все вспыхнуло. Огонь был столь ярким, что многие ослепли. Когда зрение вернулось, тех, кто стоял на площади, уже не было. Они сгорели, превратившись в пепел.

— Уверен?

— Братья утверждают так. Только... — Дрох смутился.

— Что?

— Братья очень испугались, поэтому рассказы их путанные. Одни утверждают, что камней было два, другие — что один. Одни говорят, что камни упали с неба, другие — что их сбросили с диги.

— Они ее видели?

— После того, как вспыхнуло.

— Откуда дига в Ремсе? В Мерсии их нет.

— Не знаю, Великий!

Шид помолчал, пристально разглядывая Дроха. Тот съежился.

— Слай с воинами ушли?

— Да, Великий!

— Почему же мы оставили Ремс?

— Братья растерялись, Великий! Некому было удержать. Ведь Грон с вождями сгорели.

— Скажи проще: они испугались! — скривился Шид. — Бежали.

— Ты проникателен, длань Хамму! — склонился Дрох. — Они боялись сгореть, как Грон.

— Труссы! — выплюнул Шид. — Они разве не знали, что павшего за Хамму ждет Эрий? Что там реки текут вином, на деревьях растут сладости, и юные прелестницы будут ласкать героев дни и ночи? Или я не говорил им этого? Ответь!

— Пощади, Великий! — Дрох плюхнулся на живот.

Шид пнул его в бок и плюнул на спину. Дрох не пошевелился.

— Встань! — велел Шид.

Воин подчинился. В его побелевших глазах был страх.

— Что станешь делать?

— Велю казнить каждого пятого! Нет, каждого третьего! Они умрут в мучениях и не попадут в Эрий.

— Какой в этом прок? Если б мы взяли Ремс, дорога на Блантон была бы открыта. Там открыли бы ворота, и Мерсия стала нашей. И что теперь? Начинать сначала?

Дрох не ответил. Шид посмотрел на него и вздохнул.

— Сделаешь так! Казнишь самых трусливых. Пусть все видят: нельзя бояться в бою! Лучше погибнуть и попасть в Эрий, чем сдохнуть в мучениях и последовать Пустоту. Из остальных отберешь самых смелых. Снаряди их и отправь на поиски мага. Его нужно убить! Непременно!

— Это будет непросто! — осмелился Дрох. — Если маг сжег войско...

— Значит, нужно застать его врасплох! — сказал Шид. — Действовать тайно. Подобраться и... — пророк задумался. — У нас осталось огненное зелье?

— Да, Великий! — подтвердил Дрох. — Немного.

— Много и не нужно, — сказал Шид. — Пусть каждый из братьев сделает себе сумку, куда насыпет порошка. Можно добавить камней. Я слышал, что в Мерсии испытывали оружие, куда сыпали зелье, а сверху — камни. Те летели вперед, поражая врага. Пусть каждый из братьев станет таким оружием. Найдя мага, он подойдет к нему и подожжет порошок. Камни убьют мага, прежде чем тот опомнится. Брат, совершивший это, попадет в Эрий.

— Ты бесконечно мудр, длань Хамму! — воскликнул Дрох.

— Иди! — махнул рукой Шид. — Чтоб завтра братья отправились в путь. Через одну луну, я жду добрых вестей. В противном случае в Пустоту уйдешь ты.

— Как тебе вино? — спросил Гилл.

— Слишком пряное, — сказал Дун и поставил кубок на стол. — Зачем столько трав?

— Они маскируют вкус яда, — сказал Гилл. — Вот ты выпил и не заметил.

Дун уставился на главу Корпорации. Тот усмехнулся и выставил на столешницу пузырек темного стекла.

— Наш семейный рецепт. Через несколько часов закружится голова, ослабнут члены, и ты мирно отойдешь в Пустоту.

— Будь ты проклят!

Дун вскочил и побежал к двери.

— Ты собираешься умереть дома? — крикнул ему вслед Гилл. — В кругу безутешных родственников?

Дун замер и обернулся. Мгновение он ненавидяще смотрел на Гилла. В его взгляде читали страх, гнев и надежда.

— Сядь! — жестко сказал Гилл и указал на стул.

Дун поколебался, но подчинился.

— Противоядие есть только у меня, — сказал Гилл. — Я же сказал, что это семейный рецепт. Впрочем, ты маг и можешь попробовать излечиться самостоятельно.

Он усмехнулся.

— Зачем? — с тоской в голосе спросил Дун.

— Чтобы ты осознал. Представь человека, который живет в радости и довольстве. У него все есть: дом, женщины, слуги, сундуки с золотом. Он вкусно поел, — Гилл указал на пустые тарелки на столе, — выпил вина, и тут ему говорят, что его отравили, и он умрет. Хочешь — не хочешь, а проникнешься.

— Я и без того слушал тебя, как отца! — воскликнул Дун.

— Не подлей я яду, ты забыл бы разговор за дверью, — хмыкнул Гилл. — Слишком сытно живешь в последнее время, Дун. Поверил, что ты великий маг. Даже смерть жены тебя не образумила. А тут пять капель... — глава Корпорации ткнул пальцем в пузырек. — Это прочищает мозги.

— Что случилось? — спросил Дун. Он уже справился с чувствами и теперь смотрел на главу собранно и настороженно.

— Корпорацию могут распустить.

— Как? — изумился Дун. — Это невозможно!

— А умереть от руки человека, которому доверяешь, возможно?

Дун опустил взор.

— У меня есть надежный человек во дворце, — сказал Гилл. — Он подслушал разговор короля с шутом. Тот называл нас шарлатанами и уговаривал короля разогнать Корпорацию.

— Проклятый горбун! — сжал кулаки Дун. — Да заберет его Пустота!

— Боюсь, что это будет не скоро, — усмехнулся Гилл. — Горбун умен. Он не пользуется услугами магов, поэтому проживет долго.

— Мэтр! — воскликнул Дун.

— Молчи! — велел собеседник. — Мы сами дали в руки шуту обвинения в свой адрес. Сколько раз говорил, что не следует печь лекарей, как хлеба в печи, тем более из бездарностей! Но меня не слушали. Вам хотелось пристроить родственников. И особо старался ты! (Дун вжал голову в плечи). Если маг берет деньги за лечение, а больной умер, какое может быть к нему уважение? Люди думают, что мы шарлатаны. Мне доносят, что в Блантоне оживилась торговля травами. К знахаркам идут толпами. Добро бы чернь, у нее все равно нет денег, но мои люди видели купцов и благородных. Золото, к которому вы привыкли, плывет мимо. Или ты этого не заметил?

Дун промолчал.

— Это полбеда: знахари нам не соперники. Больные их мрут, как и наши. Когда у людей нет выбора, они примут и шарлатана — лишь бы одарил надеждой. Но дело гораздо серьезнее: в Мерсии объявился великий маг. Пришлый.

— Где?

— В Ремсе. Одним из тех городков, куда твоих родственников не загнать палкой. Там бедный люд и мало золота. А вот пришлый не побрезговал.

— Он действительно великий? — не поверил Дун.

— Разом вылечил двадцать солдат. Ничего серьезного: переломы, пробитые головы, вывихи. Но все ушли от него на своих ногах.

— Ложь! — возмутился Дун. — Такого не может быть!

— Увы! — вздохнул Гилл. — Мой человек проверил. Люди из Ремса это подтверждают. Более скажу. У дочери тамошнего трактирщика была сухая рука. Вылечить это невозможно, даже я бы не справился. Гро, так зовут этого мага, смог.

Дун покачал головой.

— Это не все, — продолжил Гилл. — Как ты знаешь, наверное, Ремс пытались взять шиды. Гро разогнал их, бросив с башни огонь. Многие

сгорели.

— Невероятно!

Дун вскочил.

— Сядь! — приказал Гилл.

— Ты сам говорил, — сказал Дун, подчинившись, — что мертвое не подвластно магии. Как человек может бросать огонь?

— У Гро получилось, — вздохнул Гилл. — Выходит, я ошибался. Нам это может стоить дорого. Король хочет поставить Гро во главе Корпорации. Дать ему право пересмотреть наши патенты.

Дун подавил готовый вырваться крик.

— Теперь понимаешь, чем это грозит?

— Что делать, учитель?

— Вопрос правильный, — усмехнулся Гилл. — Вижу, что проникся. К счастью, у нас есть время. Этот Гро сбежал, и его ищут. Нужно, чтобы первыми нашли его мы.

Он толкнул пузырек с ядом к руке собеседника.

— Пять капель на фляжку с вином. Вино подберешь сам. Поговори с каждым из своих родственников, с глазу на глаз. Свидетелей быть не должно. Не хочу, чтоб моя голова появилась на колу. Втолкуй им, что потеряют, если не справятся. Если не Гро, то я лишу их патентов. Разошли их по городам, пусть ищут пришлого.

— Как он выглядит?

— Не знаю. В Ремсе он был стариком, но шут сказал, что это личина. Гро может выглядеть как угодно. Но он — камень, брошенный в пруд, отчего по воде идут круги. Рано или поздно даст о себе знать. И тогда твой человек войдет к нему в доверие и угостит вином.

— Гро может потребовать, чтобы и тот пил.

— Разумеется!

Гилл поставил на стол второй пузырек. Этот был из светлого стекла.

— Противоядие, не перепутай! Десять капель на фляжку.

Дун схватил пузырек, накапал из него в кубок, добавил вина и залпом выпил. После чего выдохнул с облегчением.

— Будет легкая слабость и пронесет разок, — сказал Гилл. — От противоядия всегда так.

— А ты? — Дун протянул пузырек. — Мы пили из одного кувшина.

— Там не было яда, — усмехнулся Гилл. — Я не настолько глуп, чтобы подвергать себя опасности.

Дун засопел и сжал в кулаках пузырьки.

— Зато ты знаешь, что делать, — сказал Гилл. — Поторопись. Нужно

успеть.

Глава 6

С высоты птичьего полета Муг походил на иллюстрацию к сказке. Вдоль берегов овальной бухты теснились дома, крытые черепицей, петляли улочки, а на вершине ближнего холма возвышался замок. Его башни и стены, сложенные из белого камня, сияли в лучах желтой звезды, именуемой здесь Амгор, словно сахарный пряник. Небо отражалось в водах залива, крася их в густой синий цвет, и лучи звезды, преломляясь в них, создавали сияющую дымку, наброшенную на море, как воздушное покрывало. Сквозь нее виднелись причалы и стоящие у них корабли, с убранными парусами. В отдалении за холмом зеленели возделанные поля, и курчавилась роща. Ноэль, будто почувствовав мой восторг, описала над городом круг, давая возможность все рассмотреть. Затем Нэси взмахнула крыльями и направилась к замку.

В оазисе у меня было достаточно времени, чтобы расспросить Ноэль. С ее слов Муг основали пираты. Удобная бухта, расположенная на стыке двух королевств, делали ее отличной базой. Здесь награбленное непосильным трудом перегружалось в повозки и уходило на рынки. Причем, товары с ренийских судов шли в Мерсию, и наоборот. Так продолжалось довольно долго, пока королям это не надоело. Они сговорились и снарядили карательную экспедицию. Порт взяли приступом с моря, замок — с суши. Пиратов, кого не убили, захватили и продали в рабы. А вот по поводу того, как быть дальше, возник спор. Присоединить Муг к своей территории хотели оба королевства. Споры шли долго. В итоге появилось княжество, формально независимое ни от кого. Его главой стал мерсиец, женатый на ренийке — чтоб никому не обидно. Из обмолвок Ноэль, однако, следовало, что король Мерсии коллегу надул. Благородная ренийка, ставшая женой князя-мерсийца, несколько лет жила в Блантоне и была близка к королю. Насколько, Ноэль не уточнила, но я понял, что весьма. В результате Муг стал мерсийским протекторатом, что обидело короля Рении. Между монархами произошла размолвка. Они стали копить обиды, что и привело к войне. Та длилась два года и закончилась ничьей, хотя оба монарха считали, что победили они. На судьбе Муга война не отразилась — статус он сохранил.

Дига снизилась, и я понял, что первое впечатление о Муге было обманчивым. Немало домов в городе выглядели ветхими. Прохудившиеся крыши, обшарпанные стены, провалы окон... Да и сам замок,

приблизившись, перестал казаться нарядным. Стали видны обвалившиеся кое-где зубцы стен, выкрошившаяся кладка, выбоины от ударов снарядов. По всей видимости, со времени осады замок не ремонтировали.

Внезапно Ноэль выругалась и указала рукой вниз. Я присмотрелся. Под стенами замка стояло войско. Белые шатры вождей, палатки простых воинов, повозки, люди... Сверкало железо, кверху тянулись дымки костров. Осада. Везет мне на такие дела! Ну, и что теперь? Бэк ин оазис?

Я ожидал, что Ноэль развернет дигу, но она направила ее прямо к замку. Мы перемахнули через стену и, сопровождаемые взорами задревших головы воинов, шлепнулись на площадь у донжона, распугав гулявших здесь курей. Или сорхов по-местному. Птицы, отчаянно голося, рванулись в стороны, но одну Нэси успела поймать и тут же проглотила. Хорошенькое начало!

К моему удивлению, Ноэль повела себя так, будто ничего не случилось. Соскочив на землю, она стащила шлем, и тряхнула головой, распуская волосы. Я осмотрелся. К нам никто не бежал. Воины стояли на стенах, разглядывая гостей, но в их взорах не было всего лишь любопытство. В отдалении стояли какие-то бедно одетые мужчины и женщины, как я понял, прислуга. Хм! Похоже, Ноэль здесь не чужая.

Догадка подтвердилась почти сразу же. Дверь донжона распахнулась, и на площадь выскочила женщина в сером платье до пят. Она рванулась к нам, но, приблизившись на пару шагов, остановилась.

— Ноэль?

— Это я, мама! — засмеялась девушка.

— Но...

— У меня теперь другой нос! — похвасталась Ноэль и повернулась в профиль. — Тебе нравится?

— Но как? — прижала руки к груди женщина.

— Это сделал мэтр Гро, — Ноэль указала на меня. — Он великий маг. Подумав, я спрыгнул с диги. После чего, стащив с головы шлем, поклонился женщине.

— Ваша дочь преувеличивает. Я всего лишь лекарь.

Ноэль фыркнула.

— Не слушай его, ма! Гро очень скромный. В Ремсе он сжег сотни шидов! Я сама видела.

Женщина испуганно уставилась на меня. Мысленно я увидел себя ее глазами. Незнакомый чужак, обвешанный непонятными предметами. Людей жжет... В Муг я прилетел в полной экипировке. Не потому, что ждал боя. Кто может напасть на нас в воздухе? Флаеров здесь нет, диг мало,

и я не слышал, чтобы они дрались в воздухе. Однако наверху холодно, даже там, куда забирается Нэси. Добавьте встречный поток воздуха. Так что бронежилет, разгрузка и шлем с визором пришли как раз кстати. Сама Ноэль замотала лицо платком, хотя после того, как отек спал, все не могла на себя насмотреться. Женщина...

От тягостных размышлений хозяйку отвлекли две девочки, одна примерно лет семи, другая — двенадцати. Они выскочили из башни и бросились к Ноэль. Послышался визг, восклицания, и я догадался, что это сестры моей спутницы. Пока шли обнимашки и чмоки, мать девочек подошла ко мне.

— Моя дочь говорит правду, мэтр?

— Да! — признал я.

— Рада приветствовать великого мага!

Ответить я не успел.

— Кто маг? — раздалось из-за ее спины, и вперед выкатился колобок на ножках. На нем был бархатный, черный камзол, серая шляпа с узкими полями и сапоги с задранными кверху носами. Круглое лицо колобка было багрового цвета. Это что ж мы пьем?

— Амей, князь Муга, — представился колобок, по-своему расценив мой взгляд. — А это моя супруга, княгиня Нея. С Ноэль мои дочери Ксо и Пери.

«Ноэль, значит, не его дочь», — догадался я и поклонился:

— Я мэтр Гро.

— Мы можем поговорить, мэтр? — спросил князь, хватая меня за рукав.

— Разумеется! — сказал я. — После обеда.

В глазах князя мелькнуло понимание.

— Прошу! — он указал на донжон.

* * *

За столом я рассмотрел семейство владельца Муга. Княгине на вид было лет сорок. Чистокровная ренийка, о чем говорил разрез глаз, круглое лицо и уже начавшая оплывать фигура. Но даже такой мать Ноэль была очень красива. Младшие дочери, Ксо и Пери, пошли в нее, и я мысленно порадовался за девочек: князь Муга — оэрх по-местному — лицом походил на жеваный ботинок, который разгладили утюгом и после означенной процедуры покрасили в багровый цвет.

Перед тем, как пригласить к столу, меня отвели в предназначенную мне комнату, где я умылся и привел себя в порядок. Слуги притащили мои сумки, и я, стащив форму и снаряжение, переделся в короткую куртку и облегающие штаны, каковые предписывала носить людям моего звания местная мода. После чего причесался. В оазисе я укоротил бороду, превратив ее в эспаньолку, а вот стричь волосы на голове Ноэль отказалась.

— Нет! — заявила решительно. — Они же выются! Как можно такое резать?

В результате волосы не только закрывали мне шею, но и падали плечи, придавая женственный вид. Из тусклого зеркала на меня смотрел юный хлыщ с брезгливо оттопыренной губой. Пра-а-тивный...

Я вздохнул и отправился вслед за поджидавшим меня слугой. Тот отвел меня в столовую. Та оказалась небольшой — донжон все-таки! — и довольно скромно обставленной. В центре комнаты находились стол и лавки. Только у князя имелся стул с высокой спинкой. Он располагался во главе стола. У стены громоздился буфет с посудой — золотой и серебряной. Единственным украшением голых стен были кольца для факелов. Сейчас они висели пустыми. Хозяева уже сидели за столом и я, подойдя, церемонно поклонился. Меня усадили рядом с воином в кожаной куртке, которого представили как начальника замковой стражи. Лан, как его звали, походил на Слая — такой же крепкий, широкоплечий с выдубленным солнцем и ветром лицом.

После представления за столом воцарилась тишина, которую нарушила младшая из княжон, Пери.

— Он красивый, ма! — сказала, ткнув в меня пальцем. — Когда вырасту, женюсь на нем.

Все засмеялись, и под этот смех слуги стали подавать блюда. Меню оказалось довольно скудным. Основным блюдом была каша, к которой прилагался хлеб. Жареную курицу поставили перед князем, и он, как я понял, в знак уважения оделил нас с Ланом крылышками. Остальное сожрал сам. Имелось еще блюдо с тонко порезанными ломтиками ветчины и по тому, как таскали ее девочки, я понял, что это для них лакомство. Зато вина хватало, и оно оказалось весьма приличным. Из приборов слуги подали только ложки, а нож каждый имел свой. Правда, резать им было нечего.

Обед шел в молчании и кончился быстро. Нея увела дочерей. Ноэль, уходя, бросила на меня загадочный взгляд. Смысл его я не просек, но решил держаться настороже.

— Мэтр и Лан, присаживайтесь ближе! — сказал князь, отпустив слуг.

Мы подчинились. Амей сам наполнил нам кубки. Мы выпили: князь с Ланом до дна, а я пригубил. О чем бы ни предстоял разговор, голову следовало держать трезвой.

— Дело такое, мэтр, — сказал князь, решив не ходить вокруг и около. — Вы, верно, видели, что замок осажден.

— Да! — кивнул я. — Это мерсийцы или ренийцы?

— И те и другие, — сказал Лан. — Пираты!

— Их же разгромили? — удивился я.

— Опять завелись, — вздохнул Амей. — Война пробуждает у черни неуважение к власти и жажду добычи.

— Пришли грабить? — спросил я.

— Хотят забрать Муг! — покачал головой князь.

— Но это бессмысленно! — удивился я. — Король Мерсии не потерпит захвата.

— Они не глупы, — грустно сказал Амей. — У меня нет сыновей, мэтр. Поэтому тот, кто женится на моей дочери, наследует княжество. После свадьбы зять поселится в замке, и приберет к рукам Муг. Нас с Неей в лучшем будут случае терпеть. В худшем — расчистят место для нового князя. Я или скоропостижно умру, или нечаянно упаду со стены, — он скривился. — Король вмешиваться не станет — все по закону.

— Они требуют руку Ноэль? — спросил я.

— Ксо. Ноэль не моя дочь.

— Но Ксо — ребенок!

— Им на это плевать! — князь выругался. — У пиратов два вожака, и они дали мне право выбора, — он сморщился. — Как будто есть разница, кто из них станет зятем! Ответ нужно дать завтра.

— Если откажете, возьмут замок?

— Отобьемся! — сказал Лан. — У меня полсотни воинов и тридцать всадников, которых я спешу и поставлю на стены. Из жителей города, что бежали в замок, найдется сотня мужчин. Приступ не страшен. А вот в поле мы не справимся — пиратов больше. Примерно трое против каждого из моих, и воевать они умеют. Это бывшие солдаты. Почти у всех есть доспехи и доброе оружие.

— Тогда не страшно! — сказал я. — Осада не длится вечно. Постоят и уйдут.

Амей с Ланом переглянулись.

— Вам понравилось сегодняшнее угощение? — спросил князь. — Можете не отвечать, сам видел. А ведь это лучшее, что мы смогли предложить. Моя стража питается хуже — каша из разваренного зерна. Про

жителей города я молчу.

— Пираты напали внезапно, — вмешался Лан. — Вначале мы приняли их за купцов. И лишь после разглядели воинов в доспехах... Людей увести мы успели, но припасы остались в городе.

«Совсем Слай! — подумал я. — Первым делом люди».

— Я, конечно, могу выгнать лишние рты за стены, — сказал Амей. — Но пираты уведут их в рабство. Муг останется без подданных...

Оба уставились на меня. Я принял невинный вид. Первым не выдержал князь.

— Ноэль говорит, что в Ремсе вы жгли шидов. Это так?

Я промолчал.

— Не думаю, что Ноэль врет. Моя падчерица не такой человек. Что вы хотите за помощь, мэтр?

«Денег! — подумал я. — Кроме золота, полученного от Ноэль, и остатка жалованья у меня ничего нет. А устроиться на новом месте стоит дорого». Вслух я этого не сказал. Вмешиваться в местные разборки жутко не хотелось. Да и плазменных гранат у меня больше нет. Я не вожу с собой арсенал. Он в боте, а к нему нужно добраться. Не ближний свет.

— Я не слишком богат, — поспешил Амей, по-своему поняв мое молчание. — Вы видели город сверху. После изгнания пиратов он пребывает в запустении. Купцы не жалуют нас вниманием, а земель в княжестве слишком мало, чтоб получить солидный доход. Сто золотых — все, что сумею набрать.

«Скупердья! — подумалось мне. — Посуда в буфете стоит дороже».

— Назовите свою цену! — предложил Амей.

Я сделал вид, что задумался, затем встал.

— Благородные Амей и Лан! Я обдумаю ваше предложение. О своем решении сообщу за ужином. А сейчас отдохну.

Возражений не последовало. Я отправился к себе в комнату, но не успел закрыть дверь, как следом втиснулась Ноэль. Наверняка болталась где-то неподалеку.

— Гро?

— Присаживайся! — сказал я, прощаясь с мыслью растянуться на кровати.

— Хочу предупредить, — начала Ноэль, устраиваясь на лавке. — Мой отчим плохой человек!

«Кто бы сомневался!» — подумал я.

— Он, верно, хочет, чтобы ты снял осаду.

«Разумеется! А все потому, что кое-кто много болтал. Зачем было

вспоминать шидов?»

— Какую награду он бы не предложил, будь уверен: обманет!

Я пожал плечами. Пусть попробует!

— Не веришь? Когда он женился на моей матери, то отослал меня. Мы жили с бабушкой, как обычные простолюдинки. Бабушка учила меня готовить, убирать дом, стирать...

«Что ж в этом плохого?» — подумал я.

— Нас не пускали в замок. Мать приходила повидаться со мной тайком. А ведь он дал обещание моему отцу не обижать меня. Все изменилось, когда я подросла. Нас разыскал дядя и стал присылать деньги. Тут отчим и стал другим: деньги привозили нам с бабушкой, а он хотел, чтобы ему. Но я не дала ему даже серебряка! — Ноэль сделала гордый вид. — Только матери. Она просила для сестричек...

«А у нее золото забирал Амей! — понял я. — Из-за того и возлюбил падчерицу». Видимо, Ноэль и сама это знала, потому что добавила сердито:

— Отчим был против того, чтобы я заводила дигу. Но я не стала его слушать. Кто он мне? Я взрослая.

— А кто твой отец? — спросил я.

— Не скажу! — насупилась Ноэль. — Не хочу его знать! Он плохой человек. Соблазнил мать, бросил ее с ребенком, а после выдал замуж за этого каплуна.

«Кажется, я догадываюсь», — подумал я.

— А твой дядя?

— Я не знаю его, — вздохнула Ноэль. — Никогда не видела. Мать говорит, что он добрый человек, но несчастный — родился с горбом.

— Это можно исправить, — сказал я.

— Правда? — обрадовалась Ноэль. — Ты это сделаешь?

— Если попросят.

— Обязательно! — заверила меня Ноэль. — Кому хочется быть уродом? А вот отчиму не помогай!

— Вожди пиратов требуют в жены твою сестру, — сказал я.

— Ксо? — удивилась Ноэль. — Она еще маленькая.

— Пиратам на это плевать. Им нужен порт. Женившись, вожак пиратов станет хозяином в Муге, оттеснив князя или, возможно, даже его убив. Что станет с твоей матерью и младшей сестрой? Тебе понравится быть родственницей пирата?

Ноэль не ответила. Нахмурилась и глянула исподлобья.

— Иногда мне кажется, что ты старый, — сказала, помолчав. — Все знаешь, на все у тебя есть ответ. Может, только притворяешься молодым?

— Ты же проверяла, — хмыкнул я. — Щупала.

— Маг может притвориться, кем угодно! — фыркнула Ноэль. — Ладно. Делай, что хочешь, но дигу тебе я не дам! — она встала. — Даже не надейся!

Я развел руками. Она встала и, задрвав нос, вышла из комнаты. Я сбросил сапоги и растянулся на кровати. Наконец-то!

* * *

Ноэль в свою комнату не добралась — мать перехватила.

— Что у тебя с Гро? — спросила, заведя дочь к себе.

— Ничего! — фыркнула Ноэль.

— Поэтому ты полезла к нему в комнату, как только освободился?

— Нам нужно было поговорить.

— Не наболтались в оазисе?

— Ма! — сморщилась Ноэль. — Не начинай!

— Ты моя дочь, и я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу.

— Не беспокойся! — вздохнула Ноэль. — Он мной не интересуется. В оазисе даже не обнял.

— Он что, из этих? — удивилась мать.

— Нет. Я видела, как он меня смотрит, — заулыбалась Ноэль. — Просто в своей стране он был жрецом, а их бог запрещает своим служителям любить женщин.

— Совсем-совсем?

— После женитьбы можно.

— Вот как? — Нея задумалась. — А он сильный маг?

— Ты даже не можешь представить какой! Про шидов знаешь. Но я видела в Ремсе, как он лечил солдат. Срачивал им переломы, чинил пробитые головы, исправлял носы... Два десятка поставил на ноги за полдня.

— Не может быть! — поразились Нея.

— Я помогала ему, поэтому знаю точно.

— В Блантоне он бы озолотился!

— Корпорация не позволяет лечить чужакам.

— Это можно поправить. Я напишу твоему отцу. Пора ему позаботиться о дочери.

— Ма!

— Ладно, — уступила Нея. — Дяде. Он поможет Гро, а вместе с ним

— и тебе. Ты ведь хочешь за него замуж?

— Ма! — обиделась Ноэль.

— Я вижу, как ты на него поглядываешь, — усмехнулась мать. — Он, кстати, на тебя — тоже. Нос тебе вон какой сделал! Хотя зря. Ты перестала походить на отца.

— Больно нужно! — фыркнула Ноэль.

— Идем! — мать взяла ее за руку и отвела к скамье. Там усадила рядом с собой. — Расскажи мне о Гро! Кто его родители? Он говорил?

— У них собственная лечебница в его стране.

— Значит, не бедные, — заключила Нея. — А кто они по происхождению? Из благородных?

— Не знаю! — пожала плечами Ноэль. — Гро не сказал. Знаю, что в его семье все лекари. Он — уже в четвертом поколении.

— Четыре поколения магов могут быть только у благородных, — сказала мать. — Простолюдины теряют дар. Чем вы занимались в оазисе?

— Разговаривали, — сказала Ноэль. — Он читал мне стихи.

— По памяти?

— У него есть артефакт. По словам Гро, в нем тысячи книг. На их языке, конечно. Гро читал вслух, а после переводил.

— Поэзия — удел благородных людей, — заметила мать.

— Еще мы слушали музыку.

— Он играет на инструментах?

— У него есть артефакт с музыкой. Работает от лучей Амгора. Гро раскладывал какую-то пластинку, и артефакт начинал играть и показывать.

— Что?

— Музыкантов и певцов. У них странные инструменты. И еще, — Ноэль внезапно хихикнула. — Они выступают почти раздетыми. У женщин едва прикрыты грудь и ноги.

— Бесстыжие! — возмутилась мать.

— Гро говорит, что у них так принято. Никто этим не возмущается.

— Он тебе предлагал раздеться? — насторожилась мать.

— Нет! — засмеялась Ноэль. — Наоборот требовал, чтобы не смела.

— Воспитанный мальчик! — сказала Нея.

— И очень красивый, — вздохнула дочь. — У него чудные волосы! А лицо? Чистое, белое. Я таких не видела. А еще он хорошо сложен: сильные руки и ноги, тонкая талия.

— Он раздевался перед тобой?!

— Нет. Но я видела, как он купается.

— Подглядывала?

Ноэль хихикнула.

— В кого ты такая? — упрекнула Нея.

— Сама знаешь! — хмыкнула Ноэль и прижалась к матери. Та обняла ее за плечи.

— Вдруг это личина? — сказала, задумавшись.

— Личиной у него был старик, — возразила дочь. — А оазисе она слетела. Я испугалась, но Гро сказал, что он настоящий молодой. Разрешил себя потрогать. Один раз.

Ноэль вновь вздохнула.

— Он справится с пиратами? — спросила Нея.

— Конечно! — фыркнула дочь. — Для Гро нет ничего невозможного. Иногда мне кажется, что он бог.

— Боги не живут среди людей! — покачала головой Нея.

— Это наши, — возразила Ноэль. — Но Гро рассказывал про своего. Так вот, тот жил...

Глава 7

Институт военных священников в России возродили еще в двадцать первом веке. Поначалу дело шло туго. Полковых батюшек катастрофически не хватало. Из десяти вакансий хорошо, если заполняли одну. Военные требовали, чтобы капеллан был здоров и послужил в армии. Среди выпускников семинарий таких было мало. К тому же они не рвались в армию. И служба тяжелая, и контингент сложный. Бабушек в приходах окормлять проще. Так продолжалось долго, пока в чью-то светлую голову не пришла мысль объединить должности капеллана и заместителя командира по воспитательной работе. Идея, впрочем, лежала на поверхности: в армиях западных стран такое практиковалось давно. Но в России пошли дальше — в Петербурге открыли военно-духовную академию.

Злые языки после утверждали, что Министерство обороны и Священный синод пришли к соглашению вследствие перепроизводства священников. Все большее число выпускников семинарий не находили себе применения. Как бы то ни было, но к начинанию подошли серьезно. Преподавателей отобрали лучших. Вкупе со стремлением курсантов учиться это дало хороший результат. Выпускников академии армия расхватывала, как горячие пирожки. Отменная теологическая и общегуманитарная подготовка, которой славились духовные вузы, в сочетании с военными знаниями превращала капелланов в специалистов редкого профиля. Они с равным успехом могли сочетать обязанности командира мирного времени, воспитателя и священника.

Конкурс в академию был огромный. Оно и понятно. Капелланам присваивали офицерские звания. Это гарантировало высокий оклад, бесплатное жилье и достойную пенсию. Имелись у капелланов карьерные перспективы. Главный военный священник Российской армии носил генеральский чин и занимал должность заместителя министра обороны. Капелланов рукополагали в сан независимо от семейного состояния. А вот для выпускников семинарий это была проблемой. Трудно найти матушку, с которой пройдешь через всю жизнь. Требования к ней специфические, а жизнь — штука извилистая. Развод влечет лишение сана и, следовательно, служения. Принять постриг? Не каждый готов стать монахом. Получить сан в celibate? Его позволяли только с 30 лет. Для капелланов ограничений не существовало. Он мог отказаться от celibata и жениться,

как, впрочем, и принять постриг. Последнее случалось редко. В военно-духовную академию принимали с определенными данными. Приятная внешность, высокий рост, умение говорить. Плюс гарантированный оклад, жилье, запрет разводиться... Невесты, особенно из числа поповн, курсантов пасли. Их находили в сетях, записывались в друзья и приглашали в гости. У ворот академии дежурили девицы. Выходившие увольнение курсанты, попадали под обстрел их глаз. На шеи девушки не вешались — упаси Бог! Они ведь приличные барышни, а не какие там б... Но стоило с ними заговорить... С курсантом знакомились и тащили гулять. Затем следовало приглашение в гости и знакомство с родителями. «Редкая птица долетит до середины Днепра, а курсант — холостым к выпуску», — шутили наши преподаватели. Мне удалось.

Мы носили обычную форму. От других курсантов отличались только серебряными крестиками в уголках воротников. Но и этого хватало. Девушки заговаривали с нами на улицах и стремились познакомиться. Из-за этого нас не любили курсанты других вузов, особенно мореманы. Их уязвляло, что девочки предпочитают «попов». Нас регулярно пытались бить. Но рукопашку в академии преподавали отменные спецы. В драках «попы» выносили мореманов на раз, даже уступая им численно. Начальство на это закрывало глаза. Капеллан, конечно, священник, но он еще и офицер. Какой из него командир, если не может дать сдачи? Единственное, чего требовали от нас, так это не попадаться «комендачам». Разбитая рожа и порванный мундир карались епитимьей. Их раздавали щедро. Священнику не пристало ходить с битой мордой! Подтекст: драться нужно уметь. Ты будущий капеллан или чмо?

В академию я поступил под фамилией матери. Так посоветовал отец. В академии учились парни из небогатых семей, а тут сын миллионера... Головатый — фамилия обычная. А вот имя редкое, но в святцах и не такое встречается. Капитон происходило от латинского *capito*, что означает «голова». Добавьте фамилию и поймете, почему меня звали «Кап-два».

Академию я окончил с отличием. Назначение получил в военно-космические войска. На международную базу Реджина прибыл в радужном настроении. У меня будет своя церковь, где я буду служить. А потом... Мне грезились дальние походы, открытие новых миров. В мечтах виделось, как мы высаживаемся среди туземцев, и я проповедую им Слово Божье... Обломали меня сходу.

— Пойдешь в роту! — просветил меня капеллан группировки, владыка Павел.

— Роту? — удивился я. Низшей должностью капеллана был

заместитель командира батальона.

— Это не обычная рота, — хмыкнул полковник. — Конвойная. Сопровождает космические грузовики с рудным концентратом. Они лакомая добыча для пиратов, поэтому приходится охранять. То же делают и американцы. У них здесь полк, поэтому мы в соответствии с соглашением не имеем права держать бригаду, хотя грузовиков у нас больше. Поэтому придумали усиленные конвойные роты. Сокращенно УКР, в просторечии — «укурки», — владыка усмехнулся. — По численному составу рота равна батальону. Ты назначен в шестую. Предупреждаю: контингент трудный. По боевым качествам рота лучшая в полку, но вот что касается моральных... — полковник вздохнул. — Дерутся, как черти, прости Господи! — он обмахнул себя крестом. — Но и гуляют также. Пьют, задирают американцев. Драки с ними — обычное дело. А амеры пишут жалобы, — владыка вздохнул во второй раз. — Сам понимаешь, насколько это приятно. Беда в том, что в роте этим гордятся. Напились — молодцы! Начистили рожи амерам — герои! Придумали себе неуставной знак — окурок в зубах черепа, и носят его напоказ. Дескать, знай наших! Твой предшественник не справился. Потакал нарушителям, проводил общие исповеди...

Я кивнул. В академии нас учили: общая исповедь таинством не является. Она не ведет к сердечному сокрушению и не служит путем исправления грешника. В армии общая исповедь допускается лишь перед боем. Когда времени нет, а причастить нужно каждого.

— Думаю, ты справишься, — заключил напутствие владыка. — Я посмотрел твое личное дело. Драться умеешь, — он вновь усмехнулся и сделал знак. Я встал и сложил руки для благословения.

Конвойный полк дислоцировался у космопорта. Туда я добрался к вечеру. Личному составу меня представили на утреннем построении. Я ловил на себе иронические взгляды контрактников. Перед ними стоял пацан в лейтенантском мундире с наперсным крестом. Годами моложе многих из них. «Воспитатель, млять!» — читалось в их взглядах.

— Литургия состоится в воскресенье в девять часов утра, — сказал я, когда командир роты завершил представление. — Желающих исповедаться жду ежедневно в клубе после восемнадцати часов.

Как таковой церкви в роте не было. Ею служил клуб, где в будние дни шли занятия, а в выходные проводили торжественные мероприятия. В воскресенье стулья вытаскивали, и разворачивали иконостас. Священник ставил походный алтарь. Исповедь принимали здесь же.

Я понапрасну просидел в клубе три вечера. Никто исповедоваться не

пришел. Воскресную службу я начал без смирения в душе. Этому способствовал и тот факт, что вел я ее один. Предшественник не озаботился созданием в роте хотя бы малого причта. Не было даже пономаря. И это при таком количестве верующих! Из личных дел следовало, что православных у нас три сотни. Сейчас они стояли передо мной, наблюдая, как священник корячится.

Приготовив Святые Дары, я вознес молитву и обратился к пастве.

— Есть здесь исповедники?

Ответом мне было молчание.

— В таком случае причащать некого.

Я взял потир и осушил его до дна, после чего смачно закусил просфорой.

— Ни х...я себе! — воскликнул сержант в первом ряду.

Командир роты метнул на него взгляд, и сержант вжал голову в плечи. Я притворился, что не расслышал. После службы контрактники отправились в город, где растеклись по значным местам. Накануне они получили денежное содержание, так что гулеванили от души. О чем мне сообщил утром владыка.

— Опять твои отличились! — сказал сердито. — Трех амеров отмузузили. Один из них — в госпитале. А ты в это время пьешь вино и просфорой закусываешь. В храме!

— Оставшиеся от причастников Святые Дары священник обязан употребить сам, — сообщил я.

— А то я не знаю! — рассердился полковник. — Но где сказано, что он должен делать это на виду у всех, да еще демонстративно? Гляди, Кап, допрыгаешься! На Куру сошлю.

Я мысленно перекрестился. Кура — пустынная планета на краю галактики считалась последней дырой. Туда ссылали залетчиков. Служить там было тоскливо, народ деградировал и спивался. После Куры попасть в нормальную часть было нереально.

Утро началось с физической подготовки. Контрактники выстроились у полосы препятствий помятые. Их лица их несли следы вчерашнего удовольствия. Некоторые обзавелись фингалами. Командиры взводов развели бойцов по стартовым позициям. Пары пошли. Мы с командиром роты наблюдали, как они нехотя бегут по мосткам, лезут по лестницам, прыгают в отверстия в щитах — словом, изображают штурм космического корабля.

— Ползают, как сонные мухи! — буркнул командир роты.

Я был точно такого же мнения. Внезапно заметил у стартовой позиции

сержанта-матерщинника. В паре с другим контрактником он ждал своей очереди. Колебался я недолго. На мне была такая же, как и на контрактниках, полевая форма, а наперсный крест я оставил в штабе. Устав позволял не носить его на тренировках. Я подошел и дал знак партнеру сержанта отойти в сторону. Сам встал на его место.

— Вы это чего, батюшка? — удивился матерщинник.

— Собираюсь надрать тебе задницу, сын мой.

За спиной раздали смешки.

— Я не из этих, батюшка! — насупился сержант.

— Вот мы и проверим!

Ход занятий сбился. Все, включая командиров других взводов, теперь стояли и смотрели на нас. Рота предвкушала развлечение. Я кивнул взводному.

— Пошли! — скомандовал он.

Полоса препятствий конвойной роты считалась сложной. Ну, это как сказать. В академии мы бегали и не такие. Гоняли нас как сидоровых коз. Хотя неизвестный мне Сидор, будь у него коза, животное бы пожалел. Какое после этого у нее молоко?

Матерщинника я опередил сразу. За спиной закричали и заулюкали. Соперник нагнал. Лестницу мы преодолели почти разом, но у дыры в щите он замешкался — подвела нарушенная возлияниями координация. Я прыгнул, перекатился, уклоняясь от рванувшегося мне навстречу бревна, соскользнул по шесту, протиснулся в щель, и по натянутому канату пополз к финишу. Когда спрыгнул на пол, матерщинник только брался за канат. Крики в зале стихли — болели не за меня.

— Ну? — спросил я сержанта, когда тот встал рядом. — Что насчет задницы?

Контрактники заржали. Они симпатизировали сержанту, но почему бы не посмеяться? Армейская жизнь бедна на развлечения. Матерщинник метнул на меня злобный взгляд, и я понял, что позор мне припомнят.

— Неплохо! — сказал командир роты, когда я вернулся к нему. — Честно говоря, не ожидал. Прохоров у нас в числе лучших.

— Много пил вчера! — сказал я.

Майор кивнул, соглашаясь. «Вот и сказал бы это ему сейчас! — подумалось мне. — Я для них никто, а тебя послушали бы». Однако майор промолчал. Он, как и личный состав роты, встретил меня прохладно. В беседе заявил, что прежний капеллан его вполне устраивал, толку в замене он не видит. Помогать мне воспитывать личный состав майор явно не собирался.

Мстя Прохорова сбылась скоро. Я по-прежнему ждал исповедников в клубе, и они к моему удивлению прибыли — с десятков контрактников во главе с Прохоровым. С ними была девушка. Я узнал ее. В роте служили женщины, но Анна выделялась из их среды. Ее щеку пересекал шрам от края глаза до подбородка. По-видимому, рана плохо заживала, и из-за этого рубец вышел толстый и багровый. Лицо он уродовал. В роте, как я знал, девушку звали «Анка-пулеметчица». Импульсной пушкой она орудовала, как кисточкой для макияжа.

— Мы, это... на исповедь, — сказал Прохоров. Я заметил, как другие контрактники заулыбались, и заподозрил подлянку. Прохоров подтолкнул Анну в спину, и она подошла ко мне.

— Грешна, батюшка! — произнесла, склонив голову.

В ее голосе не чувствовалось раскаяния, да и говорила она громко. Исповедники так себя не ведут.

— Слушаю! — сказал я.

— Я влюбилась в нашего ротного священника и мечтаю его соблазнить, — сообщила девушка.

Контрактники в стороне едва сдерживались от смеха. Все ясно: подстава. Мгновение я колебался. Прогнать Анну? Они этого и ждут. В полку будут обсуждать, как капеллан кричал и топал ногами на исповедника. Думал я недолго.

— Это тяжкий грех, чадо! — сказал громко. — Встань на колени!

Анна поколебалась, но подчинилась.

— Как говорят в миру: «Не согрешишь, не покаешься». Так что приступай! — я потянул молнию на брюках. — Нежно и с молитвой.

Контрактники на мгновение застыли, но затем, не удержавшись, заржали. Сгибаясь от хохота, они метнулись к выходу. Анна вскочила и, вся пунцовая, устремилась следом.

Владыка связался со мной в тот же вечер.

— Ты охренел, лейтенант? — набросился он на меня. Обращение по званию демонстрировало высшую степень его гнева. — Предлагать прихожанке совокупление в церкви?!

— В клубе, — сказал я. — Церковью он становится, когда заносят алтарь.

— Какой, хрен, разница? — рявкнул он. — Она пришла на исповедь.

— Совсем нет. Их целью было унижить меня. Обдуманная провокация.

— А ну-ка, ну-ка? — заинтересовался владыка.

Я рассказал.

— Совсем охренели! — сказал полковник после того как я смолк. —

Надо же — священника провоцировать! Что там твой командир думает? Я его раком поставлю!

— Не нужно, — попросил я. — Сам разберусь.

— Смотри! — сказал владыка. — Но если что... Как, кстати, ты ей сказал? Нежно и с молитвой? — он ухмыльнулся и прервал связь.

Спустя день я понял, что родил мем. Я шел мимо проходной, где двое солдат из другой роты затаскивали в грузовик шкаф.

— Давай, давай! — понукал их сержант. — Не ленись! Нежно и с молитвой...

Мем мемом, но на исповедь ко мне по-прежнему не шли. По этой причине не было и причта. Допускать к службе пономаря, который не исповедуется и не причащается, я не мог. Так продолжалось, пока нас не послали на боевую операцию

На конвои пираты не нападали — боялись. Что русские, что американцы разносили бандитов в пыль. Грабили одиночек. Не все владельцы транспортных кораблей ходили в конвоях. Во-первых, требовалось ждать, пока тот сформируют, во-вторых — платить. Желаящие сэкономить находились. Вот их-то и поджидали пираты. Они неплохо знали маршруты движения кораблей, или же кто-то сливал им информацию — скорее всего, что второе. Грузовики захватывали, выгружали концентрат, а заодно чистили экипаж от ненужных им вещей и денег. Сами корабли пиратов не интересовали — слишком приметные, продать не удастся. Грузовики с разбитыми двигателями и с выведенной из строя навигационной системой оставляли в космосе — пиратам требовалось время, чтобы безопасно уйти. Судьба экипажа бандитов не беспокоила. Остались живы — пусть радуются. Поболтаются в космосе, а там найдутся по маяку. Иногда находили поздно. Незадолго до моего прибытия на Реджин патрульный катер наткнулся на ограбленный пиратами российский грузовик. Экипаж был мертв. Пираты забрали у них воду и продовольствие, и люди не дождались помощи.

Этот случай всколыхнул базу. Ладно, грабить, но приговорить людей к мучительной смерти! С Земли рыкнули: найти и уничтожить! Пиратов решили ловить на живца. Операцию разработали втайне. Шестая рота сопровождала конвой к приискам, где ее ждал якобы нагруженный корабль-обманка. По документам в трюме корабля лежал концентрат. На самом деле там оборудовали казарму для штурмовиков. Легенда была простой. Корабль, не желая ждать каравана, отправляется в путь, его захватывают пираты. И вот тут-то их ждет сюрприз. В штабе не сомневались, что информация о грузовике-одиночке попадет к пиратам, и те клонут. На

приисках «текло», поэтому главным было обеспечить скрытность «сюрприза».

Об операции я узнал в последний момент.

— Остаешься на базе! — сказал командир роты, введя меня в курс.

— Хотел бы сопровождать роту! — возразил я.

— Зачем? — удивился майор. — Капелланы не воюют.

— У меня отличная медицинская подготовка, а с ротой летит всего один врач. А если раненых будет много? Священник в любом случае не помешает. Скажем...

— Этого не надо! — перебил майор. — Двухсотых у нас до сих пор не было. И не будет, пока я командир. Кто такие эти пираты? Сброд! Только с безоружными могут воевать.

Как он сильно ошибался, выяснилось позже...

На операцию меня взяли. Я связался с владыкой, тот похлопотал. В штабе полка только плечами пожали. Капеллан хочет на операцию? Да хоть в ад, лишь бы под ногами не путался. Я обещал.

Пираты ждали нас на середине маршрута. Появившийся на экранах крейсер дал предупредительный залп и приказал лечь в дрейф. Мы подчинились. Майор объявил боевую тревогу. Укурки, одетые в скафы, выстроились в трюме.

— Мы знаем, что делать, парни! — сказал майор. — Как только откроют шлюз...

Слушали его вполуха. За время, что мы были в пути, порядок действий вбили в голову каждого, чему в немалой степени способствовали ежедневные учения. Командир роты службу знал. Когда он умолк, вперед вышел я. Майор глянул свирепо, но промолчал.

— Братья! — сказал я. Сейчас это обращение было к месту. — Скоро нам предстоит бой. Как ваш духовный отец я хочу, чтобы вы шли в него, причастившись Святых Даров. Ибо в этом случае, если кто-то падет в схватке, то наследует рай, — я поднял над головой ларец со Святыми Дарами. — А теперь повторяйте за мной! — Я взял ларец в левую руку и перекрестился. — Исповедую тебе, Господу Богу моему и Творцу, Отцу, Сыну и Святому Духу...

Слова общей исповеди зазвучали слаженно и торжественно. Их произносили истово. Перед боем даже атеисты становятся верующими, это нам еще в академии объяснили. Закончив, я достал из ларца потир и серебряную ложечку. Первым к причастию к моему удивлению подошел майор, видимо, и его пробило. За ним встали командиры взводов, а далее выстроились солдаты и сержанты. К моему изумлению, причаститься шли

все, даже мусульмане с атеистами. Отказывать никому я не стал. В бой всем идти вместе и умирать, если не повезет, бок о бок. Последней подошла Анна. Она робко глянула на меня и назвала имя. Я поскреб ложечкой по дну потира и влил ей остатки вина с крошкой просфоры. Самому не осталось.

Рота разбежалась по отведенным местам, и ко мне подошел врач. Он не причащался — неверующий, да и в бой ему не идти. Звали его Артем. Мы с ним были на «ты». Этому способствовала каюта, которую мы делили, и разговоры о медицине. В них Артем спрашивал, я отвечал. Таким образом, как я понял, он проверял, кого дали ему в напарники. Мои ответы удивили его.

— Откуда ты это знаешь, Кап? — спросил, подняв брови. — Учили в академии?

— Родители медики, — ответил я. Где они работают, уточнять не стал. — Но и учили тоже.

Я не врал. В военно-духовной академии медицину преподавали всерьез. Одной из обязанностей капеллана была забота о здоровье солдат. Врачей из нас, конечно, не делали, но все ж... Это было одной из причин, почему я выбрал военно-духовную академию. Медицина и священство влекли меня одинаково.

Артема ответ устроил, и я почувствовал, что в какой-то степени стал для него своим.

— Идем, Кап! — сказал Артем.

— Хочу посмотреть! — возразил я.

— Тогда не будем путаться под ногами!

Мы отошли в конец трюма. Взводы выстроились в боевой порядок. Вовремя. Грузовик дернулся — пираты пристыковались, и створки шлюза поползли в стороны. То, что я увидел потом, запомнилось навсегда. Толпа обвешенных оружием пиратов изумленно смотрела на нас. Они ожидали увидеть контейнеры с концентратом и перепуганный экипаж, а встретили изготавившуюся к бою роту. Сюрприз удался.

— Огонь! — скомандовал командир роты.

Завыла установленная на треноге импульсная пушка. Анна повела стволом. Полетели оторванные руки и ноги. Тяжелые пули сбивали пиратов с ног, разметывали их тела. В воздухе повис кровавый туман. Миг — и пушка умолкла, работа для нее кончилась. На стальном полу шлюза валялись куски окровавленного мяса.

— Вперед!

Первый взвод рванул на борт пиратского корабля. Расстояние до

шлюза он преодолел вмиг и исчез в коридорах. Следом устремились другие. Завыли импульсные винтовки. Взводы, растекаясь по палубам, вели зачистку. Еще на подходе пиратского корабля, комп опознал судно и сбросил на визоры его схему. Командир роты нарезал взводам «делянки», и теперь каждый чистил свой сектор.

— Пошли! — тронул меня Артем. — Сейчас наш черед.

Планируя операцию, в штабе сочли, что потери «укурков» составят считанные проценты. С кем воевать? Пират — это вооруженный бандит, и не более. Что он может противопоставить обученному солдату? Не та подготовка, защита, древнее оружие... К тому же, сколько пиратов на корабле? С полсотни, сто максимум. Тройное превосходство в численном составе, умение вести бой в ограниченном пространстве — все это сулило роте быстрый и малокровный успех.

Штаб ошибся: пиратов оказалось больше. Почему-то в ничью «светлую» голову не пришла мысль, что разгрузить транспортник в космосе малым числом людей попросту невозможно — отсутствуют нужные механизмы. Контейнеры таскают вручную, а для этого нужны руки. Разработчики не учли, что при наличии денег оружие можно купить любое. Ну, почти. А нанять инструкторов, которые научат бандитов этим оружием владеть, и вовсе не проблема.

За ошибки в войне платят кровью, нередко — большой. На палубах рота завязла. Пираты сопротивлялись отчаянно. Рассчитывать на снисхождение они не могли. Пожизненная каторга — это лучшее, что их ждало. К тому же у них оказался решительный командир. Он не пошел с первой партией, оставшись контролировать захват в рубке. Сообразил он быстро. И теперь взводы с кровью давили очаги сопротивления.

Раненых несли много. Нет, не так — МНОГО! Уже через пять минут боя они заполнили холл у операционной, а их все тащили и тащили.

— Кап! — шепнул мне на ухо Артем. — Жопа! Всех не спасем. Я буду оперировать, а ты сортируй! С очень тяжелыми ранами... — он вздохнул. — Ты меня понял. Берем тех, кто гарантированно выживет.

Артем убежал в операционную, а я занялся сортировкой. Кандидатов на операцию санитары тащили в операционный блок, безнадежных складывали в стороне. Ранения были ужасающими. Броня скафов не выдерживала выстрелов импульсных винтовок. Проникающие ранения в грудь и живот, полуоторванные руки и ноги. Последними занимался Артем, но он зашивался. Тяжелыми занялся я.

Меня учили лечить травмы. В Германии любая клиника, независимо от ее профиля, обязана принять пострадавших в аварии людей и оказать им

необходимую помощь. Отцовская располагалась в бойком месте, поэтому раненых везли часто.

— Главное — сразу остановить кровотечение, — обучал мне отец. — Иначе больной умрет в считанные минуты. Поэтому пломбируй сосуды. Легкий импет... Затем оценка повреждений. Разобравшись, давай посыл на восстановление органов. Не забывай про тромбы и кровь в грудной полости. Тромб остановит сердце, а кровь сдавит легкие. Но тромб — первым делом...

С пятнадцати лет я помогал отцу и через год уже справлялся самостоятельно, отец только контролировал...

Санитары стаскивали с раненых скафы, срывали одежду, а я склонялся над развороченными грудными клетками и животами. Остановить кровотечение, оценка... Пробито легкое, кровь в плевральной полости. Импет... Сломанные ребра и развороченная лопатка — это на потом. Теперь проникающее ранение брюшной полости...

Кровь брызгала мне одежду и на лицо. Руки и вовсе выглядели, как у маньяка-садиста. Мыть их не было времени. Я ловил на себе взгляды испуганных санитаров, но не обращал внимания — некогда. Остановка кровотечения, оценка повреждений, импет... Когда раны груди и живота кончились, занялся конечностями. Остановить кровь, свести края ран, снять жгут, импет... Я потерял счет времени. Кровь, разверстые раны, запах внутренностей и их содержимого — все это слилось в одну бесконечную, жуткую череду, вырваться из которой, как казалось, уже не получится. Я впал в транс и перестал соображать, что делаю.

Очнулся я от того, что меня трясли за плечо. Я открыл глаза. Надо мной склонился Артем.

— Вставай, Кап! — сказал он и помог подняться с пола. Меня шатнуло, Артем поддержал.

— Где раненые? — спросил я, оглядывая залитый кровью холл.

— Кончились, — объяснил Артем. — Как и пираты. Мы победили. Идем, тебе надо отдохнуть.

Я кивнул — говорить не было сил. Подскочивший санитар отвел меня в каюту. Там он стащил с меня окровавленную одежду, помог вымыть руки и лицо. Как я упал в кровать, уже не помнил.

— Что ты делал с ними, Кап? — спросил назавтра Артем и пояснил: — С ранеными. Они живы. Даже те, от кого этого не следовало ждать. Более того, думаю, они поправятся. Как тебе удалось?

— С божьей помощью, — сказал я. — Или ты сомневаешься, маловер? Некоторое время он молчал — видимо переваривал услышанное.

— Научишь меня? — спросил погода.

— Не выйдет, — сказал я. — С этим рождаются.

— С таким талантом и священник? — покачал головой он. — Кап! Ты не знаешь себе цены!

— Души людей спасать важней.

— Идем завтракать! — вздохнул он...

Раненых мы довезли — никто не умер. В пути я лечил их, поэтому многие вышли из корабля самостоятельно. Санитарные флаеры увезли их в госпиталь. Поредевшая рота отправилась на базу. Там я завалился спать, и продрых двенадцать часов. Спал бы больше, если бы не коммуникатор.

— Через час — построение роты! — сообщил майор. — Форма одежды — парадная.

Было странным, что позвонил он сам, но я не стал забивать голову. Времени было в обрез. Следовало умыться, привести в порядок форму и позавтракать. Я успел. На плац пришел сытым и в хорошем расположении духа. Рота заканчивала строиться. Я встал рядом с майором. Он покосился, но промолчал. Я глянул на строй. Даже на беглый взгляд было видно, как он поредел. От некоторых взводов уцелела лишь половина.

— Равняйся! Смирно! — рявкнул заместитель командира по строевой части и, печатаая шаг, направился к нам. Подойдя, он вскинул ладонь к фуражке. — Товарищ, майор! Шестая рота по вашему приказанию построена!

Командир сделал ему знак встать рядом.

— Товарищи! — сказал он громко, и эхо понесло это по плацу. — Хочу выполнить ответственное поручение командования. За успешное проведение операции по уничтожению пиратов от лица службы личному составу роты объявлена благодарность!

— Служим России! — рявкнул строй.

— Вольно! — скомандовал майор. — Несколько человек, из числа наиболее отличившихся, представлены к наградам. И еще. Из-за просчетов в планировании рота понесла потери — самые большие за ее историю. Сорок семь бойцов находятся в госпитале, — он помолчал. — Мы недооценили противника, поэтому заплатили большой кровью. Одно радует — двухсотых нет. А они непременно были бы, если бы не наш капеллан...

От неожиданности я вздрогнул.

— Как сказал мне врач, многих бойцов лейтенант Головатый вытащил с того света. Как ему это удалось, врач не знает. Капеллан заявил, что с божьей помощью. Но врач думает, что у батюшки целительский талант. Как

бы то ни было, я рад, что капеллан был с нами. Хотя, честно признаюсь, не хотел брать его на операцию, — майор вздохнул. — Вы знаете нашу традицию. Можно служить в роте и не быть укурком. Им становится тот, кто зарекомендовал себя в бою. Решение принимает личный состав роты. Как думаете, батюшка достоин?

Строй завопил. Майор поднял руку, и «укурки» стихли.

— Провести посвящение! — он сделал знак.

Из задних рядов вышла Аня с кубком. Его явно заимствовали из спортивных трофеев. Недоумевая, я смотрел, как Аня приближается. Не дойдя до меня шаг, она остановилась.

— Лейтенант Головатый и младший сержант Быкова том бою были самыми полезными, — сообщил майор. — Оба представлены к орденам. Обычно посвящение проводит командир. Но я думаю, что Быкова заслужила эту честь. Давай, Аня!

Девушка протянула мне кубок. Я взял его и заглянул внутрь. В прозрачной жидкости на дне поблескивал знак в виде щита. На нем череп держал в зубах окурок. Я поднес кубок к носу — водка!

— Давай, лейтенант! — приободрил майор.

— Меньшую посуду не нашли? — вздохнул я.

— Мне доложили, что из меньшей ты не пьешь, — усмехнулся командир.

По строю прокатились смешки. Я обреченно выдохнул и приложился к кубку. Водка огненной струей хлынула в горло. Я сдержал рвотный спазм, допил, подцепил губой знак и, зажав его в зубах, перевернул кубок донцем вверх.

— Приветствуем нового укурка! — скомандовал майор.

— Ур-ра! — завопил строй.

Я вернул кубок Анне и прикрепил знак к мундиру. Девушка повернулась и пошла обратно. Выглядела она довольной. Не стоило гадать, почему посвящение поручили ей. Рота заглаживала вину.

— Слово капеллану! — сказал майор.

Я поправил крест на груди и шагнул вперед.

— Благодарю за честь! Хоть я и не курю, но звание укурка обещаю нести с достоинством.

По рядом пробежал смешок.

— И напоминаю, что по-прежнему жду вас на исповедь.

Майор рядом чуть слышно простонал.

Глава 8

После боя с пиратами у меня появились исповедники. Немного, но их хватило, чтобы сформировать притч. На воскресной службе мне помогали, а сама литургия обрела хоть какое-то благолепие. Однако полной воцерковленности в роте не произошло. Большинство бойцов по-прежнему ходили в храм по привычке, но были и те, кто молился всерьез. Среди них преобладали вернувшиеся из госпиталя бойцы — те, кого едва вытащили. Человек, побывавший в преддверии, поневоле задумывается. Я не спрашивал у бойцов, что они пережили, но по глазам видел, что это было. Еще они помнили, кто и как их вытащил оттуда.

На литургиях я выступал с проповедями. Вспоминал, что человек, создан богом по своему образу и подобию, и негоже втаптывать сей дар в грязь. Пьянство и распущенность ведут к смерти духовной. Большинство слушало без интереса, но некоторые внимали. Среди них была Анна. Я ловил на себе ее смущенные взгляды. Понимал, что мучит девушку, и ждал, когда она решится. И это, наконец, произошло.

Я завершил литургию, дал отпуст, и верующие, приложившись к кресту, потянулись к выходу. Причетники убрали иконостас. Я снял облачение и вышел из клуба. И первой, кого увидел, была Анна. Она рванулась навстречу, и я поежился: не вовремя! На воскресенье у меня имелись планы.

— Отче! — выпалила Анна.

— Батюшка я в облачении, — просветил я. — В форме — товарищ лейтенант, в гражданской одежде — Капитон. Для друзей и вовсе Кап.

Она смутилась.

— Говори! — вздохнул я. Планы планами, но пастырский долг превыше всего.

— Мне стыдно! — выпалила Анна.

Я одобрительно кивнул. Стыд — это хорошо. Если он мучит, значит, душа жива. Так учили нас в академии.

— Простите мне давешнее! Я поступила гадко. Они взяли меня на «слабо», и я не смогла отказаться. Сама виновата, конечно, но...

Она сбилась и замолчала.

— Вот что, Анна, — сказал я. — Я собираюсь в город — надо кое-что купить. Флаер отправляется через полчаса. Составишь компанию?

— Я?! — изумилась она и тут же добавила: — Конечно!

— Встречаемся у проходной. Не опаздывай — ждать не будут. Рекомендую переодеться в штатское. И я форму сниму. В городе полно военных, рука отвалится козырять.

Анна улыбнулась и убежала. Я пошел к себе, где переоделся и перекусил: литургию священник служит натошак. Спустя двадцать минут я был на месте. К моему удивлению, Анна уже ждала. Она облачилась в кремовое платье и туфли в тон. Короткий подол открывал сильные, стройные ноги. Прежде у меня не было возможности оценить ее фигуру — форма скрывала. У девушки оказалась узкая талия и широкие плечи. Ну, так потаскай импульсную пушку! Еще у Анны была небольшая, но высокая грудь, плавная линия бедра, упругая попка. Сильная, красивая женщина со своим шармом. Если бы не рубец на лице...

Флаер доставил нас в столицу колонии. Мы пробежались по магазинам. Анна у прилавков не висла, покупки делала быстро и деловито. Мне это понравилось. Завершив шопинг, мы завалились в кафе. Я заказал обед и бутылку вина. Мы ели, пили, болтали о пустяках, как вдруг Анна начала рассказывать о себе. О раннем сиротстве, вызванном смертью родителей. Они исследовали новую планету, где подхватили вирус. Лекарства от той заразы не было... Анну растила бабушка. Они жили дружно, но случилась беда. Потерявший управление флаер врезался в их дом. Осколок стекла перепачкал Анне щеку. После лечения выяснилось, что — и судьбу. Анна планировала учиться в дипломатической академии. Ей отказали из-за внешности — дипломат должен выглядеть привлекательно. Анне посоветовали убрать шрам, но денег на это не было. Она не придумала ничего лучше, как заработать их в армии. В учебке у нее выявили талант стрелка и предложили стать пулеметчицей. Она согласилась. Стрелку платят больше, а то, что пушка тяжелая — мелочь. Есть второй номер...

Служить Анне нравилось. В роте не обижают, парни относятся к ней, как к сестре. Но из-за уродства никто не видит в ней женщину...

Глаза Анны повлажнели. Я поставил бокал и протянул руку.

— Можно?

Она замерла. Я ощупал шрам. Рубец толстый, коллоидный. Рану шили наспех, с врачом Анне не повезло. В принципе, ничего страшного, работы на пять минут.

— Хочешь, я его уберу?

Глаза ее пыхнули так, что я крякнул.

— Но ты будешь об этом молчать. Идет?

Она закивала. Я не стал объяснять, зачем ставлю такое условие.

Лицензии на пластические операции у меня нет. Узнают о нелегальной практике — быть беда.

— Сможешь взять отпуск?

— Да! — кивнула она.

— После лечения случится отек лица, понадобится время, чтобы он спал. Дней пять. Для страховки возьмем семь. Прилетишь в город, снимешь номер, и после лечения будешь сидеть в нем, пока опухоль не спадет. Договорились?

— Товарищ лейтенант! Батюшка!.. — Анна не могла найти слов.

— Говори мне Кап, — сказал я. — Мы не на службе.

— У меня на банковском счету...

— Я не беру денег с прихожан, — перебил я. — Мне платит армия. Все ясно?

— Да! — ответила она.

Отпуск Анна выхлопотала. Мы вновь прилетели в столицу, в этот раз — порознь. Я не хотел, чтоб в роте связали два и два. Анна сняла номер в гостинице, где я и провел лечение. Завершив, улетел на базу, наказав сообщать о самочувствии. В первые дни голос у Анны был грустным, что и понятно: лицо отекло. Она не хотела, чтобы я видел ее такой, поэтому использовала только голосовую связь. Я не переживал: процесс шел нормально. Настал день, когда Анна сообщила: отек спадает. Я пожелал ей доброй ночи и пошел спать. Коммуникатор поднял меня в пять утра.

— Товарищ лейтенант! Батюшка! Кап!..

Эмоции душили ее, не давая сказать.

— Тихо! — сказал я. — Базу разбудишь. Личный состав спит.

— Простите! — сбавила она тон. — Не смогла сдержаться. Проснулась и побежала к зеркалу. А там... Это чудо! Я не могу поверить!..

— Покажись! — попросил я.

— Нет! — отказала она. — Явлюсь лично. Ты должен видеть это сам!

Я отключился и лег досыпать. Первый рейс автобуса из столицы ожидался через два часа — успею. Я не знал, что Анна взяла флаер — ее распирало от желания продемонстрировать результат. Впрочем, спешила она зря: на базу ее не пустили. Изображение, которое выдавал вживленный индентификатор, не совпадало с оригиналом. Анна закатила скандал, постовой вызвал офицера. Тот распознал в госте шпионку и вызвал дежурный наряд. Разъяренная Анна дозвонилась до командира роты. Тот обругал тупиц и приказал включить сканер. Прибор считал радужку глаз объекта, после чего заключил, что это стрелок Быкова двадцати лет от роду, а никакой не шпион. Анна высказала постовым все, что о них думает, и

прошествовала на территорию. Вдогон ей пообещали похлопотать о губе — за оскорбление при исполнении. Анна не обратила на это внимания.

Пока она веселилась, я успел встать, принять душ и позавтракать. Довольный, я шел к кабинету, как на меня налетел вихрь.

— Кап! Миленький! Солнышко!..

Меня обчмокали и обслюнявили. Кося глазом по сторонам, я затолкал потерявшую голову пулеметчицу в кабинет и успокоился, только закрыв за собой дверь.

— Покажись!

Анна отпрыгнула и приосанилась. На ней было новое платье, туфли на каблуке и сверкавшая лаком сумочка. Но не это привлекло мой взор. Операция удалась. Шрам, понятное дело, исчез, но это не стоило упоминания. Убрать рубец — задача для первоклассника, я сделал больше. Природные черты лица Анны были грубоваты: толстоватый нос, маленькие глаза, тонкие губы... Симпатичная, но не красавица. Посему, дав импет шраму, я поработал над остальным. Как мастер шлифует работу ученика, так и я исправлял Творца, в чем и преуспел. Вместо Анки-пулеметчицы передо мной стояла принцесса — высокая, стройная, с обольстительной фигурой и очаровательным лицом. Изящный носик, маленький рот с пухлыми губками, огромные глаза и упрямый подбородок... На себя прежнюю Анна походила как лебедь на неуклюжего птенца.

— Тебе придется перепрошить индентификатор, — сказал я. — Иначе не признают.

— Уже! — хмыкнула Анна. — Меня не пускали на базу. Понадобился сканер. Я им устроила! Кап, я хочу, чтоб ты знал... — она вдруг всхлипнула.

— Про уговор не забыла? — перебил я.

— Нет! — заверила она.

— Вот и молчи. Спросят, скажешь, что сделала пластическую операцию. Где и как, говорить не обязательно.

— Ладно! — согласилась она.

— Теперь — иди! — я подтолкнул ее к двери. — У меня дела.

Ничего срочного, впрочем, у меня не было. Но я хотел, чтобы она ушла. Потому что чувствовал, что стану Пигмалионом.

На воскресной службе Анна исповедалась и причастилась. Проглотив Святые Дары, она с чувством приложилась к моей руке, и я понял, что будут проблемы.

Они не замедлили нарисоваться. После службы Анна подошла ко мне и предложила скатать в столицу. Я отказался, сказав, что занят. Она

попросилась поговорить. Я покривил душой, сказав, что нет времени. Так продолжалось пару недель. Анна искала общения, я его избегал. В итоге ей это надоело. Вечером в дверь моей комнаты решительно постучали. На пороге стояла Анна.

— Нам нужно поговорить! — сказала она и, отодвинув меня, прошла внутрь.

Мне ничего не осталось, как идти следом. В комнате она села в кресло и уставилась на меня. Вдохнув, я устроился напротив.

— Меня зовут замуж! — сообщила Анна.

— Надеюсь, хороший человек? — спросил я.

— Это человеки. На сегодняшний день их набралось одиннадцать. Среди них офицеры, сержанты и рядовые.

— Трудный выбор! — сказал я. — Пришла посоветоваться?

— Прекрати, Кап! — обиделась она. — Сам знаешь, что я не за тем. Ты отчего-то избегаешь меня. Не нравлюсь?

— Нравишься! — признался я. Священникам нельзя врать.

— Тогда почему?

— У наших отношений нет будущего.

— Это с чего? — удивилась она.

— Ты не забыла, что я священник? Нам запрещен блуд.

— Так я не за этим шла! — фыркнула Анна. — Что я, блядь? Ты мне давно нравишься, Кап! Раньше я считала тебя заносчивым. Прежний батюшка был добрым, а ты требовал, чтоб мы исповедовались, и смотрел сурово. В роте о тебе говорили плохо. А потом я увидела, как ты спасаешь парней... Весь крови, ты не прекращал их лечить, пока не упал без сознания. После этого я поняла, что если есть человек, которого стоит полюбить, так это ты. Только я не рассчитывала на взаимность. Кто ты и кто я? Красавец-офицер и какая-то девчонка. К тому же уродливая... Я ошиблась. Ты заметил меня и предложил убрать шрам. В результате сделал красавицей. Мне завидуют женщины части. Парни объясняются в любви и зовут замуж. Обещают носить на руках и мыть ноги, — Анна фыркнула во второй раз. — Только мне это не нужно. Есть человек, которого я люблю. Он сделал меня счастливой, и я готова ради него на все. Женись на мне!

— Это невозможно, — сказал я.

— Неправда! — укорила она. — Я узнавала. Твой целибат можно снять.

— Если ты подготовилась к разговору, — сказал я, — то, наверное, знаешь, какие требования предъявляют к жене священника?

Она с подозрением глянула на меня и нажала кнопку коммуникатора.

Вспыхнул виртуальный экран, и она забежала по нему пальцами. Затем впиалась взглядом в открывшийся текст.

— Пункт три, — подсказал я.

— Девственность? — изумилась она. — Невеста должна быть невинна? Ты это серьезно?

— Более чем.

— Но это же ерунда, Кап! — возмутилась она. — На дворе двадцать второй век! Как можно такое требовать? Ты сам знаешь, что я не из таких — исповедовалась тебе. Ну, было у меня разок в школе. Девочки решили попробовать, я — с ними. Чего взять с дуры? Мне, кстати, не понравилось — больно и противно. И вот из-за этого я и не подхожу?

Я не ответил.

— Тебе это важно? — насупилась она.

— Мне нет, — сказал я. — А вот им, — я указал пальцем наверх, — да!

— Но это же дикость! Каменный век!

Я промолчал. В академии мы говорили об этом с капелланом курса. Зачем сохранять многочисленные и явно устаревшие ограничения? «Стоит только раз отступить, — ответил он, — и все покатится. Вон, протестанты в однажды решили поправить веру. Что в итоге? Сколько сегодня течений в протестантизме, скажете? У них на каждом хуторе своя церковь. И какая? Педерасты-священники венчают педерастов-новобрачных. Где там Бог, какая благодать?!»

— Мы не признаемся! — предложила Анна.

— Целибат снимает владыка. Он первым делом затребует твое досье. А там — данные медосмотра.

— А если не подчинимся?

— Меня извергнут из сана и уволят из армии. Отправят на Землю, а ты останешься — у тебя контракт.

— Я разорву его! — сказала Анна. — Совершу дисциплинарный проступок, и меня выгонят. Плевать! Улетим вместе.

— Я шесть лет учился в академии, — сказал я. — Мое священство мне дорого далось. Поэтому все останется, как есть.

— Кап! — заплакала она. — Как ты можешь так говорить?! Ведь я люблю тебя!

Я сидел, не зная, как ее утешить. Анна достала платок, утерла слезы, после чего ушла. А я достал бутылку вина и осушил ее — один.

После я не раз пытался ответить на вопрос: с чего я на нее запал? Обычная девочка, не слишком образованная, хотя и неглупая, Аня мало

походила на знакомых мне женщин. В ней не было хитрости, желания доминировать, стремления настоять на своем. Искренняя и непосредственная, как ребенок, она вызывала симпатию, а не любовь. Все переменилось после операции. Новая внешность пробудила в ней уверенность в себе. Она осознала себя женщиной, достойной любви. И эта новая Аня нравилась мне куда больше прежней.

В следующее воскресенье Анна не пришла на службу. Затем — снова. Меня вызвал командир роты.

— Что у тебя с Быковой? — спросил хмуро.

— Ничего, — сказал я. — Даже не целовались, если вы о том.

— Мне донесли, что она плачет. В церковь перестала ходить. Раньше первой бежала. Мне это не нравится.

— Мне тоже, — сказал я. — Но помочь не могу.

— И почему она выбрала тебя? — вздохнул майор. — Парни возле нее вьются, замуж зовут, а она втрескалась в индюка. Или я не прав?

Я промолчал.

— Ладно! — сказал майор. — Иди! Перемелется — мука будет.

Так бы оно, наверное, и произошло. Но Бог послал мне испытание, и я провалил его. Корабль с Земли привез награды. Их было немного — в Москве сократили список. Сочли, видимо, что при таких потерях операцию успешной считать нельзя. Подумаешь, пираты! Было бы кого бить! Из штаба все видится лучше. Понизили и статус наград, заменив ордена медалями. Но, как бы то ни было, нас наградили. По традиции это предстояло обмыть. В воскресенье десять медаленосцев сели в флаер и отправились в столицу. Там мы оккупировали столик в ресторане, и пустили по кругу фужер с водкой. Каждый макал в него медаль, после чего прикладывался. Еще влажные, пахнущие спиртом награды прикалывали к мундирам. Завершив церемонию, мы приступили к обеду. Звучали тосты, лилось вино, краснели лица и развязывались языки. Только Анна выглядела хмурой. Она села в отдалении и время от времени бросала на меня взгляды. Из-за этого я чувствовал себя не в своей тарелке. После первого круга тостов я встал и откланялся. Задерживать не стали: капеллан! Ему пьянствовать не с руки. Это они не видели, как святые отцы пьют...

К моему удивлению, Анна вызвалась со мной. В отличие от меня ее проводили сожалением. Мы вышли из ресторана и направились к станции. Я ожидал, что Анна заговорит, но она молчала. Зачем тогда, спрашивается, увязалась?

Ушли мы недалеко. За поворотом нам преградили дорогу. Трое америкосов в форме десантников явно жаждали развлечения. Впереди

стоял негр с сержантской нашивкой на рукаве.

— Гляди, Джек, — сказал он ближнему рядовому, — русский капеллан. И с ним телка. Красивая.

— Зачем она капеллану? — хохотнул рядовой. В этой компании, как я понял, он был шестеркой. — Им же нельзя.

— Зато нам можно! — ощерился негр. Зубы его ослепительно блеснули.

— Пусть уступит! — поддержал рядовой.

— Слышал? — негр ткнул меня пальцем.

— Уйдите с дороги! — сказал я. — Вы оскорбляете офицера.

— Это ты офицер? — хмыкнул негр. — Я вижу святошу. Ненавижу их.

— У него и медалька есть! — подскочил шестерка.

— И вправду, — негр шагнул ближе и выдрал с мясом мою медаль. — Наверное, горячо молился. Держи! — он сунул медаль шестерке. — Сувенир. А я возьму это!

Он сорвал с меня крест.

— Сволочь!

Прежде чем я успел опомниться, Анна выскочила вперед и залепила негру оплеуху.

— Ах, сука!

Негр схватил Анну за волосы. Она зашипела от боли.

— Придержи капеллана, Джек. А мы оттащим сучку в тупик, и там трахнем по очереди.

Это было последним, что он сказал. Удар, прилетевший в промежность, заставил негра согнуться. Анну он выпустил. Отскочив, она залепила Джеку ногой в бок. Тот рухнул на тротуар. Анна нагнулась и подобрала мою медаль, которую Джек выронил. Негр по-прежнему сжимал в руке мой крест, я выдрал его и сжал в кулаке так, что край перекладки выступил между пальцами, как кастет. Негр попытался, выпрямиться, но это зря. Удар! Хрустнула кость, и негр сунулся лицом в плитку.

Все это произошло так быстро, что третий америкос вмешаться не успел. Или испугался. Опомнившись, он заорал: «Хелп! Хелп!» и побежал прочь. Как оказалось не зря. Из дверей ближнего бара повалили америкосы. Их было много, очень.

— Беги! — приказал я Анне.

— Я не брошу тебя, Кап!

— Беги, дура! — рывкнул я. — Зови наших! Я продержусь!

Анну будто волной смыло. Америкосы не успели ее перехватить. А вот мне отступить было поздно. Десантники окружили меня.

— Вот! — крикнул сбежавший трус, тыкая пальцем в тела приятелей. — Русский избил саржа с Джеком.

Америкосы сделали шаг вперед.

— Стоять! — рявкнул я. — Ваши солдаты напали первыми. Сорвали с меня медаль и крест. Хотели изнасиловать мою спутницу. Я священник и офицер. Их ждет суд. Если влезете, то и вас тоже. Вызывайте полицию!

— Обойдемся! — хмыкнул рыжий десантник, делая шаг вперед. — Сарж ненавидел священников — они мешали ему веселиться. Мне тоже. Ты зря бил его, русский!

Я сделал шаг назад. Теперь нас разделяли негр с шестеркой. Последний пришел в себя и попытался встать. Рыжий оттолкнул его и замахнулся. Кулак полетел к моему лицу, но угодил в зажатый в моей руке крест. Пальцы рыжего хрустнули. Он завопил и затряс рукой. Следующий десантник перепрыгнул негра. При этом он на мгновение потерял равновесие. Подсечка опрокинула его назад, и он приложился затылком о тротуар.

Десантники ринулись на меня толпой. Они мешали друг другу, ругались и брызгали слюной. Мне прилетело в лицо и грудь. В ответ я бил зажатым в руке крестом, сокрушая кости и разбивая лица. Но американцев было больше, и это были десантники. Пьяные, но не потерявшие силу и навыки. Меня прижали к стене и схватили за горло. Мир вокруг начал темнеть, как рядом раздался крик:

— Укурки! Амеры нашего бьют!

Позже выяснилось, что мимо шли парни из другой роты. Свалка привлекала их внимание, а когда они разглядели, кого бьют... Десантников разметали в два счета, а подбежавшие награжденные, приведенные Анной, довершили разгром. После чего явилась полиция, и всех замели.

Из камеры меня вызвали к вечеру. В кабинете начальника полиции сидели незнакомый подполковник США и капеллан группировки, владыка Павел. Ну, сам комиссар, конечно.

— Вот и виновник торжества! — поприветствовал меня владыка. — Присаживайся, отец Капитон! Разговаривать будем!

Я опустил на краешек стула.

— Начнем! — предложил начальник полиции.

— Как уполномоченный представитель армии США настаиваю на привлечении виновных к суду! — выпалил американец.

— Согласен! — кивнул владыка. — Более того, настаиваю на суровом приговоре.

Американец удивленно глянул на епископа.

— Возмутительный случай! — сказал владыка. — Сколько служу на Реджине, подобного не припомню. Попытка убить офицера!

— Вы это о ком? — насторожился американец.

— О нем! — владыка указал у меня.

— Позвольте! — возмутился американец. — Пятеро американских военнослужащих отвезли в госпиталь. Сержант Хикс прооперирован — у него раздроблена челюсть. Ему придется лечиться не менее месяца. У остальных переломы ребер и пальцев. У русских — только синяки. И вы хотите сказать, что мы виновны?

— Зачем говорить? — хмыкнул владыка. — Лучше смотреть. Господин комиссар, включите запись!

Начальник полиции нажал кнопку. Вспыхнул установленный на стене экран. Запись с уличной видеокамеры была качественной, со звуком. Несколько минут все молча следили за перипетиями стычки.

— Итак! — сказал владыка, когда запись кончилась. — Что мы видели? К мирно идущему русскому капеллану и женщине-военнослужащему подошли десантники США. Они оскорбили офицера, а сержант Хикс потребовал отдать им девушку. В ответ лейтенант Головатый потребовал пропустить их и напомнил об ответственности за такое поведение. Я прав, господин комиссар?

Начальник полиции кивнул.

— Что далее? — продолжил владыка. — Сержант срывает награду с груди офицера. Этой медалью, к слову, капеллана наградили за бой с пиратами. Он спасал раненых. Напомню, что русская рота уничтожила корабль разбойников. Наши американские союзники подобным похвастаться не могут.

Американец что-то пробормотал.

— Да, господин подполковник! — повысил голос владыка. — Я давно на Реджине и что-то не припомню, чтобы десант США участвовал в боях. Это на улице они герои. Сорвать медаль с офицера! Как бы вы поступили, если были бы на месте Головатого?

Американец не ответил. Только зыркнул исподлобья.

— Напомню, что лейтенант — капеллан, — сказал владыка. — Они считаются нонкомбатантами и не участвуют в боевых действиях. Наверно поэтому ваши солдаты и осмелились напасть. Прочих они боятся. (Американец дернулся, но промолчал). Головатый повел себя, как подобает священнику. Он не ответил на провокацию Хигса. Он даже смолчал, когда тот сорвал с него крест. Кротость и смирение — достоинства истинного пастыря, — владыка поднял глаза горе. — И лишь после того, как Хигс

схватил девушку для того, чтобы подвергнуть ее насилию, лейтенант вмешался.

— Он раздробил Хигсу челюсть! — буркнул американец.

— «Сокрушил кости мои», — процитировал Владыка. — Плач Иеремии, глава три, стих четыре. Что оставалось делать капеллану, господин подполковник? Наблюдать, как его духовную дочь ведут на поругание? Хочу заметить, что отец Капитон ограничился всего двумя ударами и не стал нападать на стоявшего в стороне десантника. Они бы мирно ушли, если бы ваш храбрец не побежал звать помощь.

Американец насупился.

— Когда явились другие преступники, лейтенант вновь предупредил их об ответственности. Но десантники выразили желание довершить начатое Хигсом. Их не остановило, что Головатый — священник. Я начинаю думать, что под вашим началом, господин подполковник, служат сатанисты! Иначе трудно понять их поведение. Зачем они пытались убить капеллана? Если бы не проходившие мимо солдаты...

На американца было жалко смотреть.

— Передавайте это дело в суд, господин комиссар! Думаю, что десять лет каторги охладят пыл сатанистов.

— Господин полковник! — американец встал. — От имени командования группировки приношу извинения за прискорбный инцидент. Прощу: не надо суда! Хигс и другие уже понесли наказание. Они в госпитале. Время пребывания в нем вычтут из их жалованья. Я буду ходатайствовать о понижении Хигса в звании. Другим тоже вынесут соответствующие взыскания. Пожалуйста!

— Пусть он скажет! — владыка указал на меня. — Это его били.

— Не нужно суда! — сказал я.

— Видите, подполковник! — сказал владыка. — Перед вами человек, поступающий по заповедям Господним. «Отче! отпусти им, ибо не ведают, что творят», — говорил Христос о распинавших его. Что ж, если Головатый согласен, то я не возражаю.

— Благодарю! — поклонился американец...

— Ты понимаешь, что заработал извержение из сана? — спросил меня Павел, когда мы вышли из управления полиции. — Священнику запрещено бить людей и тем более их калечить.

— Виноват! — сказал я. — Грешен.

— Вам следовало убежать, — вздохнул владыка. — Они бы не догнали — пьяные. Присоединился бы к своим, а те бы защитили. Ты слишком поддаешься чувствам, Капитон, и в этом твоя беда. Взять ту же Быкову. Ну,

ладно, убрал бы у нее шрам, раз из-за этого она мучилась. Но зачем делать из нее красавицу?

— Вы знаете? — изумился я.

— Нашел секрет! — хмыкнул владыка. — На Реджине нет клиник пластической хирургии, а зато имеется сын Куглера, прошедший обучение у отца. В твоём личном деле есть отзыв руководителя медицинской практики. Он в восторге от твоего дарования и рекомендует использовать его в деле. Думаешь, отчего я выбил тебе разрешение участвовать в операции? Но одно дело спасти раненых, другое — править физиономии девицам. Эх, Капитон! Куда тебя понесло? Хотел сделать добро, а что вышло? Девчонка влюбилась, сам запал, а выхода нет. Только мучаетесь.

— У нее это было всего раз, — сказал я. — В школе.

— Не имеет значения! — буркнул он. — Важен сам факт. Благословения на этот брак я не дам, даже не проси. Ослушаешься — потеряешь сан.

Я вздохнул.

— Ты можешь стать добрым пастырем, — сказал Павел. — В роте тебя приняли, — владыка ткнул пальцем в знак на моей груди. — Твоему предшественнику этого не удалось. Тебе исповедуются, появился притч... Если что помешает тебе сделать карьеру, то собственная глупость. Уразумел?

— Да, владыка! — сказал я.

— Пару месяцев не появляйся в городе. Амеры могут устроить пакость. Они злопамятные. Сторожись!

Я кивнул и склонил голову. Павел осенил меня крестом, и я пошел к ждавшим меня товарищам. В тот миг я не подозревал, что эта история будет иметь продолжение. Причем, скоро...

Глава 9

С вожаками пиратов мы встретились в полете стрелы от стен замка. Таким было их условие — они боялись за свои шкуры. Я не возражал — так даже лучше. Единственное, чего потребовал Лан (он договаривался о переговорах), так то, чтоб войско пиратов держалось от места встречи на расстоянии. Пираты не возражали. А с чего? Их двое, а человек от князя прибудет один. Это Лан им тоже сообщил, без обиняков сказав, что посланец явится с важным предложением. В противном случае, зачем встреча? Послать осаждающих к местной матери можно и со стены.

И вот теперь я шагал от ворот к войску пиратов. Те, похоже, готовились к штурму: разбивались на отряды и тащили лестницы. То ли пытались запугать, то ли не испытывали иллюзий насчет переговоров. У меня их тоже не было. Пираты не отступят. Для них обладание Мугом — вопрос жизни и смерти. Однако попытаться спасти им жизни мой долг. Я не хочу убивать.

От войска пиратов отделились две фигуры и двинулись мне навстречу. Вскоре я смог их рассмотреть. Оба вожака оказались приземистыми и плечистыми. Оба обрядились в шлемы и кольчуги. На поясах — мечи и кинжалы. У одного из пиратов борода была ярко-рыжей, у второго — черной. Лица загорелые — моряки. Оба не старые. Ну, так с их профессией не заживаются.

Вожак остановились, не дойдя пять шагов, и любопытством уставились на меня. Их можно было понять: я прибыл в полном боевом облачении. Для этого времени — странное существо, хищник из-за пределов Галактики. Подумав, я поднял визор.

— Ты кто? — спросил рыжебородый, разглядев, что перед ним человек.

— Мэтр Гро, — отрекомендовался я. — Великий маг. Прибыл на помощь князю. Он предлагал вас испепелить, но я добрый. Поэтому передаю ультиматум.

— Чего? — изумился рыжий.

— Катитесь из Муга, пока живы! — рявкнул я. — Срок — до заката. Иначе всем песец, Содом и Гоморра, словом. Пощады не будет.

От неожиданности рыжий поперхнулся. Чернобородый стукнул его между лопаток.

— Скажи, брат, — сказал рыжий, прокашлявшись, — ты что-нибудь

слышал о мэтре Гро?

Чернобородый покрутил головой.

— А о том, что маги испепеляют людей?

Второй вожак хмыкнул.

— А ведь мы с тобой были в Блантоне и видели магов. Великих — уж точно. Сдается, что это самозванец. Который, вдобавок, много возомнил.

— Угу! — подтвердил чернобородый.

— Сейчас мы распустим его на ленты, а после пойдем на штурм. Мне надоело толкаться у этих стен. Идет?

— Ага! — подтвердил напарник и потащил из ножен меч. Рыжий выхватил свой.

— Минздрав предупреждал! — вздохнул я и выдернул из кобуры травмат.

Вожаки, оскалившись, двинулись ко мне. Мечи они держали небрежно, но по движениям читалось, что превратить меня ленты, не составит им труда. Как и моральных угрызений.

Травматический пистолет в моей руке дважды бухнул. Резиновые пули с металлическими сердечниками не пробили кольчуг, но этого и не требовалось. Удар в грудь с такого расстояния сбивает с ног быка. Вожаки выронили мечи и повалились на вытопанную траву. А вот нефиг было ножиками размахивать!

За спиной захлопали крылья. Дига, тормозя ими, приземлилась рядом.

— Скорей! — крикнула Ноэль.

Я хмыкнул. Ошалевшее от неожиданности войско пиратов топталось в отдалении. Куда торопиться? Захочу — шагом к воротам дойду. Ноэль зашипела, и я поспешил к летающему крокодилу. Взобравшись в седло, пристегнул себя крюками. Нэси, побежав по полю, замахала крыльями и поднялась в воздух.

— Выше! — крикнул я.

Ноэль мотнула головой — дескать, сама знаю, но приказ выполнила. Дига взмыла и описала круг над войском. Пора!

Я достал из разгрузки гранаты. Они полетели вниз — прямо в лица наблюдающих за нами пиратов. Смотрите! Счас вам будет хорошо...

Первый взрыв грохнул, когда мы уже летели к замку. Ударная волна догнала нас, заставив Нэси взреветь. Вспышек мы не видели — я не дурак оглядываться, но стены замка словно озарило солнце. Светошумовая граната — это вам не от пыли чихнуть. А если рвется над головой, когда ты смотришь в небо... А куда смотреть, если там дига?

Нэси перемахнула стену замка, и я увидел изготовившихся у ворот

защитников замка. Впереди застыла кавалерия с копьями наизготовку. Молодец Лан, все сделал, как договаривались! Створки ворот поползли в стороны. Дига взмахнула крыльями и села на площадке донжона. Я соскочил с седла и, на ходу доставая бинокль, подбежал к краю башни. Конница Лана неслась к пиратам. Те и не думали обороняться. Многие валялись на земле, другие очумело крутили головами, пытаясь придти в себя. Не бойцы. Вслед кавалерии Лана бежали пехотинцы, за ними неслись мужчины из гражданских с дубинами наперевес. Князь обещал по серебряку за каждого пленного. Деньги малые, но один пират — серебряк, а двадцать — уже золотой. Большие деньги для простолюдина.

Конница врезалась в толпу, и всадники заработали копьями. Как я разглядел, воины Лана били тупой стороной. Все правильно. С мертвого пирата толку мало, живой стоит денег. Каторжники нынче в цене. Рудники королевства поглотят всех. Государству — выгода, а нам прибыль. По договору с князем мне причитается треть добычи. Если учесть, что здоровый каторжник стоит золотой... Скажете, нехорошо? А это я плыл в Муг чтобы грабить и убивать? Пусть скажут спасибо, что плазменные гранаты кончились...

— Дай! — потребовали рядом.

Я протянул Ноэль бинокль. Она взяла его и приникла к окулярам. Пусть любитесь. Вчера мне стоило большого труда уговорить ренийку принять участие в деле. Нея даже сводила дочь к беженцам, чтобы та глянула на голодных детей. Но решающим аргументом стало мое желание, ни смотря ни на что, выйти к пиратам. Без помощи диги мои шансы уцелеть в переговорах смотрелись призрачными. Ноэль согласилась, скрепя сердце. Не любит она отчима...

— Бегут! — сказала Ноэль, возвращая бинокль. — К причалам.

— Летим! — предложил я.

Ноэль подумала и кивнула. Правильно. Пленники — это хорошо, но корабли стоят больше. Княжество обзаведется флотом. Моряки, как сказал Амей, у него есть. Первым делом отвезут пленников в Мерсию, сбудут их чохом и закупают товар. Княжество начнет торговать, прирастет людьми... Приятно чувствовать себя благодетелем.

Подлетели мы быстро. Пираты штурмовали корабли. Я сбросил на причал светошумовую гранату — последнюю из оставшихся. Сверкнуло, грохнуло. Дига заревела. На судах воцарился кавардак, причалы враз опустели. Многие пираты бросились в воду. Доспехи мигом утянули их на дно. Другие, упав ничком, закрыли руками головы. Эти еще поживут. На королевских рудниках после десяти лет каторги дают свободу. Если

доживешь, конечно. Говорят, бывает...

Дига, грозно порывая, описала круг над мачтами. Моряки, взобравшиеся на реи, сиганули в море. А вот нечего паруса распускать! Мэтр сказал в плен, значит — в плен! Скажите спасибо, что оставляем в живых. Лан этого не хотел — зуб у него на пиратов. Решающим стало слово князя, деньги он любит.

В конце улицы, ведущей к причалам, показалась конница. Впереди скакал Лан. Я узнал его по красному плюмажу на шлеме. Копья в руках всадников щетинились как иглы огромного дикобраз. Вот и все. Нам тут делать нечего. Мавр сделал дело, теперь может отдыхать. Я тронул Ноэль за плечо, и дига, взмахнув крыльями, взяла курс на замок.

* * *

Бриз с моря несет запахи йода и рыбы. Верхняя площадка донжона — единственное место в замке, где свежо. Полуденная жара сморила обитателей — двор пуст. Все разбрелись по комнатам, где толстые камни отдают накопленную ночью прохладу. К вечеру и они прогреются. В деревянном доме лучше. У нашей семьи во Франции на берегу моря было деревянное шале, построенное по индивидуальному проекту — Куглеры могли себе это позволить. Меня с сестрами привозила туда мать. Семья проводила у моря летние месяцы, тягостные в большом городе. Отец вырывался к нам, и в шале становилось весело. Мы купались, загорали, ловили рыбу, которую жарили на решетках сложенного из камней мангала. Нам было радостно и хорошо вместе.

Здесь море такое же бирюзовое, и запахи у него те же. Воды кишат рыбой — Ноэль рассказывала. Земля родит злаки, леса полны дичи — живи и радуйся. Но люди и здесь убивают друг друга. Зачем? Или это извечное свойство человеческой природы? На Земле до сих пор тлеют локальные конфликты. Ничего не изменилось и с выходом человечества в большой космос. Свои привычки и устремления люди перенесли на другие планеты. Иначе, почему я здесь?

Тоска... Корабли с каторжниками уплыли. Пиратов, не церемонясь, набили в трюмы, как селедок в бочки. Если кто сдохнет дорогой — туда и дорога. После осады жители Муга разбрелись по городу, и мало кому понравилось то, что они увидели. До сих пор люди ищут свои вещи: не все удалось найти в захваченном лагере. Для бедняка и старое одеяло — ценность, не говоря о посуде или, скажем, обуви для детей. До ближайшего

порта, где пиратов продадут, неделя пути. Столько же и обратно. Итого две. Тогда получу свою долю, хотя часть золота у князя я выдурил. Тратить его негде. Кабаки в Муге разграблены, борделя нет. Его и раньше не наблюдалось. Для жриц платной любви здесь нет клиентуры. Раненых я подлечил, другого занятия нет. Муг надоед, читать не хочется. Интересно, как там мои флоксы? Наверное, засохли: поливать некому, а дожди в это время года в Мерсии редкость. Жалко. Цветы напоминали мне о Земле. Они украшали клумбу в родительском доме. Шиды могли вырвать их со злости и разгромить дом. Принесла их нелегкая!..

За моей спиной шевельнулась дремавшая под стеной дига. Я не обернулся. Жрать меня не станет — сыта. Утром Ноэль отпустила ящерицу полетать. Дига вернулась с раздувшимся животом да еще притащила в пасти задушенную овцу. Можно не спрашивать, где взяла. Пираты приватизировали брошенный людьми скот, стада пасутся вблизи замка, поставляя нам свежее мясо. Хозяева у овец есть, но Нэси этим не заморачивается. Для нее любое животное — дичь. А за овец платит Ноэль.

Легкие шаги за спиной. Легка на помине! Понятно, почему пробудилась Нэси — хозяйку чует. Ноэль выскочила на площадку и подошла ко мне. Дига вздохнула и поднялась на ноги. Подойдя, сунула голову Ноэль подмышку. Та почесала ящерицу за ушным отверстием. Дига заурчала.

— Как мырх, — сказал я, вздохнув об утраченном уединении. Мырхами зовут местную популяцию котов. На котов, впрочем, они похожи мало, скорее — на крыс, коротконогих и ленивых. Любимое занятие мырхов — лежать на разогретых солнцем крышах. Хотя мышей они ловят. И мурлычут, как земные коты.

— Нэси не мырх, — улыбнулась Ноэль. — Тот укусить может, а дига — никогда!

Я с сомнением посмотрел на летающего крокодила и получил в ответ насмешливый взгляд. «Кусать я не буду, — будто говорил он, — а вот отгрызть что-нибудь — запросто!»

— Как ты ей управляешь? — спросил я.

— Отсюда! — Ноэль коснулась пальцем лба. — Мы с ней обмениваемся мыслями.

— Да ну? — не поверил я.

— Именно! — подтвердила Ноэль. — Знаешь, как покупают диг? Продавец привозит на рынок выводок, вокруг собираются покупатели, и если детенышу кто-то понравился, он дает ему это знать — мысленно. После чего начинается торг.

— Хочешь сказать, это она тебя выбрала? — удивился я.

— Так! — кивнула Ноэль.

Я с сомнением покачал головой.

«Тебя бы не выбрала, стикуль вислозадый!» — прозвучал в моей голове голос.

«Почему вислозадый?» — не успев удивиться, спросил я.

«Потому что зад у тебя откляченный, — пояснил голос. — Как курдюк».

«Курдюк у овцы и там — жир! — возмутился я. — У меня — мышцы».

«Жир вкуснее, — сказал голос. — Но и так хорошо. Если б не хозяйка, давно б попробовала».

В смятении я посмотрел на дигу. В глазах ее прыгали огоньки. Заметив мой интерес, Нэси оскалилась и показала раздвоенный язык.

— Она говорила с тобой! — воскликнула Ноэль. — Слышал?

— Еще как! — подтвердил я. — Мне пообещали отгрызть зад.

— Она шутит! — отмахнулась Ноэль. — Нэси это любит. Но почему она заговорила и ты услышал? Это не каждому дано.

— Наверное, я красивый, — предположил я.

«Глупый стикуль!» — хмыкнуло в голове.

«Ящерица!» — не остался в долгу я.

«Все-таки я тебя съем!» Нэси открыла пасть и рыкнула.

— Перестань! — Ноэль шлепнула дигу по морде. — Заигралась! А ты, — она обернулась ко мне, — перестань ее обижать. Нэси хорошая. Почеши ее за ухом!

Я с сомнением глянул на дигу. Та закрыла пасть и приняла невинный вид — даже глаза прижмурила. М-да... В школе у меня была подружка, державшая алабая. Она всем предлагала гладить собачку, уверяя, что та добрая. Но мы не верили. Гладить пса, ростом тебе по пояс и весом в 80 килограммов...

Ноэль смотрела на меня укоризненно. Поколебавшись, я шагнул ближе и осторожно коснулся пальцами бугристой кожи за ушным отверстием. Нэси поощрительно уркнула.

— Не бойся! — сказал Ноэль.

Я вздохнул и стал чесать кожу диги. Нэси заурчала и потерлась мордой о мою ногу.

— Ей нравится! — сказал Ноэль. — Даже странно. Ты первый, кроме меня, кому она это позволила. Даже бабушку не подпускала.

«Счастье-то какое!» — подумал я.

— Ты сможешь на ней полетать! — предложила Ноэль.

— Лучше на стикуле, — возразил я.

На этой планете два вида верховых животных. Гинтайр, похожий на земную лошадь, если забыть о костяных выростах на лбу и шпорах на копытах. Последними местные росинанты довольно умело мочат своих врагов. Растить такого бойца долго, дорого, поэтому гинтайры редки. Их всех забирают в кавалерию. Гинтайр — норовистое и злобное животное, управлять им — искусство, которому учат с детства. И все равно смерть от собственного коня — дело обычное. Стикуль похож земного осла, но, в отличие от него, покладист и добр. На нем ездят верхом, запрягают в повозки, возят вьюки. Еще выращивают на мясо, оно у стикуля мягкое и вкусное. Если, конечно, на животном не ездили двадцать лет...

— Ты куда-то собрался? — насторожилась Ноэль.

— Нужно съездить в одно место, — сказал я.

— Далеко?

— Дней пять пути.

— Дороги небезопасны. Можно нарваться на разбойников.

Я хмыкнул. Для человека, снявшего осаду с замка, угроза встретить разбойников звучит смешно. Гранаты у меня кончились, зато стволов — море. Перестреляю бандитов — охнуть не успеют.

— Зачем тебе ехать?

— Пополнить запас оружия.

— Я с тобой!

Я хмыкнул еще раз.

— Мы полетим на диге. Будет быстрее.

Я задумался. Ноэль права: на стикуле долго... Жара, пыль, все время настороже. С Нэси бояться нечего: на стоянке она чует постороннего за версту. Минус один: арсенал у меня в боте. Ноэль любопытна и обязательно сунет нос. Придется выкручиваться... Хотя о чем это я? Я же маг! Никто здесь не удивился моим гранатам, или тому же лучевику. У мага много таинственных вещей. У него может быть место, где он хранит артефакты. Ноэль узнает про бот, и что? Постороннему его не открыть. Попытаешься — огребешь. Охранная система включает пулеметы, гранатометы и лучевые пушки. Полк положить можно, прежде чем кончатся боеприпасы и энергия в накопителях. Но и потом бот не открыть — стучи, не стучи. Металлопластовую броню возьмет только плазменный резак, а откуда он здесь?

— Хорошо! — кивнул я. — Вылетаем утром.

— Тогда я — собираться! — заторопилась Ноэль.

Дига, оставшись без хозяйки, недовольно рыкнула и ткнулась мордой

мне в живот. Дескать, чеши!

«А не облезешь?!» — подумал я, но отогнал эту мысль. Если ящерица читает мысли, то может обидеться. А мне с ней лететь. Откусит ягодичы... Терпи, раз попал!

* * *

Амеры прилетели во время утреннего развода. Они хорошо знали наш распорядок, как и мы — их. На утреннем построении, если не ожидается операции или учений, у военнослужащих нет оружия. Укурки стояли в строю, я с командиром — перед ними, когда над нами со свистом пронесся боевой флаер. ПВО не сработало — у американцев стояла система опознавания «свой — чужой», единая для группировки войск. Заложив вираж, флаер закружил над строем, поливая плац из пулеметов. Стреляли не в нас — по сторонам. Пули пятнали дырами бетонопластовое покрытие плаца, разбрасывали щебень пешеходных дорожек.

Замысел мстителей был прост. Напугать русских, а после хвастаться в кабаках Реджина как заставили их наложить в штаны. Естественно, что командование российской группировки потребовало бы провести расследование и наказать виновных. Естественно, его бы провели. Только вот виновных вряд ли нашли бы. Дескать, флаер был угнан неустановленными лицами, разыскать их не удалось. Зуб на нас у амеров вырос большой, ждать объективности от них не следовало.

Так бы и вышло, если б не Аня. Пока строй, матерясь, смотрел в небо и скрипел зубами, она вылетела из рядов и метнулась к оружейке. Следя за амерами, мы заметили это не сразу.

— Быкова, стоять! — заорал майор вслед Ане, но она уже скрылась в дверях.

Майор перевел взгляд на меня. Приняв это за приказ, я побежал к оружейке. Вслед мне что-то кричали, но я не остановился. Рядом со мной легла очередь, кусок щебня с дорожки раскроил мне щеку, но в тот миг я даже не заметил этого. Ворвавшись в здание, побежал вверх по лестнице, но еще на пути понял, что опоздал. Сверху застучал пулемет.

Позже выяснилось, что Аня схватила первое же оружие, и им оказался легкий пехотный пулемет, предназначенный для боев на поверхности. Попутно сгребла еще кое-что. Стреляла она метко. Очередь хлестнула по борту флаера, не пробив бронированной обшивки. Тут бы амерам и улететь — дело они сделали, но выиграло ретивое. Флаер огрызнулся. Когда я

вбежал в комнату, Аня сидела на полу, правой рукой сжимая обрубок левой. Тяжелая пуля практически оторвала ее по плечо. Из культи струйкой цвиркала кровь. Я метнулся к ней.

— Стреляй, Кап! — закричала Аня, отталкивая меня ногой. — Уйдет, гад!

Я понял, что если не подчинюсь, она к себе меня не подпустит. Тогда ее не удастся спасти. На полу валялась ПЗРК «Пи́ла», Аня захватила ее в оружейке. Обращаться с ней нас учили, как, впрочем, и с другим оружием. Зачем это священнику, не объясняли. Положено — учись!

Я вскинул трубу на плечо. Пальцы привычно включили комплекс, отщелкнули предохранитель и нажали на курок. Выстрелил я, не целясь, следя, чтоб ракета вылетела в открытое окно, а реактивная струя пришлась в створ двери. Швырнув пустую трубу на пол, я подбежал к Ане и, наконец, занялся ее рукой. Мне удалось остановить кровотечение и срастить мягкие ткани, когда в комнату вбежали...

— У нас будут проблемы, Кап! — сказал майор, после того как Аню увезли в госпиталь.

Когда я выстрелил, что флаер лег на обратный кур. Улетел он недалеко. Ракета «Пи́лы» обладает способностью самостоятельно находить цель и поражать ее. Флаер она догнала. Разрыв боевой части разрезал его пополам — из-за этого комплекс и получил свое название. Экипаж погиб. В его составе оказался сын генерала, командующего американской группировкой.

Расследовать ЧП прибыла совместная комиссия. На этом настояла российская сторона: ждать объективности от амеров не следовало. Нас допросили. Мы не таились: с чего? Видеокамеры зафиксировали все до мельчайшей подробности. Сказать амерам было нечего: нападение на воинскую часть. Они заикнулись о несоразмерном применении силы, но наши парировали это просто: как повел бы себя американский десант в аналогичных обстоятельствах? Комиссия закрыла дело за отсутствием виновных. Нападавшие погибли, а русские действовали в пределах самообороны.

Все эти дни я не находил себе места. Меня не волновали выводы комиссии. Неприятностей я ждал с другой стороны. Священнику нельзя убивать — даже случайно, даже защищая себя. Я знал, что меня накажут, но надеялся на снисхождение. Владыка обещал похлопотать.

Через неделю после отъезда комиссии меня вызвали к командиру группировки. В кабинете, помимо него, находился владыка Павел. Лица у генерала и полковника были хмурыми. И я почувствовал, как похолодело в груди.

— Проходи! — сказал генерал, когда я доложился. — Стань там. Владыка?

Полковник встал и откашлялся.

— Священный синод отклонил наше ходатайство, — сказал он. — Священник Капитон Головатый извергнут из сана.

Меня словно обухом стукнули. Я так надеялся... Покаяние, ссылка в монастырь — таким виделось мне решение синода. Извержение из сана пересмотру не подлежит, это навсегда. Я потянул с шеи крест.

— Оставь! — рявкнул владыка. — Не ты его вешал, не тебе и снимать.

Он подошел и снял крест, при этом словно обняв меня. Отступив, владыка оглянулся на генерала.

— Приказом по группировке лейтенант Головатый уволен из военнокосмических войск в связи с невозможностью его использования по полученной специальности, — сказал тот и добавил: — Погоны снимать я не буду — не заслужил. Сам справишься. Можно и не снимать. В связи с обстоятельствами увольнения лейтенанту Головатому даруется право ношения формы.

Оба офицера смотрели на меня, но я молчал.

— Что будешь делать? — спросил владыка.

— Первым же рейсом улечу на Землю, — выдавил я.

— Тебя задержат по прибытию, — покачал головой генерал. — Амеры объявили тебя в розыск по обвинению в убийстве. Мы подали протест, но пока отменяют, пройдет время. Они успеют тебя осудить — лет на двадцать, если не на все сто. Или ты веришь в справедливый американский суд? Выцарапать тебя из тюрьмы будет трудно, — он помолчал. — В части находиться тебе нельзя — гражданским не положено. Нужно спрятаться.

— Где? — спросил я.

— Есть тут одна планетка, — сказал генерал. — Дикая и неосвоенная, но жить там можно. Землян нет, общество средневековое. Ты лекарь, поэтому не пропадешь. Согласен?

Я кивнул. В тот момент я был готов хоть в ад.

— Вот и хорошо! — обрадовался генерал. — Голым не полетишь. Есть списанный бот — старенький, но вполне рабочий. Оружие тоже списанное, но еще вполне, — генерал усмехнулся. — Если что, отобьешься. Не получится — дашь сигнал. Прилетим. Когда все уляжется, заберем. Думаю, года нам хватит. Максимум — два.

— На месте освоишься, — подключился владыка. — Мы тут сбросились и закупили необходимое. В том числе немного золота и серебра. Банков там нет, пластик не принимают.

Я шмыгнул носом.

— Но-но! — сказал генерал. — Ты мужик, Капитон! Не распускай сопли! Укурки не бросают своих.

В тот же день я навестил Аню. Ее раненая рука была забрана в ажурное сооружение из спиц — вытягивали кость. Пуля выбила из нее приличный кусок, поэтому я и не стал сращивать перелом на месте — рука стала бы короче. Увидев меня, Аня вздрогнула. Глаза ее повлажнели.

— Кап!

Я присел на стул у кровати и поцеловал ее в щеку.

— Меня отправляют на Землю, — сказала она, шмыгнув носом. — Будут лечить. Рука, может, и восстановится, но останется шрам. О блузках с коротким рукавом придется забыть.

— Все будет хорошо, — я вложил визитку в ее ладонь. — Когда рука заживет, позвони по этому номеру. Помогут.

— Эрих Куглер? — изумилась она, разглядев визитку. — Ты знаешь, сколько они берут?

— Для тебя бесплатно, — сказал я.

— Почему?

— Эрих Куглер — мой отец. Я говорил с ним. Тебя ждут.

— Мы полетим вместе? — обрадовалась она.

— Нет, — покачал головой я. — Амеры объявили меня в розыск. Придется прятаться.

— Где?

— Тебе лучше не знать.

— Это надолго?

— Год или два. Может, больше.

— Это все из-за меня!

Она заплакала. Я осторожно стер слезы пальцами. Она схватила здоровой рукой мою ладонь и приложила к щеке. Та была влажной.

— Я дождусь тебя, Кап! Обязательно!

— Не нужно! — сказал я и встал. — Кто знает, как сложится? Рекомендую уволиться из армии по ранению. Получишь компенсацию. Ее хватит, чтобы закончить дипломатическую академию. Там найдешь себе мужа. Ты красивая, желающих будет много. Не ошибись с выбором!

— Как ты можешь говорить так, Кап! — обиделась она. — Я обязательно дождусь! Я люблю тебя!

Я поцеловал ее в щеку и вышел. Красивая женщина не станет ждать возлюбленного два года, даже сына миллионера. Не дадут.

Через день патрульный крейсер укурков отправился в обычный рейд.

На борту его находился не внесенный в судовую роль пассажир. На краю галактики крейсер сделал незапланированный прыжок и у планеты Зоэ высадил бот. Старенький, но вполне исправный. Ведомый компьютером, бот приземлился в расчетной точке, и из него вышел старик в неприметной одежде. До ближайшего города он добрался пешком. На местном наречии старик едва говорил, но это не вызвало удивления. В портовом городе кого только не встретишь! Старик остановился в таверне, кое-как объяснив хозяину, что он лекарь. Тот обрадовался: с лекарями в порту было плохо. Старик вылечил трофические язвы трактирщика, убрал зуб у его жены, за что получил право на бесплатное проживание и стол. Слух о лекаре разнесся по городу, в таверну потянулись больные. Ожидая своей очереди, они заказывали в еду и напитки, радуя хозяина.

Старик прожил Крипе месяц, заметно усовершенствовав свой мерсийский. Этому способствовал электронный распознаватель речи, о чем аборигены не догадывались, а лекарь не рассказывал. Набив кошелек монетами, гость нанял повозку и отбыл в Блантон. Там он тоже не задержался. Разменяв имевшиеся у него слитки на монеты, отправился в Ремс, где поступил на службу. В Ремсе лекарь купил дом, который устроил по собственному разумению. На это ушли все его сбережения. Остальное вы знаете.

Глава 10

— Вот он! — пилот ткнул пальцем в экран.

Хигс склонился над его плечом.

— RS-9 «Стоун» по нашей классификации, — продолжил пилот. — Русский десантно-исследовательский бот. Модель прошлого поколения, но нашему «Челленджеру» до нее далеко. Умеют русские строить!

— Можешь сесть рядом? — спросил Хигс.

— Не стоит, — покачал головой пилот. — Пассивная защита бота наверняка активирована. А у него оружия как иголок у дикобраза. Разнесет в пыль.

— Тогда на безопасном расстоянии. Вот здесь! — Хигс ткнул пальцем.

— Открытое место, — удивился пилот.

— А кого нам бояться? — хмыкнул Хигс. — Аборигенов с их ножиками? Зато перекроем дорогу к боту. Подход только отсюда.

— Как скажете, сарж! — пожал плечами пилот.

Хигс носил шеврон рядового, но десантники обращались к нему по прежнему званию. Этим самым они подчеркивали свое отношение к происшедшему. Хигс считал свое наказание несправедливым. За что? Подумаешь, пощипали русского святошу! Не трепыхнулся бы, то ничего бы и не было. Даже медальку и крест Хигс ему бы вернул. Трахнули бы девку — и отдали. Но русский полез в бутылку, к тому же оказался резвым. Разбил Хигсу челюсть, пришлось лечиться, шрам остался. По выходу из госпиталя сержанта и вовсе разжаловали. А потом... Разве лейтенант с парнями думал русских убивать? Ну, постреляли бы немного... Но сначала сумасшедшая девка вклепила в флаер из пулемета, а поп добавил из ПЗРК. Такие парни погибли! И это сделал святоша — один из тех, которые твердят о любви к ближнему. Лгуны и бездельники! Не зря Хигс ненавидит их. Генерал приказал святошу уничтожить, и это правильно. Десант США трогать нельзя!

Бот сделал круг над избранным местом и приземлился на вершине холма в миле от горной гряды, где притаился «Стоун». По экрану пробежали цифры анализов атмосферы, земли и воды, затем они замерли и стали зелеными. Угрозы для жизни не обнаружено, можно выходить. Аппарель мягко откинулась на высокую траву, покрывавшую холм. Экипаж, нагруженный снаряжением, сбегал на землю. Хигс сделал знак, и десантники встали в ожидании распоряжений.

— Слушай меня, парни! Мы выпустим беспилотник, он проверит местность и, если обнаружит опасность, даст сигнал. А мы тем временем разобьем лагерь. Пит с Джимом ставят палатки, Бойл принесет воды. В кустах справа, вроде, родник — там зелень гуще. А я пробежусь, — негр подбросил и поймал за цевье короткую винтовку. — Проверю окрестности и заодно поохочусь. В зарослях должна быть дичь. Хочу мяса — с кровью. Надоел паек.

— Мы не будем ночевать в боте? — удивился Пит.

— Хочешь — спи там! — сказал Хигс. — Но я люблю свежий воздух. Атмосфера здесь великолепная, не сравнить с Реджином. Разве не чувствуешь?

Негр с шумом втянул в себя воздух.

— Будем ждать русского здесь? — спросил пилот, он же Джим.

— Именно! — кивнул Хигс. — Что ж нам его по всей планете искать? И, главное, где? Маяков на нем нет.

— А если не появится?

— Скажи, Джим, — усмехнулся Хигс, — как мы узнали, что русский здесь?

— По разрывам гранат, замеченным спутником.

— И?

Джим пожал плечами.

— Русский вел бой, потратил боеприпасы, ему требуется их пополнить. Где взять? Там! — Хигс указал на горную гряду. — Они в боте. Или ты думаешь, что русский возит их в грузовике?

— Вдруг он уже пополнился? — не отстал Джим.

— Мы бы увидели след повозки. Сверху он хорошо заметен. Почва здесь мягкая, — негр подпрыгнул и впечатал подошвы ботинок в землю. — След хранит долго. Русский непременно возьмет повозку — груз тяжелый. На себе не унести.

— А флаер? — влез Пит.

— Флаер не помещается в боте, — снисходительно сказал Хигс. — У русского его нет. К тому же флаер привлечет внимание. Здесь средние века, парни, значит, дикость и фанатизм. Чужака, прилетевшего на флаере, примут за колдуна и попытаются убить. Отбиться легко, но шума много. Уверен, что русский старается быть незаметным. Хотя у него не вышло, — негр пожал плечами. — Пришлось воевать. Тем более, ему понадобятся боеприпасы. Так что явится. Тут ему и конец.

— А после? — спросил Пит. — Улетим обратно, просидев в кустах?

— Мечтаешь о девочках? — хохотнул Хигс. — Будут! Сделаем дело и

наведемся в ближайшее селение. Есть тут одно неподалеку, с орбиты видел. Возьмем с бою, захватим пленных. Отберем девок, самых красивых. А там трахай их, сколько душа просит. Можем и с собой взять, чтоб не скучать дорогой.

— Потащим их на базу? — удивился Пит.

— Зачем? По пути выбросим в космос — и все дела. Это же дикари, какой за них спрос? Или ты хочешь найти здесь жену?

Десантники заржали. Пит смутился и опустил взор.

— Все, парни! — Хигс хлопнул ладонью по цевью винтовки. — За дело!

К тому времени, как он вернулся, лагерь принял жилой вид. Стояли палатки, горел костер, на нем булькал, подвешенный над раскладным очагом, котел.

— Что варите? — поинтересовался Хигс, сбрасывая на землю подстреленную козу.

— Рагу, сарж! — доложил Пит.

— Из сублимированного мяса? — хмыкнул негр. — Которое неизвестно сколько пролежало на складах. Вылей! Есть лучше!

Он вытащил нож и, склонившись, рассек брюхо добычи. Запахло внутренностями. Бросив нож, Хигс сунул руку в сплетение кишок и вырвал печень. Не обращая внимания на льющуюся с нее кровь, откусил и стал жевать. Кровь испачкала его лицо, испятнала куртку. Десантники смотрели на него с суеверным ужасом. Хигс протянул печень Питу.

— Кусай!

Десантник отшатнулся.

Хигс захохотал, показав окровавленные зубы.

— Черви! Не были вы в Тумксе, когда наш бот разбился, и мы два месяца ждали прихода спасательного корабля. Паек кончился, чего только не жрали! Даже тараканов. Зеленые такие, на длинных ножках. Ели их сырыми. Их жуешь, а они пищат.

Лица десантников стали похожи на окрас тараканов.

— Ладно! — сказал довольный произведенным эффектом Хигс. — Тараканов не будем. Но мясо с кровью — обязательно. Попробуем пищу настоящих мужчин!

* * *

Сиш вел свой десяток пустынной местностью, вдали от дорог. Как

сообщили лазутчики, неверные выставили на них усиленные посты. Не всем братьям удалось вырваться из-под стен Ремса. Некоторые побежали, куда глаза глядят. Теперь стража их вылавливает и развешивает на виселицах вдоль дорог. Десяток вооруженных людей она не оставит без внимания. Случится бой, их перебьют. Они-то умрут с радостью, но не выполняют наказ Шида. Маг будет жить, и вновь помешает воинам Хамму взять город. Тогда Сиша с его людьми ждет Пустота.

События в Ремсе навсегда врезались Сишу в память. Ночь, факелы, выползающее из открытых ворот крылатое чудовище, следом — демон в странной одежде, обвешанной непонятными предметами и в глухом шлеме на голове. Сишу следовало кинуть людей в бой, но он оцепенел от страха. Да и его люди тоже. Никогда прежде они не видели ничего подобного. Этот постыдный страх испортил все. Маг (нет, демон!) улетел, затем сбросил на Грона и его ближних дьявольские камни, которые сожгли старших братьев. В результате войско в панике бросило уже захваченный Ремс. И это случилось по вине Сиша и его людей.

Он ждал сурового наказания, но его помиловали. А вот некоторых братьев удавили. Они ушли Пустоту, а это страшнее смерти. В Пустоте удушенных ждут демоны, которые терзают их тела. Куски плоти, вырванные их клыками, за ночь отрастают, и мука повторяется. Так длится бесконечно, как говорит Шид. Зато павшего за Хамму ждет Эрий, где в реках течет вино, по берегам растут невиданные фрукты, а под деревьями ждут девы, готовые одарить праведника сладкими ласками.

Сиш верил в это. Он вырос в бедной семье. Его родители возделывали тощий клочок земли. Половину урожая забирали владетель. Семье арендатора оставалось мало. Еды не хватало, дети росли тощими. Неурожай и вовсе приводил к голоду, который опустошал селения. Одновременно Сиш видел, как жиреют купцы, как вперевалку ходят по улицам чванливые благородные с золотыми перстнями на пальцах. Одного такого перстня хватило бы, чтобы кормить семью Сиша год. Но в королевстве голодные кормили жирных.

Когда в селении появились люди Шида, Сиш, не раздумывая примкнул к ним. Терять ему было нечего, а вот приобрести... Посланцы не обманули. Когда к селению подошло войско пророка, Сиш с братьями ударили страже в спину. Шид выполнил обещание. Они сменили рванье на богатые одежды, пили вино, обжирались мясом и насиловали жирных женщин купцов. Благородных Шид забрал себе. Они не возражали — и без того хватало. Купчихи проклинали их, а они тешили похоть, находя особое удовольствие в том, что под ними стонут женщины прежде не считавшие

их за людей. Насытившись, они зарезали изнасилованных — так повелел пророк.

— У вас будет много женщин! — сказал, обращаясь к новообращенным. — Много вина и мяса. Перед нами лежат города, полные неверными. Они ваши. Берите их! А если кто-то из вас падет, то радость, которую вы испытали здесь, — бледная тень от того, что ждет в Эрии...

Шид сдержал слово. Они захватывали селения, брали добычу. У них было мясо, вино и женщины. Но вскоре пришли воины короля. Они разбили шидов и погнали их в горы. Многие братья пали.

— Хамму послал нам это испытание! — объяснил пророк. — Хотел проверить нашу ревность к нему. Те, кто ее проявил, сейчас радуются в Эрии, других ждут великие дела. Скоро вся Мерсия склонит голову под длань Хамму!

Шид не обманул. Спустя несколько лун в стане пророка появились люди из Мерсии. Они стали обучать братьев сражаться, построили метательные машины и привезли бочки с огненным зельем. Сиш присутствовал на испытаниях и был впечатлен мощностью взрывов. С таким оружием Ремс должен был пасть к их ногам. Кто ж знал, что там ждет демон?

— Ты должен искупить вину! — сказал Сишу Дрох. — Демона необходимо убить. Сделай это — и попадешь в Эрий!

Дрох показал, как это осуществить. Одному из братьев нацепили сумку, в которой зелье было перемешано с камнями, поставили его перед домом и велели поджечь, когда все отойдут. Брат, избежавший петли, сделал это с радостью. Грохнул взрыв. Когда дым рассеялся, все подошли к дому. Деревянная стена была вся в оспинах от ударивших в нее камней. Многие засели в ней так глубоко, что пришлось вырезать.

— Ни один демон не устоит! — довольно сказал Дрох. — Главное — подойти ближе.

Брата, поджегшего заряд, разорвало на куски. Они собрали их и сожгли, как подобает поступать телами с воинами. Голова павшего уцелела. Она скалила зубы, и Дрох объяснил, что брат улыбается, поскольку увидел Эрий.

Им роздали сумки. Сиш выложил стенку своей любовно отобранными камнями, брат-хранитель насыпал в нее зелья и велел держать его сухим. Отсыревшее не взорвется. Поэтому Сиш дорогой не спускал сумку с плеча. На стоянках подвешивал ее на составленных палках — брат-хранитель не советовал оставлять на земле. Зелье может напитать влагу с росой. По утрам Сиш отстегивал клапан, совал в сумку руку и проверял зелье. Сухой

порошок приятно ласкал ладонь, будто успокаивая: не подведу. Провиант и даже оружие Сиша несли братья. Подорвать демона — дело десятника. Их задача — его найти.

...На двенадцатый день они увидели вдали дымок. Сиш велел схорониться в кустах и выслал дозорного. Тот прибежал через час и стал нести какую-то чепуху о демонах. Сиш велел ему замолчать и отправился сам. Приблизившись к краю леса, он взобрался на дерево.

Сиш сразу понял, чем впечатлился брат. На вершине холма стоял большой камень, а возле него были люди. Четверо. Они сидели у костра и ели. Сиш пригляделся. На людях была странная одежда, похожая на ту, в которой был демон в Ремсе. Правда, там было темно, и Сиш не рассмотрел толком, но все же... Песчаного цвета штаны, заправленные в сапоги со шнурками, такого же цвета куртки, поверх них — жилеты с многочисленными карманами. Еще кожаные футляры на поясах. У демона в Ремсе были такие же, правда, одежда темная. Сиш разглядел жезлы, лежащие рядом с обедающими, и шлемы с забралами. Когда один мужчин встал и повернулся в его сторону, Сиш еле не сверзился с дерева: у чужака было черное лицо! Дозорный не врал — это демоны. Сиш уверился в этом, когда чернолицый направился к камню и тот отворил перед ним проход. Демон скрылся внутри, но скоро вернулся с непонятным предметом в руках.

Сиш соскочил с дерева и побежал к своим. Он летел как птица. Хамму отметил его десяток, наведя их на становище демонов. Они убьют их. Есть среди них то демон или нет — неважно. На поиск вышло шесть десятков, так что найдут. Но что значит один демон, когда здесь — четверо? Кто более услужит Хамму, кому более вина и женщин достанется в Эрии?..

* * *

— У нас гости! — сказал Хигс.

Десантники прекратили жевать и уставились на него.

— Беспилотник заметил их час назад, — усмехнулся Хигс, — и сбросил сообщение мне на комм. Их десять. Они заметили дым и выслали разведчика. Тот рассмотрел нас и вернулся к своим. Но, видимо, их старший не поверил и пришел сам. Сейчас он сидит на дереве в ста ярдах отсюда. На десять часов. Не двигаться! — прошипел Хигс, увидев, что спутники стали поворачивать головы. — Спугнете! Нам после гоняться?

— Что вы задумали, сарж? — спросил Пит, проглотив застрявший в горле кусок.

— Охоту! — оскалил негр зубы. — Дикие рассмотрели, что нас четверо, и захотят напасть. Логичный поступок: у них численное превосходство. Но они не знают про огнестрельное оружие. Продемонстрируем. Ешьте! — предложил он притихшим десантникам. — У нас самое малое — полчаса.

Хигс встал, сходил к боту и вернулся с тактическим планшетом.

— Вот! — сказал, указывая на точки на экране. — Главарь здесь, остальные его ждут.

— Может, спрятаться в боте? — спросил Джим. — Они не найдут нас и уберутся.

— А после вернутся с войском! — возразил Хигс. — Мы-то справимся, но будет шум. Спугнем русского. Он наша главная цель. Поэтому дикарей нужно уничтожить. Ешьте!

Однако десантники жевать прекратили. Не отрываясь, они смотрели на экран планшета, где красные точки подтягивались к холму, отмеченным зеленым. Хигс дожевал мясо и вытер руки гигиенической салфеткой.

— Разобрали винтовки! Готовность пять минут!

Десантники в считанные секунды выполнили приказ.

— Сели спиной к лесу! — велел Хигс. — Нужно, чтоб дикари уверились, что их не ждут.

— А если они это... стрелой? — спросил Джим.

— Метательного оружия у них нет, я хорошо рассмотрел, — негр взял планшет и одно за другим укрупнил изображения аборигенов. — Только железки на поясах. С ними они не опаснее мух.

— Командуйте, сарж! — согласился Джим.

— Когда дикари выскочат из леса, по моей команде оборачиваемся и открываем огонь с колена. Цели выбиваете от флангов к центру. В этого с сумкой не стрелять! — Хигс указал на фигуру впереди группы. — Это их главарь, я разберусь с ним сам. Интересно, что у него в сумке? Он ее не спускал с плеча, даже когда влезал на дерево. И перед атакой не снял. Может, там золото?

— Или алмазы, — поддержал Пит.

— Алмазы легкие, — возразил Хигс. — Приходилось видеть, когда рудник охраняли. У этого сумка ремень оттягивает. Ладно, посмотрим.

Десантники передернули затворы винтовок, положили их на колени и уставились на экран планшета. Красные точки приблизились и вытянулись неровной шеренгой вдоль кромки леса.

— Красный, — тихо сказал Хигс. Десантники взяли винтовки.
Точки устремились вверх по склону.
— Огонь! — крикнул негр.

* * *

Приготовления не заняли времени — десяток у Сиша был опытный. Братья споро сняли с себя поклажу и повязали поверх шапок повязки с именем Хамму. Пусть враг видит, с чьим именем они идут бой. А если случится пасть, бог опознает своих. Чужих в Эрий не впустят. Сиш выбил кресалом огонь, зажег пропитанный зельем шнур и встал впереди. Братья вытащили мечи. Они углубились в лес и вскоре вышли к подножию холма. Здесь Сиш тоже достал меч, взяв его в левую руку. Его оружие — зелье, но вдруг понадобится? Сиш глянул вверх. Демоны сидели спиной к ним и что-то разглядывали. Очень хорошо.

По знаку Сиша десяток устремился вверх. Бежали молча. Экономили дыхание, да и врага лучше застать врасплох. С последним не вышло. Они не преодолели и четверти расстояния, как кто-то из демонов крикнул. Враги повернулись и, встав на колени, вскинули к плечам жезлы. Наверху будто в барабаны застучали. На кончиках жезлов затрепетали огоньки.

Краем глаз Сиш видел, как падают братья. Магия демонов оказалась сильной. Но это заставило его только ускорить шаг. Успеть! Подобраться к демонам на десяток шагов! Дрох сказал, что убить зельем можно только с близкого расстояния. Сиш сжал тлеющий кончик шнура в кулаке. Он не чувствовал, как огонь жжет кожу. Быстрее!..

Сиш был уже близок, как в левую руку ударило. Меч отлетел в сторону, а сама рука повисла, как сломанная ветвь. Это не остановило Сиша. Он пробежал еще несколько шагов, как что-то сильно ударило его в ногу. Сиш упал лицом вниз. Сгоряча он попытался встать, но нога подломилась, и он рухнул на спину. Боль затопила тело. Сиш сжал зубы и глянул вперед. Демоны, скаля зубы, стояли на вершине холма. На миг Сишем овладело отчаяние. Он не успел! Хамму не пустит его в Эрий!

Но тут демон с черным лицом что-то сказал, и демоны двинулись к нему. Сиш не верил своему счастью. Хамму услышал его молитвы! Осторожно, не выпуская конец шнура из ладони, он поднес кулак к сумке. Пальцы нашли завязку и распустили ее. Рука скользнула под клапан. Теперь только разжать кулак...

Стреляли десантники метко — сказались тренировки. Да и расстояние

всего в сто ярдов... Спустя несколько секунд враги кончились. Остался один главарь, который, упрямо пыхтя, бежал вверх по склону.

— Вот так, парни! — сказал Хигс, встав. Все последовали его примеру. — Слушайте своего саржа, и все будет о' кей.

— А что делать с этим? — спросил Джим, указывая стволом на бегущего главаря. — Может пристрелить? У него меч.

— Сам! — обрезаю его Хигс и ловко вытащил из кобуры «кольт». — Давно хотел испытать малыша в деле. Меч, говоришь?

Негр прицелился и нажал на курок. В левую руку дикаря будто палкой ударили. Меч отлетел в сторону, а саму руку неестественно вывернуло под углом.

— Хороша машинка! — довольно улынулся Хигс. — Не зря столько денег отдал. Старый, добрый «кольт»!

Он прицелился и выстрелил еще раз. Дикарь упал, но попытался встать. Однако перебитая пулей нога подвела. Дикарь рухнул на спину.

— Вот и все! — сказал Хигс. — Сейчас посмотрим, что у него в сумке. Я специально стрелял по конечностям. Будет обидно, если пуля раскрошит камни. Ведь так?

Десантники заулыбались. Хигс устремился вниз, подчиненные, держа винтовки наизготовку, устремились следом. Любопытство заставило их догнать негра и идти с ним плечо к плечу. Спустя несколько секунд они подошли к лежащему дикарю и окружили его.

— Гляди! — сказал Джим. — Он сунул руку в сумку! Вдруг у него там оружие?

— Еще ножик? — хмыкнул Хигс. — Нет, парни? В атаке не держат оружие в сумках. Там у него золото, которое он не хочется отдавать. Но мы, ведь, все равно отберем?

Десантники заржали. К удивлению Хигса дикарь вдруг тоже ощерился. И этот оскал был торжествующим. Чувство опасности в голове негра взвыло сиреной. «Назад!» — хотел приказать он, но не успел...

Глава 11

Грохнуло на подлете к боту. Сначала до нас донесся звук взрыва, затем над зарослями слева вспух гриб дыма. Нэси недовольно рыкнула.

— Что это, мэтр? — повернулась ко мне Ноэль.

— Огненное зелье. Правь туда!

Ноэль кивнула и отвернулась. Дига заложила вираж и свернула к зарослям. Спустя несколько минут я увидел небольшой холм среди зелени и застывший на его вершине... Бот?! Мы приблизились, и я узнал угловатые очертания «Челленджера». Американцы? Чего они здесь делают? Я задрал голову и различил в голубом небе нарезающий круги тонкий крестик. Беспилотник. Значит, точно американцы. По их уставу при посадке на планету первым делом запускают беспилотник, который постоянно контролирует окрестности. Наши тоже так делают, но беспилотник, сбросив картинку, уходит дальше, чтобы осмотреть как можно большую территорию. Амеры перекладывают эту обязанность на орбитальную группировку, а беспилотник висит в воздухе над местом посадки, чтобы вовремя предупредить о возможном нападении противника и тем самым сохранить драгоценные задницы десанта.

Под крылом диги промелькнули кроны деревьев, мы выскочили над большой поляной, в центре которой и стоял холм с ботом на вершине. Пороховой дым уже рассеялся, и я разглядел на траве тела. Их изломанные позы не оставляли сомнений о наличии жизни у их владельцев. Внизу отшумел бой. Дига описала круг. Я заметил небольшое шевеление у вершины, где тела легли кучно. Тронул Ноэль за плечо.

— Сядь там! — я указал рукой.

Она кивнула. Я вытащил из кобуры игольник и заменил обойму. На поле сражения парализующие патроны лишние. Нужны боевые.

Дига приземлилась на краю поляны. Я отстегнул ремни, спрыгнул на траву и повернулся к Ноэль.

— Жди меня здесь!

— Почему? — удивилась она.

— Там опасно.

Она недовольно сморщилась, но кивнула. Я опустил визор и двинулся к месту схватки. Игольник встал на боевой взвод и подключился к процессору. Легкой вибрацией рукояти он даст понять, когда визор обнаружит цель. Пока игольник молчал. Я шел путем, которым атакующие

бежали к боту. Их там ждали, поэтому и перестреляли в один миг. Об этом говорило расположение тел. Нападавшие легли клином, острое которого было направлено к вершине. Первыми под огонь попали фланговые бойцы, затем американцы отстреляли центральных. Процессор, оценив данные визора о температуре тел, идентифицировал их как трупы. Об этом же свидетельствовали и выходные отверстия, величиной с ладонь, на спинах погибших. Амеры били экспансивными пулями большой мощности. Старое, но эффективное оружие которое используют на планетах с агрессивной фауной.

Один из убитых лежал навзничь. Поверх его шапки виднелась повязка со знакомыми кракозябрами. Шиды. Каким ветром их занесло в эти глухие места? Ответить шид мне не мог, и я зашагал вверх по склону.

Последний акт трагедии разыгрался у самой вершины. На залитой кровью траве валялись тела, правильнее сказать, их остатки. Дымный порошок не самое сильное по фугасности взрывчатое вещество, но все ж взрывчатка. Для того чтобы понять происшедшее, мне понадобилась пара минут. У одного из шидов на себе была бомба из пороха и камней. Несколько их, черных от дыма, валялось на залитой кровью траве — по всей видимости, отскочили от бронежилетов американцев. Но бронежилеты не спасли десант. Шид привел в действие бомбу лежа, когда американцы подошли к нему. То ли хотели расспросить, то ли поиздеваться над раненым — за амерами такое водится. Взрывом десантникам оторвало ноги, а камни ударили в незащищенные снизу животы. Десантники умерли мгновенно или же истекли кровью в считанные минуты. Про шиды и говорить нечего, его раскидало на части. Кишками и остатками внутренностей было заляпана вся трава вокруг. Хорошо, что я оставил Ноэль у леса!

Внезапно я заметил кровавый след, который тянулся вверх по склону по направлению к боту. Один из амеров уцелел? Я сунул игольник в кобуру и побежал вверх.

...Десантник лежал ничком на краю плоской вершины. Ему, как и другим, перебило ноги, но он успел привести в действие встроенные в штанины жгуты, которые пережали артерии и не дали ему истечь кровью. Он даже обрезал остатки штанин, державшие оторванные ноги — видимо мешали ползти. На остатки его конечностей я наткнулся на пути к вершине. Однако кровь из раны на животе продолжала течь, и на вершине он потерял сознание.

Я откинул визор, перевернул тяжелое тело, и быстро осмотрел раны. Бесплезно... Десантник простонал и открыл глаза. Мы встретились

взглядами. Негр. Правда, сейчас некогда черное лицо было серым. Потеря крови, боль... Черты лица раненого внезапно показались мне знакомыми. Из памяти всплыла картинка. Хигс? Что он тут делает?

— Русский, — слабым голосом сказал раненый. — Я знал, что ты придешь.

— Зачем вы на Зоэ? — спросил я.

— Хотели тебя убить. Десант не прощает обид... — он говорил тяжело, будто выталкивая из себя слова. — Но ты оказался хитрее. Прислал дикарей, которых снабдил бомбой.

— Я вижу их в первый раз.

— Не ври! Вы, святоши, лгуны.

Я не стал спорить. Хочется ему так думать, пусть.

— Ты можешь меня спасти? — спросил негр.

Я покачал головой.

— Не хочешь?

— Камень ударил тебе в живот, разворотив брюшину. Кишки вывалились наружу, ты полз, разматывая их за собой. Будь рядом госпиталь, все равно бы не помогли. Вколоть обезболивающее?

— Я колол, — сказал негр. — Но можно еще. Болит.

Я вытащил из кармана разгрузки шприц-тюбик, сорвал обертку и ввел ему лекарство прямо через ткань куртки.

— Подействовало, — сказал Хигс, спустя минуту. — Не болит. Я скоро умру?

— Да! — кивнул я. — Хочешь исповедаться?

— Тебя вроде разжаловали из попов.

Уголки его серых губ тронула улыбка.

— Я не смогу отпустить тебе грехи, — согласился я, — но принять твою исповедь вполне. Бог услышит, он милостив. Покайся! А я помолюсь за твою душу.

— Не хочу! — сказал он. — Там ничего нет. Вы, святоши, все врете...

Он не договорил. Взгляд его застыл, и нижняя челюсть поползла вниз. Я закрыл ему глаза и встал. Подумав, двинулся к боту. Тот услужливо открыл передо мной дверь. Американцы не ждали нападения и не включили защиту, чтобы не возиться блокировкой. Саперный дроид нашелся в углу. У амеров он входит в стандартное оснащение бота. Я коснулся ладонью сенсора, дроид моргнул светодиодами и загудел моторами. Сдвинулись шторы, закрывающие глазки камер и наружу выскочил экран оператора. Вот и славно. Американцы не ставят на вспомогательную технику защиту от несанкционированного использования

— считают, что это не нужно. Единственное условие: дроид понимает только английскую речь.

— Жду приказа! — прогудел механический голос.

— Следуй за мной! — сказал я и пошел к выходу. Дроид, похожий на огромного жука, катился следом. Широкие колеса низкого давления не производили шума. Только шелест мотора слышался за спиной.

— Выкопай могилу на четверых, — велел я снаружи. — Вон там.

— Слушаюсь, сэр! — отработовал дроид и покатил в указанном направлении. Над его спиной поднялась и откинулась на рычагах круглая фреза. «Диаметр четыре фута, ширина два, — вспомнил я ТТХ техники. В академии нас заставляли учить. — Достаточно, чтобы выкопать траншею на оборонительной линии. Выброшенная земля образует бруствер высотой в два-два с половиной фута, чего хватает, чтобы защитить солдата практически любого роста от воздействия легкого оружия».

Пока дроид рыл, я освободил трупы американцев от снаряжения, свалив все это в кучу у аппарели. Тем временем дроид закончил с могилой.

— Собери и уложи в яму останки американских солдат, — велел я. — Другие тела не трогай.

Дроид мигнул и занялся выполнением задачи. Не желая смотреть, как он собирает манипуляторами куски человеческих тел, а затем тащит их к яме, я забежал в бот и сел на место пилота. На то, чтобы привязать комп к новому оператору, понадобилось менее минуты. Тот запросил, обладаю ли я соответствующим правом, я подтвердил. На этом проверка кончилась. Американцы, порою, как дети; жаль, что эти детки бывают злыми. Покончив с привязкой, я открыл папку с записями наружных камер. К моему удивлению они велись. Это говорило, что погибшие прибыли не собственной инициативе — операция санкционирована сверху. Плохо. Проматывая куски, я быстро просмотрел последнюю запись. Она была четкой, со звуком. Происшедшее на холме стало ясно. Амеры в очередной раз наступили на любимые грабли. Они так долго и старательно культивировали миф о непобедимости своей армии, что сами в нее поверили. Презрение к противнику их подводило не раз. Их били в Корее, Вьетнаме, Ираке, Афганистане... Третьеразрядные, слабые страны выходили победителями в войне с могущественной державой мира. Но это не добавляло извилин в американские мозги. Да и шиды хороши. Кто, интересно, подсказал им мысль о живых бомбах? Надо иметь в виду...

Выбравшись наружу, я обнаружил у аппарели Ноэль. Косясь на застывшего дроида, она копалась в куче оружия. Вот ведь, любопытная! Велел же ждать...

— Оставь! — сказал я.

Она выпрямилась и сердито глянула на меня, не выпуская при этом из рук винтовку.

— Почему?

— Ты не сможешь ей воспользоваться, — объяснил я. — Оружие привязано к владельцу.

Я не врал. Очередная американская заморочка. Из винтовки может стрелять лишь тот, кого она опознает. Привязка осуществляется в стационарных условиях, как и перепрошивка в случае нужды. Очередной прихотливый изгиб американских мозгов. По их доктрине оружие солдата может попасть в руки врагу, поэтому нельзя позволить тому им воспользоваться. Зато, если в бою повредили твое оружие, заимствовать винтовку погибшего товарища не сможешь. Так что сдавайся в плен. А вот боевая техника у них защиты не имеет. Даже танк заводится простой кнопкой, после чего служит новому хозяину. И ведь служили! Танки, БМП и даже вертолеты...

— Шидов убили издалека, — сказала Ноэль. — Я хочу, чтоб у меня было такое оружие.

Шустрая! Разглядела, оценила... Мгновение я колебался. Ренийка хмурила брови. Не отстанет. Я глянул на кучу у аппарели. Среди стандартного, камуфлированного окраса, ярким пятном выделялась рыжая кожаная кобура. Ее вместе с ремнем я снял с тела негра. Та-ак...

— Подожди меня здесь!

Дроид убрал трупы десантников, не тронув останки смертника, поэтому пистолет я нашел легко. Он лежал в стороне, видимо, отброшенный взрывом. Я поднял оружие. «Кольт М1911», реплика, конечно. Титановое покрытие, деревянные щечки. Дорогое, коллекционное оружие и не табельное. Значит, привязки быть не должно. Я вытянул руку с «кольтом» к небу и нажал курок. Грохнул выстрел, пистолет ощутимо толкнул в ладонь. Исправен. Я вынул магазин, передернул затвор, втокнул выпавший патрон обратно в обойму и вставил магазин в рукоять. Поднял вверх флажок предохранителя.

Ноэль, получив «кольт», довольно заулыбалась.

— Научишь меня с ним обращаться?

— Обязательно! — сказал я, застегивая на ее талии пояс с кобурой. — Но ты дашь обещание не пользоваться им без разрешения.

— Хорошо! — согласилась она, но мне показалось, неискренне.

Я не стал заморачиваться по этому поводу — некогда. Подойдя к могиле, заглянул внутрь. Дроид сложил тела аккуратно, даже приставив к

ним ноги. Видимо, соответствующая программа у него имелась. Лица покойных были прикрыты беретами. Я прочитал заупокойную молитву и отдал приказ дроиду. Тот выпустил ковш и стал засыпать могилу.

— Это были твои друзья! — спросила подошедшая Ноэль.

Я покачал головой.

— А кто?

— Они хотели меня убить.

— И ты молился за них?!

— Господь велел молиться за своих врагов. Они христиане.

Ноэль фыркнула. В оазисе, маясь бездельем, я пересказал ей Евангелие и поведал основы христианства.

— Мне не нравится твой Бог! — сказала она. — Как можно прощать врагов? Вспомни шидов. Ты сам их убивал!

— Это разные вещи! — попытался объяснить я, но успеха не имел. Ноэль твердо держалась ветхозаветного правила: «Око за око, зуб за зуб». Он в полной мере соответствовал принципам местного язычества. Ветхий Завет является составной частью Библии, но христиане руководствуются Новым. В нем правила «око за око» нет. Как нам объясняли в академии, даже заповедь «не убий» не распространяется на врагов. Их убивать можно и нужно, но испытывая при этом ненависти. Как это можно сделать в войну, я так и не понял.

Отрешившись от этих мыслей, я подошел к дроиду.

— Похорони остальные тела! Вон там!

— Как врагов, сэр? — спросил дROID.

— Да, — подтвердил я.

— Слушаюсь! — отозвался робот и покатил вниз. Ко мне подошла Ноэль.

— С кем ты разговаривал?

— С ним, — я указал на дроида.

— Он живой?

— Не совсем. Оживает, когда нужно владельцу.

— Как шшух?

Я кивнул. Шшух что-то вроде голема в местных преданиях. Приходилось читать. В Блантоне я приобрел несколько рукописей об местных обычаях и основах веры. Стоили они прилично, но следовало знать общество, в котором живешь. Рукописи я прочел. Что еще делать лекарю долгими тоскливыми вечерами? Свитки я оставил в доме. Если шиды сумели в него проникнуть, то наверняка сожгли...

— Это что? — Ноэль указала на бот.

— Корабль.

— Он ходит по суше?

— Летает в небе.

— Значит, и ты?..

— Да! — кивнул я. — Прилетел. Мой корабль там, — я указал рукой.

— Ты здесь прячешься от врагов, — то ли спрашивая, то ли утверждая сказала Ноэль, — но они тебя нашли. Могли убить.

— Не получилось бы, — возразил я. — Мы заметили бы их сверху и улетели.

Я врал. Беспилотник обнаружил бы нас на подлете. Думаю, он успел это сделать. Не случись шидов, амеры подняли бы бот и нагнали нас в воздухе. Нам повезло, что им было не до нас.

— Значит, я спасла тебе жизнь! — заключила Ноэль. — Ведь ты хотел ехать на стикуле.

— Именно! — подтвердил я.

— Значит, ты мне должен, — сделала вывод Ноэль.

— Я подарил тебе пистолет.

— Этого мало, — сказала Ноэль.

— Чего ты хочешь?

— Ты расскажешь мне о своей стране, — стала перечислять Ноэль. — И о себе. Научишь пользоваться вашими вещами. Если какая-то из них мне понравится, подарю.

— А губа не треснет? — спросил я.

Она насупилась, затем опустила взгляд долу и стала ковырять землю носком сапога. Обиделась. Девочка она порывистая, сейчас кликнет дигу и улетит. Мне потом тащиться пешком? Можно, конечно, взять дроид. Но ехать на нем неудобно, и он вызовет нездоровое любопытство у аборигенов. К тому же аккумуляторы скоро сядут. Дроид не предназначен для долгой работы в автономном режиме, для него главное — мощь. Он привязан к боту, в котором есть реактор и возможность подзарядиться.

— Расскажу и покажу, — пообещал я. — После. Сейчас у меня дела.

Ноэль кивнула, и я вернулся в бот. Картинка, передаваемая с беспилотника, показывала, что других шидов в окрестностях нет. Там вообще никого не наблюдалось, даже зверья. Наверное, попряталось после взрыва. Я дал команду беспилотнику сесть, после чего вставил в приемник съемный кристалл памяти и включил копирование видеозаписей. Американские кристаллы памяти идентичны нашим, проблем не будет. Пока процесс шел, я поглядывал за тем, что происходит снаружи. Дроид вырыл могилу и теперь стаскивал в нее тела шидов. Делал он это без

всякого бережения. Хватал трупы манипуляторами за ноги, тащил к яме и швырял их туда. Амеры... Даже здесь особую программу написали. Нэси у опушки настороженно следила за дроидом, порывивая на него, когда тот приближался. Дроид не обращал на это внимания.

Внезапно снаружи бахнул выстрел, затем — второй. Выскочив из кресла, я полетел к выходу.

У аппарели на горе снаряжения сидела Ноэль. Вытянув руку с «кольтом», она палила в дрoида. К счастью, мазала. Она сильно дергала спусковой крючок, отдача высоко подбрасывала ее руку вверх — калибр у «кольта» солидный, к тому же он тяжеловат для женской руки. Пули летели куда угодно, только не в цель. Подскочив, я вырвал «кольт» из руки Ноэль.

— Мэтр! — обиделась она. — Твой шшух обижает Нэси.

— Если ей не нравится дроид, пусть отлетит, — сказал я, извлекая из пистолета магазин. В нем сиротливо желтел последний патрон. Я достал его и сунул в карман. Затем подобрал и добавил к нему другой, извлеченный из казенника. Вставив магазин на место, вернул пистолет Ноэль. Подумав, вытащил из кармашка кобуры запасной магазин. С этой станетсЯ перезарядиться.

— Я разобралась в вашей магии, — похвасталась Ноэль, словно подслушав мои мысли. — Стала нажимать, дергать, и артефакт щелкнул. А как ты стреляешь, я видела.

— Ты могла зацепить дигу, — сказал я.

— Не! — покачала головой Ноэль. — Целилась в шшуха.

Спорить с ней было бесполезно.

— Идем! — сказал я.

В боте я усадил ее в кресло и принес планшет, обнаруженный мной в одном из шкафчиков десантников. Память девайса была набита фильмами. Обычное дело для долгого полета, когда развлечений мало. Пробежав глазами по списку «мувиз», я выбрал подходящее название. «Я дождалась своего викинга». Историческая мелодрама в средневековом антураже — сойдет. Я сунул Ноэль в ухо беспроводной наушник. Английского она не знает, так хоть музыку послушает.

— Держи! — я сунул ей в руки планшет. — Сейчас будут живые картинки.

Ноэль довольно кивнула и схватила девайс. Кино она любит, я показывал ей в оазисе. Правда, потом меня доставали требованиями пояснить. Надеюсь, в этот раз обойдется. Американские мелодрамы примитивные...

Комп завершил копирование, я сунул накопитель в карман и вышел из

бота. Подобрал и занес внутрь приземлившийся беспилотник, затем перетаскал снаряжение. Выбрал из груды бронежилет, который меньше покарябало камнями. Подарю Ноэль, ей понравится. Девочка считает себя воительницей, пусть радуется. Поверх порванного верха можно нашить другой. Бархатный там, с кружавчиками... Второй жилет я взял в качестве мишени. Заодно девочка увидит, что это за вещь.

Подкатил закончивший работу дроид. Я загнал его на прежнее место и отключил. Затем сгрузил в армейскую сумку отобранное снаряжение. Туда полетели и пачки с патронами для «кольта». У Хигса их оказалось на небольшую войну. Все. Пора выдвигаться к своему боту. Я подошел к Ноэль. Она, не отрываясь, смотрела на экран планшета. Я глянул через ее плечо. На экране здоровенный викинг в рогатом шлем, приспустив портки, с энтузиазмом пилил разложенную на столе девицу. Ее юбки были задраны до шеи, ноги покоились на плечах викинга, а полные груди заманчиво прыгали в такт ритмичным толчкам. Звуковое сопровождение там, конечно, соответствующее. Идиот! Трудно было догадаться, какие фильмы в планшете солдата?

Я выхватил планшет из рук Ноэль.

— Отдай! — крикнула она.

— Тебе рано это смотреть.

— Я взрослая!

— Ты девушка. Вот выйдешь замуж, тогда и посмотришь.

— Можно подумать, я об этом не знаю! — насупилась Ноэль. — Мне бабушка рассказывала. И даже учила, как делать.

— Зачем?

— Чтобы понравиться мужу. Только я не хочу замуж. Выдадут за какого-нибудь козла, вроде маминого Амея, — она вздохнула. — Дай досмотреть!

— Невинным девушкам противопоказано, — непреклонно сказал я и выключил планшет. После чего извлек из уха Ноэль горошину наушника. — Зато я дам тебе пострелять вволю.

— Ха! — воскликнула Ноэль, вздернув к небу кулак. Удивительно, но и в этом мире есть такой жест.

Мы вышли из бота, и я нажал кнопку на пульте. Аппарель поползла вверх и закрыла вход. Через десять минут включится защита. Оружие бота я заблокировал, оставил лишь инфразвуковой излучатель. Человек или животное, подойдя к боту, испытают панический страх. На моем боте стоит похожий. Но он не включится, если подойду я. Сканер прочтет данные вживленного в мое тело чипа и не активирует защиту. Аналогично и с

американским ботом: теперь я для него свой. Остальные чужие, в том числе и Ноэль. Прописать ее, как свою, невозможно — в теле нет чипа.

К моему боту мы добрались в считанные минуты. Комп опознал меня и уже на подлете опустил аппарат. Мы сняли сумки со спины Нэси и отпустили ее охотиться. Заниматься ужином было долго, и я вынес из бота два саморазогревающихся армейских пайка. Ноэль глянула недоверчиво, но, распробовав гречневую кашу с мясом, стрескала ее в один миг. Газировка на мяте впечатлила ее еще более, а мороженое, найденное мной в морозилке, и вовсе привело в восторг. Она даже пальцы облизала.

— У тебя есть еще этот сладкий лед?

— Последний, — развел я руками. — Но его легко сделать самому. Нужны молоко, сливки, масло и мед. Ну, и ледник, конечно.

— Научишь меня? — загорелась Ноэль.

Я кивнул.

— Здесь мы молока не найдем, но когда вернемся... Этот лед можно продавать и хорошо заработать!

«Хозяйственная! — подумал я. — Впрочем... Почему бы и нет? Хоть какую-то память оставлю на Зоэ. „Лед мэтра Гро“. Неплохо...»

Меня ждала работа, и я быстро показал Ноэль, как обращаться с «кольтом». Заставил несколько раз повторить и научил, как использовать для прицеливания обе руки. Оставив ее расстреливать американский бронежилет, я зашел в бот, где под аккомпанемент пальбы, набил в компе сообщение на базу. Зашифровав, я приложил к нему позаимствованное у амеров видео, и отправил в космос. Через несколько дней сигнал достигнет буй, выброшенного в галактике, где земляне добывают руду. Со временем мимо пройдет корабль «укурков», буй свяжется с ним и сбросит сообщение. Его доставят на Реджин, где расшифруют. В штабе поймут, что у меня ЧП и примут меры. Если, конечно, вспомнят незадачливого капеллана. Сколько времени уйдет на доставку сообщения, организацию спасательной экспедиции и ее прибытие на орбиту Зоэ? Месяца два-три в лучшем случае. Американцы, потеряв связь с высланной группой, могут успеть быстрее. Что тогда? Найти меня на планете трудно, но возможно. После чего придется вступить в войну, в которой у меня нет никаких шансов...

Я отогнал эту мысль. Господь милостив. Он помог мне, выведя шидов на американцев, из-за чего те уничтожили друг друга. Поможет и впредь, если не буду сидеть, сложа руки. Первое, чем надо озаботиться, — разведка. Необходимо знать, что творится в Мерсии. А также найти место, где можно переждать. Одно, кажется, знаю.

Я вышел наружу. Ноэль, довольная, сидела на камне, положив на колени «кольт». Рядом блестящим ковриком усеивали траву гильзы. Надеюсь, она расстреляла все патроны.

— Я научилась попадать, мэтр! — похвасталась Ноэль, вставая с камня. — Идемте, покажу!

Мы подошли к исклеванному бронежилету. Тяжелые пули «кольта» оставили на пластинах вмятины, но не пробili металлопластовую броню.

— Видишь! — сказал я Ноэль. — Даже пули не взяли. Про копье, меч или арбалет и слов нет. Носи жилет в случае опасности!

— Спасибо, мэтр! — поклонилась она. — Мы собираемся на войну?

— Нет. Я отправляюсь в Крип.

— А я?

— Назад в Муг.

— Хочу с тобой! — насупилась она.

— Если мы прилетим в Крип на диге, нас примут за шпионов. Арестуют и казнят.

— Пусть попробуют! — Ноэль вытащила из кобуры «кольт». — А мало будет, так у меня еще есть. Вот! — она вытащила из сумки гранату. Американскую, в форме яйца.

— Дай! — я подскочил и вырвал гранату. — Ты хоть знаешь, что это такое?!

— Огненный камень, — ответила Ноэль. — Ты бросал их в шидов.

— Ими нужно уметь пользоваться, — сказал я, ощущая, как колотится сердце в груди. — Иначе можно взорвать себя. Видела, что стало с шидом?

— Ничего сложного, — пожала плечами Ноэль. — Нужно прижать эту полоску рукой, вырвать колечко и бросить во врагов.

— Откуда знаешь? — изумился я.

— Ты показывал мне живые картинки в оазисе. Там было.

Я впал в ступор. В планшете у меня есть фильмы про войну. Но я не помню, чтобы показывал их Ноэль. Сама нашла? Взяла планшет, когда я спал? Эта может.

— Есть еще гранаты?

— Да.

— Давай!

Ноэль сделала обиженный вид, но я не поддался. Она со вздохом вытащила из сумки два цилиндра. Одна из гранат оказалась фугасной, другая — с газом, судя по маркировке — со слезоточивым. Я рассовал их по карманам.

— Это не игрушки. Обращение с гранатами требует осторожности.

— Я не маленькая девочка, — буркнула Ноэль, — и не собиралась их бросать сама. Спросила бы, ты показал. Я только хотела сказать: кого бояться? В Муге ты прогнал пиратов, в Ремсе сжег шидов. Кто устоит против нас?

«Амеры тоже так считали, — подумал я. — В результате лежат в земле».

— Я лечу Крип на разведку, а не войну. Это портовый город, от него недалеко до Блантона. Новости из столицы попадают в Крип быстро. Я жил там некоторое время. Меня там помнят как мэтра Капа.

— Почему Капа? — заинтересовалась Ноэль.

— Сокращенное от Капитон. Это мое настоящее имя.

— Гро лучше, — подумав, заключила Ноэль.

— Поэтому я и сменил имя. В Крипе возьму старое.

«И пусть в Мерсии ищут Гро», — добавил я про себя.

— Я пригожусь вам, мэтр! — умоляюще сказала Ноэль. — Я умею лечить раны, знаю травы — бабушка учила. Вам ведь нужна помощница? Мы полетим ночью. Возле Крипа отпустим Нэси. Она будет неподалеку, и, если понадобится, я ее призову.

— Дига станет воровать овец из стад, пастухи пожалуются правителю. Тот заинтересуется.

— Я куплю ей отару и заплачу пастуху. Он будет молчать. Нэси послушная.

Насчет этого у меня были сомнения, но я оставил их при себе. Ноэль смотрела на меня как девочка, выпрашивающая конфету.

— Зачем тебе в Крип?

— В Муге скучно, — вздохнула Ноэль. — К тому же там муж матери, а я его не люблю.

— Ладно, — согласился я.

— Мэтр!

Ноэль бросилась мне на шею.

— Но-но! — сказал я. — Не забывай, что ты помощница лекаря, а не его возлюбленная. В Крипе я жил под личиной старика. Станешь виснуть на шее, люди подумают невеста что.

— Как скажете, мэтр!

— И скажу! — сварливо пробурчал я. — Для начала надо почистить пистолет...

Глава 12

Толстяк Пако рубил мясо. Огромный секач в его руке порхал бабочкой, то взмывая, то опускаясь на тушу стикуля, разложенную на огромной колоде. Глухие, чмокающие удары сыпались сплошной дробью, как будто Пако колотил палкой по набитому влажной землей мешку. Я поневоле залюбовался. Замершая рядом Ноэль тоже глядела во все глаза.

Пако завершил священнодействие, воткнул в колоду секач и стал разбрасывать нарубленные куски по выставленным у колоды медным тазам. Его толстые, перепачканные в крови руки так и мелькали. Куски сыпались в тазы будто с ленты конвейера.

— Нравится? — спросил я Ноэль.

Она кивнула.

— Это ты еще не пробовала его стряпню!

Заслышав голоса, Пако обернулся. Его маленькие, кабаньи глазки мгновение всматривались в непрощенных гостей, затем он всплеснул руками и рванулся к нам.

— Мэтр Кап!

Он раскинул руки для объятия.

— Но-но! — сказал я, делая шаг назад.

— Простите, мэтр! — смутился Пако и спрятал испачканные руки под заляпанный кровью фартук. — Не удержался. Дня не было, чтоб вас не вспоминал.

— Нога? — уточнил я.

— Опять язва вылезла, — вздохнул Пако.

— Худеть надо! Я же объяснял.

— Ну, вы и скажете, мэтр! — лицо Пако выражало искреннюю обиду. — Как можно?

Я вздохнул. В мире, где голод является постоянным спутником многих людей, объяснить человеку, что жрать вредно, практически невозможно. Пако в свое время наголодался и теперь восполнял упущенное. Для него много вкусной еды — счастье. Как можно от такого отказаться?

— Хорошо! — кивнул я. — Разберемся.

Пако просиял. Его взгляд пал на сумки у наших ног.

— Вы надолго к нам, мэтр?

— По обстоятельствам, — туманно сказал я. — Но несколько дней пробуду. Мои комнаты свободны?

— Как раз вчера купец Скрир съехал, — улыбнулся Пако. — А новые постояльцы не объявились. Не каждый может платить золотой в день. Королевские покои! Но для вас, мэтр, конечно, бесплатно, — торопливо добавил он. — Как и все остальное. Девушке — тоже! Это ваша жена, мэтр?

— Помощница, — возразил я. — Стар я в мужья этой красавице. Ее зовут Ноэль. Хорошо разбирается в травах. Она будет спать в отдельной комнате.

— Как скажете, мэтр! — кивнул Пако, но по его глазам я понял, что насчет отдельной комнаты он не поверил. Ну, и бог с ним!

— Эй, бездельники! — повернулся Пако к столпившейся на крыльце прислуге. — Вы, что, не видите, кто к нам приехал? Живо устроить мэтра и его помощницу!

Подбежавшие мальчишки-слуги схватили наши сумки и, пыхтя, потащили их в таверну. Мы двинулись следом. Пако топал рядом.

— Обед через час, — сказал Пако, когда мы зашли внутрь. — Я приготовлю ваши любимые ребрышки в подливке. Есть рыба утреннего вылова. Сварить уху?

Последнее слово он произнес с запинкой. Подзабыл. Уху в его трактире ел только я. Остальные гости предпочитали рыбу жареной.

— Вари! — сказал я. — И вообще тащи все, что пригото́вишь. Мы дико проголодались.

— Будет! — счастливо улыбнулся Пако. Трактирщик любил не только поесть сам, но кормить гостей. Причем, делал это с искренним удовольствием. Ему нравилось смотреть, как гости едят. — Отдыхайте, мэтр! Я распоряжусь насчет ванной!

Следуя за носильщиками, мы поднялись по лестнице, прошли коридором и, ведомые слугами, шагнули в открытую дверь. «Королевские» покои представляли собой номер из трех комнат: большой «залы» и двух маленьких. Последние предназначались для прислуги. В центре «залы» стояла большая кровать под балдахин. Еще здесь имелся стол и стулья. В остальных комнатах, как и в обеденном зале, стоят лавки. Стулья дороги, да и сам номер из трех комнат — роскошь по местным понятиям. За серебряк можно снять отдельную комнату, а это в разы дешевле.

Мальчишки сгрузили наши сумки и убежали. Мы не успели присесть, как дюжий слуга вволок в «залу» широкую низкую бочку с приделанной к ее краю полочкой. Явившаяся следом молоденькая служанка поставила у бочки скамеечку и застелила внутри простыней. Сняв с плеча полотенца, она развесила их на спинках стульев. После чего поклонилась нам.

— Все хорошеешь, Фрида! — подмигнул я. — Нашла мужа?
— Никто не берет бедную девушку, — жеманно вздохнула Фрида. —
Коплю на приданное. Хорошо, добрые люди помогают.

Она стрельнула в меня глазами.

— Иди! — рывкнула на нее Ноэль. — Нечего тут торчать!

Фрида фыркнула и, виляя задом, пошла к двери.

— Шлюха! — плюнула Ноэль, когда дверь закрылась.

— Не все богаты с рождения, — примирительно сказал я. — Она не
единственная, кто так зарабатывает.

— Вижу, что ты здесь не скучал, — съязвила Ноэль.

— Будь щедрым, и люди к тебе потянутся, — наставительно сказал я.

Ноэль вспыхнула, но сказать не успела. Открылась дверь, и знакомый
дюжий слуга внес в комнату два огромных деревянных ведра с горячей
водой. Следом мальчишки тащили еще два с холодной. Поставив ведра на
пол, они уставились на Ноэль. Слуга вылил воду в бочку и, попробовав ее
пальцем, поклонился.

— Мойтесь, мэтр! Вода — как парное молоко.

— Спасибо, Гуг! — я протянул ему серебряную монету.

— Только не говорите хозяину! — попросил слуга, пряча монету за
щекой. — Рассердится.

— Заметано! — кивнул я.

Гуг ощерился и, толкая мальчишек в спины, вышел. Ноэль закрыла за
ними дверь, заперев ее на засов, и стала сбрасывать с себя одежду. Спустя
минуту она вошла в бочку и требовательно уставилась на меня.

— Подай мыло!

Я достал из сумки флакончик с жидким мылом и поставил на полочку.
После чего подхватил сумки и потащил их в маленькую спальню. Груз
оттягивал руки. Хорошо, что в деревне, у которой мы высадились, нашлась
повозка, чтобы отвезти нас в Крип. А то я уже пал духом и собирался часть
груза зарыть. Боеприпасами я затарился от души: происшедшие события
показали, что они имеют свойство быстро заканчиваться. Хотел жить тихо,
да война находит меня.

В спальне я сунул сумку с оружием под кровать, из другой извлек и
разложил на лавке белье и одежду. С прошлого посещения Крипа у меня
остался балахон лекаря, в нем и буду ходить. И на род занятий указывает, и
не так жарко. Прихватив чистые трусы, я вышел в «залу».

Ноэль уже выбралась из бочки. Она бродила по комнате, в чем мать
родила, напевая что-то веселое, и мотая головой. Длинные, мокрые волосы
звучно шлепали ее по спине.

— Оденься! — покачал головой я.

— Вот еще! — фыркнула она. — Как хочу, так и хожу. Фриде, наверное, так не говорил?

— Она служанка, а ты дочь короля.

— Подумаешь! — Ноэль с вызовом уперла руки в бока.

Я решил не связываться. Повесил чистые трусы на спинку стула и стал стаскивать с себя одежду. Ноэль наблюдала за мной с интересом.

— Отвернись!

Она показала язык.

— Бесстыжая! Вот расскажу матери!

— И что? — заинтересовалась Ноэль.

— Она тебя отшлепает.

— Меня?!

Ноэль засмеялась. Я вздохнул, стащил с себя трусы и полез в бочку. Вода слегка остыла, но мыться можно. Я окунулся с головой, и поискал глазами флакон с мылом. Его не было.

— Сиди тихо!

Возникшая сбоку красивая ручка плеснула себе в ладонь мыла из флакона и стала растирать его на моих волосах. Ловкие пальчики массировали мне кожу голову. Мне стало приятно, и я закрыл глаза. Покончив с намыливанием, Ноэль ополоснула мне голову, после чего потребовала встать и занялась телом. Я не возражал, послушно подчиняясь ее командам. Только когда она полезла в промежность, шлепнул по шаловливой ручке.

— Гро! — обиделась она.

— Девственницам воспрещается! — наставительно сказал я и ухнул в воду.

Выбравшись из бочки, я растерся полотенцем и натянул трусы. Ноэль продолжала пялиться, и я повернулся к ней спиной.

— Сядь! — теплая ладошка легла мне на плечо. — Я расчешу тебе волосы. Сними личину!

Я подчинился. Несколько минут Ноэль сосредоточенно орудовала гребешком. После чего отошла на пару шагов и оценивающе посмотрела на меня.

— Красиво! — заключила она и хихикнула. — Кудряшки, как у овцы.

Я немедленно вернул себе облик старца.

— Гро! — обиделась она. — Я не досмотрела.

— В другой раз, — сказал я.

— От Фриды, наверное, не прятался!

— Она не знает, что я молод, как и все люди в этом городе. Я никому не позволял прикасаться к себе. Облик можно скрыть под личиной, но тело останется. Ощупью сразу поймешь, что человек молодой.

— Хочешь сказать, что с Фридой у тебя ничего не было?

Я кивнул. Ноэль заулыбалась.

— Расчеши меня!

Мы поменялись местами. Костяной гребешок легко скользил по ее влажным, прямым волосам. От них пахло травами и чем-то одурманиюще сладким. Странно, не похоже на запах мыла. Расчесав Ноэль, я мгновение думал, что делать дальше. Косы плести я не умею, делать прически — тоже. Подумав, я принес из комнаты узкую, разноцветную ленточку, сохранившуюся в кармане военной куртки после какого-то праздника еще на Реджине. Ленточкой была перевязана коробка конфет. На Зоэ я обнаружил ее в кармане и хотел выбросить, но потом оставил — на память.

— Вот! — я собрал волосы Ноэль в конский хвост и завязал его бантиком. Он вскочила и побежала к зеркалу. В номере оно имелось. Дорогая вещь...

Пока Ноэль крутилась перед зеркалом, я оделся и требовательно посмотрел на спутницу.

— Сейчас, мэтр! — кивнула она и потащила свою сумку в другую спальню. Явилась она, действительно, скоро. На ней было простое, длинное платье красного шелка. Надо же!

— Ты носишь платья?

— Оно подходит к твоей ленточке, — объяснила Ноэль.

Мы спустились в обеденный зал. Несмотря на неурочное время, он был полон. Завидев нас, гости встали и загомонили:

— Доброго здоровья, мэтр!

— Кто это? — удивилась Ноэль.

— Пациенты, — сказал я и пояснил в ответ на недоуменный взгляд. — Больные.

К нам подскочил Пако.

— Прошу вас, мэтр!

Трактирщик отвел нас в уголок за перегородкой, где обедала чистая публика, и убежал. Мы сели.

— Как эти люди узнали, что ты в городе? — спросила Ноэль.

— Пако оповестил. Ты задумалась, почему он не берет с нас платы? Пока я здесь, больные будут сидеть в трактире, заказывать еду, питье, к тому же Пако поднимет цены. Он заработает вдвое, если не втрое больше, чем получил бы за покои.

— Жулик! — сказала Ноэль.

Я пожал плечами. Бизнес. Ничего предосудительного в поведении Пако нет. Мне это тоже выгодно. Пациенты любят болтать, и я узнаю все, что планировал. Дальше — по обстоятельствам.

Подбежавшие служанки накрыли стол, и мы набросились на еду. Пако не подвел. Нежнейшая уха, щедро сдобренная зеленью, томленные ребрышки, сочащийся слезой сыр, свежее испеченный, ноздреватый хлеб... Я уписывал угощение за обе щеки, Ноэль не отставала. Пако, хоть и жулик, но готовит, как бог. На Земле он был бы миллионером. Такая кухня сделала бы честь лучшему ресторану.

Пако возник, едва мы отвалились от стола. Выглядел он смущенно.

— Мэтр?..

— Тебя приму первым, — успокоил я.

— Я не о том... — он теребил фартук. — Я послал Куку и Дая оповестить больных, но не думал, что они станут болтать направо и налево. Мальчишки клянутся, что само так вышло...

— Короче! — перебил я.

— Во дворе...

Я встал и вышел на крыльцо. На мгновение мне стало плохо. Во дворе волновалась толпа — человек сто, не меньше. Люди стояли плечом к плечу. Завидев меня, они загомонили:

— Мэтр! Мэтр!..

Я поднял руку, толпа утихла.

— Есть с больными детьми?

Вперед протолкались четыре женщины с орущими младенцами на руках. Еще двое вели малышей за ручки.

— Теперь те, кому совсем плохо!

Из расступившейся толпы вынесли троих. Еще одного тащили под руки. Ноги у него заплетались.

— Остальных приму завтра — в порядке очереди. Вот она, — я ткнул пальцем в Ноэль, — сейчас составит список и распределит по дням. И не волнуйтесь! Вылечу всех!

Толпа радостно загомонила. Ноэль убежала, но вскоре вернулась с дощечкой и угольком в руках. Судя по виду, дощечка служила Пако в качестве разделочной. Сам трактирщик явился следом.

— Вынеси во двор стол и лавки! — велел я. — Буду лечить здесь.

— Но... — было начал он.

— Тех, кто в зале, потом! Они не настолько больны, чтобы не подождать. Пусть выпьют, поедят, — я подмигнул Пако.

— Понял, мэтр! — осклабился он и убежал. Спустя минуту слуги вытащили наружу стол и две лавки и поставили их под навесом. Правильно. Скоро полдень, на улице жарко. Я сбежал с крыльца и сделал знак ближней женщине с младенцем.

— Идем!

* * *

Вино было скверным: кислило и горчило одновременно. Мерд мгновение колебался: выплюнуть или нет? В итоге проглотил. Пока слуга сбегает за другой бутылкой, пока принесет... К тому же новое может оказаться не лучше прежнего.

«В портовом городе нет хорошего вина! — сердито думал Мерд. — Как такое может быть? Бездельники! Потроха стикуля! Надо приказать, чтоб поискали!»

Подумав, Мерд решил, что не стоит. Вино-то найдут, но по какой цене? А он поистратился. В этом проклятом Крипе все так дорого! Уезжая из Блантона, Мерд не брал с собой много золота: зачем? Маг прокормится и так. В Крипе нет своего лекаря — захолустье. Хотя и порт, но городишко маленький. Это не столица где золотом выложены мостовые — не буквально, конечно. Но богатые люди в Крипе были, и они, естественно, нуждались в лечении. Мерд собирался неплохо заработать. Исполнит он поручение дядюшки Дуна или нет — не так важно. Этот таинственный Гро в Крипе может и не появиться. Зачем терять время зря? Он снимет сливки и уедет. Дун разослал магов по всем городам, кому-нибудь Гро попадется. Мерд очень надеялся, что не ему.

Поначалу все шло, как Мерд планировал. Он остановился в лучшей гостинице, снял просторный номер и велел хозяину оповестить в городе, что прибыл маг. В первый же день к его покоям выстроилась очередь. Мерд уже потирал руки, прикидывая выручку, как вдруг все сломалось. Больные в Крипе оказались неправильные, они требовали немедленного излечения! Или, на крайний случай, видимого результат. Мерд был в шоке. Как такое возможно? Ни одна болезнь не лечится быстро. Больной должен посещать мага долго и исправно. И платить за каждое посещение, естественно. А там как боги решат. Смилоствивятся — получишь исцеление, не захотят — что сделаешь? К магу претензий быть не должно: он старался.

Однако больные в Крипе оказались непонятливыми. Мерд пытался им объяснить, но получил в ответ: «Мэтр Кап исцелял сразу!». Какой Кап?

Мерд точно знал, что мага с таким именем в Корпорации не имеется. Откуда он взялся? И как сумел приобрести славу?

Ответов Мерд не получил, как планируемой выручки. Больные перестали к нему ходить. Платить за комнаты в лучшей гостинице стало не по карману, и Мерд съехал в бедную. Жить в ней было позором для мага, но что сделаешь, если денег нет? Из Блантона не пришлют. Перед отъездом Мерд выгодно приобрел конфискованное у заговорщика имение. Благородного казнили, имущество передали в казну. Мерд подсуетился и скоренько выкупил. Пришлось, конечно, отсыпать дворцовым, но поместье того стоило. Пять тысяч хорхов земли, роскошный замок, лес, озеро, река. Родовое имущество, передаваемое из рук в руки — такое не продают. А тут случай! Упустить было нельзя, Мерд и не упустил. На покупку ушли все сбережения, пришлось даже влезть в долги, но Мерд не жалел. Пусть он даже не успел побывать имении — Дун приказал выехать немедленно — это не важно. В Крипе Мерд надеялся поправить дела и вернуться в столицу с кошельком, полным золота. А вышло...

В дверь постучали, и в комнату скользнул трактирный слуга.

— Господин? — слуга поклонился. — Вы велели сообщать, если в Крипе появится маг

— Говори! — оживился Мерд.

Слуга выразительно посмотрел на кошелек мага. Мерд вздохнул и вытащил серебряную монету. Слуга ловко поймал ее и сунул за щеку.

— Он в трактире толстяка Пако. Прибыл вчера. С ним женщина, как вы и говорили. Ренийка. Молодая, красивая.

— Зовут как? — спросил Мерд.

— Женщину? Ноэль.

— Мага, дубина!

— Мэтр Кап.

— Отдавай деньги! Я ищу мага по имени Гро.

Мерд шагнул к слуге. Тот отступил к дверям.

— Погодите, мэтр! Я покрутился среди больных — их там много. Кап лечит их прямо во дворе. Так вот. Однажды ренийка назвала его «Гро». Маг шикнул на нее, и она поправилась, но я запомнил. Кап именно тот, кого вы ищете, — слуга сложил руки на груди и задрал подбородок. — Не мешало бы прибавить, мэтр! За сообразительность.

— И без того много, — буркнул Мерд.

Слуга хмыкнул и повернулся к двери.

— Погоди! — остановил его Мерд. — Этот Кап или Гро... Он сильный маг?

— Да уж! Не то, что некоторые! — Кого слуга имел в виду под «некоторыми», красноречиво говорил его взгляд. — По два десятка больных за раз излечивает. Людей несут к нему на носилках, а обратно они идут сами.

— Пошел вон, бездельник! — рявкнул Мерд.

Слуга вышмыгнул за дверь. Оставшись в одиночестве, Мерд грязно выругался, но затем, успокоившись, полез в сумку. Серебряная флага с вином нашлась под одеждой. Мерд взболтнул ее, затем вытащил пробку и понюхал. Запах был прежним — сладким и пряным. Грап — лучшее вино Мерсии, настоящее на фрукте менгу. Он придает вину густой аромат, заодно маскируя вкус яда. Мерд усмехнулся, закрыл флягу и прицепил ее к поясу. Достал из сумки прозрачный пузырек с противоядием и сунул его кошелек. Так будет надежнее. Пузырек крохотный, можно потерять, а в нем — его жизнь.

Собравшись, Мерд вспомнил, что не спросил у слуги, где искать трактир Пако. Печалиться он не стал: Крип — город маленький, покажут. Так и вышло. До нужного трактира оказалось недалеко. Мерд вышагивал по извилистой улице, важно неся перед собой огромный живот. Пусть чернь видит достойного человека. У него есть возможность вволю пить и есть. Не чета тощим беднякам.

В трактире Пако было многолюдно. Все столики обеденного зала были заняты, посетители ели и гомонили. На гостя не обратили внимания. Окинув зал взглядом и не обнаружив мага, Мерд поймал за плечо пробежавшего мимо мальчишку-слугу.

— Где Кап?

— Мэтр закончил прием, — недовольно сказал служка. — Приходите завтра.

— Я не лечиться, — прорычал Мерд. — Не видишь, кто перед тобой? Веди к Капу.

— Он ужинает в своих покоях и велел не беспокоить, — попробовал возразить мальчишка, но Мерд сжал его плечо. Мальчишка пискнул и послушно зашагал перед магом. Они поднялись на второй этаж и встали перед резной дверью.

— Здесь! — шмыгнул носом мальчишка. — С вас медяк, господин!

— Обойдешься!

Мерд отшвырнул служку в сторону и толкнул дверь. Мальчишка не соврал. За столом в просторной комнате сидели старик в балахоне и красивая, смуглая женщина в красном платье. «Ренийка, — машинально отметил Мерд. — Слуга не соврал».

Стол перед парочкой был уставлен блюдами и кувшинами. Увидев Мерда, лекарь с помощницей перестали есть и уставились на непрошенного гостя. Дружелюбия в их глазах не было.

— Прошу простить, что помешал, — поклонился маг. — Меня зовут мэтр Мерд. Прослышал, что в Крипе появился знаменитый Кап и пришел познакомиться.

— Садись, раз пришел, — хмыкнул лекарь.

Не дожидаясь повторного приглашения, Мерд отодвинул стул и присел к столу.

— Угощайся!

— Я сыт, — покачал головой Мерд. — А вот вина выпью.

Он цапнул кувшин и набулькал себе полный кубок. Поднес ко рту. Вино оказалось выдержанным, чуть терпким, с легкой кислинкой и ароматом фруктов. «Дорогое! — оценил Мерд. — Этот лекаришка себе ни в чем не отказывает». Он окинул взором блюда на столе. Их было много, и пахла снесь одуряюще. Мерд сглотнул слюну, но решил придерживаться рекомендованного дядюшкой поведения. Дун говорил, что противоядие вызывает тошноту и расстройство желудка. Лучше, если брюхо окажется пустым.

Пока Мерд смаковал вино, хозяева отдавали дань ужину. Маг терпеливо ждал. Наконец, Кап отодвинул блюдо и взял кубок. Ренийка немедленно наполнила его из кувшина. Лекарь выпил.

— Как вам местное вино? — спросил Мерд.

— Неплохое, — кивнул лекарь.

— Грап лучше, — сказал Мерд. — Приходилось пробовать?

Лекарь покачал головой.

— В захолустье его не найдешь, — презрительно хмыкнул Мерд. — Слишком дорогое для местных. Но у меня есть, — он снял с пояса фляжку и вытащил пробку. — Попробуйте, мэтр!

Мерд наполнил кубок лекаря, затем плеснул себе. Положив фляжку на стол, он поднес кубок ко рту. Лекарь следил за ним, прищурив глаза. К своему кубку он даже не прикоснулся. «Осторожный! — понял Мерд. — Надо убедить».

Он выпил грап, не чувствуя вкуса, и поставил пустой кубок на стол.

— Замечательное вино, мэтр!

Кап взял кубок и отпил. «Вот и все! — возликовал Мерд. — Теперь ты покойник!»

— Слишком пряное, — сказал лекарь, ставя кубок на стол. — И зачем так настаивать?

— Можно мне? — ренийка взяла его кубок.

— Поставь! — прикрикнул на нее Кап. — В вине яд.

Ренийка уставилась на него.

— Мэтр пришел нас убить, — подтвердил лекарь.

Девку словно вихрем вынесло из-за стола. Мерд не заметил, как в ее руке оказался кинжал, и в следующий миг ощутил острую сталь у своего горла.

— Мэтр Кап! — испуганно завопил он. — Вы ошибаетесь! Я же пил вместе с вами!

— Значит, есть противоядие, — сказал лекарь. — Ноэль, поищи!

Мерзкая девка убрала кинжал, но из руки его не выпустила. Споро охлопав вспотевшее тело гостя, она добралась до кошелька. Срезав его с пояса, она вытряхнула содержимое на стол. Поверх жалкой кучки серебра лег крошечный пузырек.

— Брось его мне! — попросил лекарь.

Девка немедленно исполнила просимое. Кап ловко поймал пузырек. Мерд с ужасом увидел свое спасение в чужих руках. Лекарь вытащил пробку, понюхал содержимое пузырька и сморщился.

— Ну, и запах! Хотя, если захочешь жить...

— Это не то, о чем вы думаете! — заторопился Мерд. — Желудочные капли от газов. Ношу, чтобы не случилось конфуза. А то, знаете ли, бывает...

— Дорогие капли? — сощурился лекарь.

— Нет! — торопливо ответил Мерд. — Любая травница за серебряк сделает.

— Тогда и жалеть нечего, — заключил Кап и выплеснул содержимое пузырька на пол.

Мерд дернулся, чтобы вскочить. Его оставили все устремления, кроме одного. Жить! Он слижет противоядие, пока лекарство не впиталось в доски... Не вышло. Кинжал вновь оказался у его горла, и Мерд стек обратно на стул. А Кап, усмехнувшись, накрыл темное пятно на полу подошвой сапога.

— Убери кинжал, Ноэль. Мы с тобой были не правы в отношении гостя. Мэтр просто хотел нас угостить.

Девка, ворча, спрятала кинжал и вернулась на свой стул.

— Так что вы говорили о вкусе грапа, мэтр?

Мерд не ответил. Он сидел, уставившись на сапог лекаря, под которым скрылась его будущее, и молчал. Все рухнуло. Он никогда не увидит выкупленное с такими хлопотами имение. Не войдет в свой дом, не отдаст

распоряжение слугам... Жизнь кончилась — быстро и обидно. Мерд поднял взгляд. Лекарь смотрел на него насмешливо. «Он не боится, хотя пил грап, — внезапно сообразил Мерд. — У него есть противоядие». Надежда, было оставившая мага, ярким пламенем вспыхнула в его сердце.

— В вине был яд, — хрипло выдавил он.

Девка зашипела и выхватила кинжал. Кап успокоил ее жестом.

— Продолжайте, мэтр!

— Если я все расскажу, вы дадите мне противоядие?

— Пожалуй, — кивнул лекарь. — Но если, действительно, все.

Мерда прорвало. Пожалуй, никогда в своей жизни, он не говорил так искренне и честно. Внимательный взгляд синих глаз Капа словно поощрял его, и Мерд не останавливался. Он рассказал о поручении Дуна, о том, что тот выполнял приказ главы Корпорации, поведал, почему его отдали. Упомянул о выкупленном имении, пожаловался на непонятливых жителей Крипа. Мерд вспомнил бы и детство, но лекарь жестом не прервал его излияния.

— Принеси из моей комнаты сумку с красным крестом! — велел он девке. — Антидот там.

Девка фыркнула, но поручение выполнила. Лекарь извлек из сумки нечто крохотное, сорвал с него прозрачный колпачок, под которым оказалась игла, и ткнул ею себя в руку. Затем глянул на Мерда.

— Одно условие. Ты покинешь Крип немедленно. В Блантон не заезжать, о том, что видел меня, не говорить. Отправляйся в свое имение и сиди там, как мышь в норке. Понял!

— Клянусь богами, мэтр!

Мерд затряс головой. Лекарь встал, подошел и воткнул иглу в пухлую руку отравителя. Мерд заметил, как пальцы Капа сжались, будто выдавливая что-то. Руку кольнуло, но боль тут же прошла.

— Иди!

Мерд вскочил, сгреб со стола монеты и побежал к двери.

— Флягу забыл! — крикнули ему вслед, но маг этого уже не слышал.

Кап пожал плечами и вернулся за стол.

— Зачем ты спас его? — спросила Ноэль. — Пусть бы сдох!

— Перед смертью он мог бы сказать, яд дали мы. С него случилось бы. Подлый человечешко!

— Как ты догадался, что вино отравлено?

— Глаза у него бегали. Слишком настойчиво предлагал свой грап. Вино оказалось слишком пряным — так делают, когда хотят скрыть вкус яда. Классика жанра. У нас про это книги написаны.

Ноэль не поняла, что значит «классика», но спросить не решилась. Гро выглядел расстроенным.

— Меня ищут, — сказал он после молчания. — Плохо.

— Почему? — удивилась Ноэль. — Король хочет сделать тебя главой Корпорации.

— Меня убьют прежде, чем я приступлю к обязанностям. Если добрались здесь...

— Дядюшка защитит!

— Кто он? — заинтересовался Гро.

— Гливен. Шут короля.

— Шут?

— Это очень влиятельная должность при дворе. Шут всегда рядом с королем, ему дозволяется спорить с монархом и противоречить ему. К тому же Гливен сводный брат Этона. Бастард, родившийся от вдовы благородного. Он горбат, но очень умен. Гливену удалось стать правой рукой Этона. Ему подчиняется армия и городская стража. Он самый могущественный человек в Мерсии после короля.

— Хм! — сказал Гро. — Ты не рассказывала.

— А ты не спрашивал. Тебе не интересно.

Ноэль насупилась. Гро погладил ее по руке.

— В стране, откуда я родом, не принято выведывать у девушки, кто ее родственники. Это считается невежливым.

Ноэль взяла его руку в свою.

— Гливен звал меня в Блантон, но я не хотела ехать. Боялась, что меня выдадут замуж. Не хочу, как мама, заниматься хозяйством и подчиняться мужу. Ты рассказывал, что у вас не так. Женщины самостоятельны, могут заниматься, чем хотят, не спрашивая о том супруга. Замуж выходят по собственному выбору, а не по воле родителей. Это правда?

Лекарь кивнул.

— Я хочу того же. Только ни один мужчина в Мерсии или Рении не женится на таких условиях.

— Как сказать, — пожал плечами Гро.

— Поедем в Блантон вместе? — оживилась Ноэль.

— Давай не будем спешить, — сказал Гро, высвобождая руку. — Кроме этого жирного отравителя никто не знает, что мы здесь. Не думаю, что он станет трепать языком — слишком напуган. Поживем пока здесь, там будет видно.

— Как скажете, мэтр! — вздохнула Ноэль.

Глава 13

— Проходите, Пол! — сказал человек с невыразительным лицом. — Присаживайтесь.

Генерал в форме военно-космических сил США пересек кабинет и опустился на стул у ажурного письменного стола со столешницей из толстого прозрачного стекла. Генералу приходилось видеть такие, и он знал, что прозрачным стекло кажется только со стороны посетителя. А вот для хозяина кабинета это цветной, интерактивный экран компа, которым он управляет движением рук. Поэтому на столешнице ничего и нет — ни офисного набора, ни даже бумажного листка. Дорогая вещь! Но для ведомства, где он находился, понятие «дорого» не существовало.

— Вы, верно, недоумеваете, зачем я пригласил вас? — продолжил хозяин кабинета после того как гость устроился.

— Так, сэр! — согласился генерал.

— Тогда не будем затягивать! — человек с невыразительным лицом провел ладонью над столешницей.

Стекла окон потемнели, и на стене за спиной хозяина кабинета вспыхнул огромный экран. Хозяин не стал оборачиваться к нему. То, на что сейчас смотрел генерал, он видел перед собой. И, судя по скучающему выражению лица, не в первый раз.

А вот генерал подался вперед. На экране четверо десантников в форме военно-космических сил США разбивали лагерь в дикой местности. Затем один из них, чернокожий, скрылся в лесу и вернулся с тушей подстреленного животного на плечах. По виду животное напоминало дикую козу. Качество записи было отличным, ее сопровождал звук, так что разговоры солдат были отменно слышны. Их содержание с головой выдавало цель появления десантников на дикой планете. Кадр сменился, теперь на экране солдаты готовились к бою. Четкие распоряжения чернокожего десантника, короткая перестрелка, солдаты встают и направляются к раненому противнику. Окружают его. Разговора не слышно — далеко, и тут — вспышка! Красный огонь в обрамлении черного дыма. Грохот, и на фоне огня изломанные силуэты солдат...

Хозяин кабинета повел рукой, и экран потух. Стекла в окнах обрели прежнюю прозрачность, и осеннее солнце заполнило кабинет.

— Сэр! — попросил генерал. — А дальше?

— Хорошо держитесь, Пол! — сказал его визави. — Думал, вам хватит

и первой части. Что ж...

Он сделал жест, и экран на стене вновь вспыхнул. Как и первый фильм, второй представлял собой смонтированную видеозапись, из которой убрали длинноты и второстепенные кадры, оставив основное. Генерал смотрел, не отрываясь. Фильм кончился, в кабине вновь стало светло.

— Что скажете? — спросил человек с невыразительным лицом.

— Откуда у вас эта запись?

— Перехватили сигнал с Зоэ. У моей конторы там спутники. Они отслеживают сигналы любой электронной аппаратуры, передающей с поверхности.

— Не знал, — выдавил генерал.

— И не должны знать, — тон хозяин кабинета был холоден. — Это секретная операция, в которую вы вломились, как слон в посудную лавку. И все потому, что один генерал, забыв о долге, решил заняться кровной местью. В результате операция под угрозой. Это не считая гибели четверых военнослужащих США, в которой повинны вы.

— Это была их личная инициатива.

— Одобренная и санкционированная вами. Не отпирайтесь! У нас есть показания капитана Николса.

— Сволочь! — сказал генерал. — Предатель!

— Я не стал бы столько категорично осуждать честного и добропорядочного гражданина США, — сказал человек с невыразительным лицом. — Николсу показали эту запись и задали вопрос: что он выберет? Военный суд и 10 лет тюрьмы или успешная военная карьера при условии тесного сотрудничества с «СиАйЭй»? Как благоразумный человек, он выбрал второе.

Генерал промолчал.

— Не хотите говорить? — спросил хозяин кабинета. — Тогда скажу я. Вы заигрались, Пол. Мне понятны чувства отца, но если быть объективным, ваш сын сам виновен в своей гибели. Разумеется, я не скажу это перед представителями прессы или на слушаниях в Сенате, однако вам — запросто. Додуматься обстрелять с флаера расположение роты русских! Он, что, не понимал, что те могут ответить? В результате мы наварались на международный скандал. Госдепу пришлось спешно выстраивать линию защиты. Нам удалось объявить в межпланетный розыск этого бывшего капеллана, но результат оказался противоположным желаемому. Русские решили спрятать виновника в укромном месте. В качестве такого выбрали Зоэ. Планету, где мы проводим тайную операцию.

— Зачем? — спросил генерал.

— Представляю, что вы сейчас подумали, — усмехнулся хозяин кабинета. — Отдаленная, отсталая, никому не нужная планета. «СиАйЭй» некуда девать денег. Вы ошибаетесь. Это сейчас она не нужная, — он выделил интонацией слово «сейчас». — А что завтра? Никто не знает, что понадобится Америке и ее народу через несколько десятков лет. Хотя предсказать просто. Полезные ископаемые Земли исчерпаны. Воздух и воды отравлены. Необходимые для существования цивилизации ресурсы мы добываем на астероидах и других планетах. Вы это прекрасно знаете, поскольку охраняете от нападения караваны рудовозов. А что будет, когда ресурсы иссякнут в ближних галактиках? А здесь планета. Девственная, с превосходной атмосферой, чистейшей водой и нетронутыми запасами полезных ископаемых. Рано или поздно придет время, когда человечество обратит на Зоэ внимание. И тем, кто успеет первым, достанется лучший кусок. За этим мы и отправили на Зоэ агентов. Это отличные специалисты, лучшие из лучших. Они должны были подготовить местную цивилизацию к нашему приходу. Объединить карликовые королевства в одно могучее государство и привести в нем к власти дружественное правительство. Вы представляете масштаб задачи? И тут на Зоэ появляется русский, который прячется от мести американского генерала.

Человек с незапоминающимся лицом побарабанил пальцами по столу.

— Мы своевременно зафиксировали его появление на планете, а затем наши люди его нашли. Однако ликвидировать не стали.

— Почему? — спросил генерал.

— По поведению русского стало ясно, что он не собирается мешать. Он поселился в маленьком городке, жил тихо. Пил. По всему было видно, что единственная его цель — возвращение домой. Устранять было нецелесообразно. Сделай мы это, русские учинили бы розыск. Они не поверили бы в случайную смерть. Головатый отменно подготовлен. Он выпускник Санкт-Петербургской военно-духовной академии. В совершенстве владеет стрелковым вооружением, водит боевые машины, развит физически. Русские почему-то учат своих священников этим вещам. Как духовное лицо, Головатый умеет располагать к себе людей, входить в доверие. К тому же он экстрасенс, очень одаренный. Его отец, Эрих Куглер, владеет процветающей клиникой пластической хирургии. Мультимиллионер. Ему не понравилась бы смерть сына. У Куглера отменные связи, и он смог бы настоять на расследовании. Я не буду перечислить имена политиков, которые пользуется его услугами, но можете поверить — они на слуху. Расследование вскрыло бы нашу операцию с

вероятностью в сто процентов. В результате скандал межпланетного масштаба. Операцию пришлось бы свернуть. И это после стольких затрат! Поэтому мы оставили русского в покое. Через год-другой он покинул бы Зоэ, и забыл о ней. Но вмешались вы со своими десантниками...

Генерал молчал.

— Русский послал с планеты сигнал. Мы, как я говорил, перехватили его. В пакете была видеозапись, которую вы видели, и текстовое сообщение. Последнее зашифровано. Раскодировать не удалось. Но это не важно: и без того ясно, что это просьба о помощи. Сигнал с Зоэ идет долго, у русских нет маяков, транслирующих его. Однако, рано или поздно, сообщение они получают. Представляете, что будет потом?

— Чего вы хотите от меня, сэр? — спросил генерал.

— Сумели намусорить, сумеете подчистить за собой. Вы должны принести русским извинения и предложить помощь.

— Сэр?

— Именно, Пол! Скажем так. Ваш конвойный корабль случайно поймал сигнал. Поначалу ему не придали значения. Но затем кто-то просмотрел видеоматериал. Доложили вам. Вас возмутило самоуправство подчиненных. Какие бы горестные чувства не будила в вас смерть сына, организовать хладнокровное убийство предполагаемого виновника — это нонсенс для американского генерала. Вы добропорядочный гражданин, который верит в закон. Если суд признал поведение русского самообороной, нужно принять этот вердикт. К тому русский вел себя рыцарски. Похоронил убитых десантников, помолился за их грешные души. Вас это тронуло. Поэтому вы приносите извинения и предлагаете содействие...

— При всем моем уважении, сэр!

— Вы не дослушали меня, Пол! Понимаю, что вы хотите сказать, но советую не спешить. Боюсь, вы не понимаете ситуации. Могу предположить, что вы не боитесь суда. Рассчитываете, что он будет снисходителен к отцу, потерявшему сына. Но суда не будет. В этом кабинете вы получили доступ к секретной информации. Ее носители не доживают до суда. Не надейтесь, что ваша смерть вызовет скандал. Отнюдь. Экспертиза определит инфаркт. Причины понятны. Смерть сына, самоуправство подчиненных, которое привело к международному скандалу, судебный процесс...

Генерал скрипнул зубами.

— С вашего позволения я продолжу. Возможно, русские не поверят вам — они не страдают доверчивостью, но вы свяжете им руки. Им будет

нечего возразить. Вы совершили ошибку и признались в ней. Как честный человек предложили помощь. Лишний шум не в интересах русских. Они отправили человека на запрещенную к освоению планету, тем самым нарушив постановление ООН. Помощь они примут. На орбиту Зоэ вы прибудете вместе. Там узнаете, что Головатый мертв.

— Кто его убьет?

— Мы.

— Вы сказали: нецелесообразно.

— Так было. Но обстоятельства изменились. Пока русский сидел тихо, он не представлял опасности. Но его угораздило влезть в местный конфликт. Русский применил современное оружие. Плазменные гранаты на Зоэ могут обратить в бегство войско. А теперь поставьте себя на месте тамошнего королька. На его территории появилось невиданное оружие, которое разом меняет соотношение сил на материке. Обладателя его будут искать, да что там! уже ищут. Головатому сделают предложение, от которого не отказываются. Ему дадут все, кроме короны, конечно. Кто он сейчас? Уволенный из армии офицер, капеллан, лишенный сана. Изгой. Вернувшись на Землю, он станет врачом в клинике отца, то есть рядовым гражданином. А тут такие возможности! Власть пьянит, вам ли этого не знать? С большой долей вероятности можно сказать, что русский предложение примет и постарается оправдать назначение. Это вступает в противоречие с нашим планом. Конкурент нам не нужен. Не знаю, сколько у русского оружия, но с вашей помощью его стало больше.

Генерал насупился. Хозяин кабинета не обратил на это внимания.

— Опасность даже не в нем. Запасы оружия конечны, а подвоза нет. Русский много знает. Он окончил военную академию. На местном уровне, он как генералы Грант, Эйзенхауэр и Паттон вместе взятые. Поэтому сумеет противостоять нападению дружественных нам сил. А вот этого допустить нельзя.

— Нас не обвинят?

— С какой стати? Официально наших людей на Зоэ нет. Прилетали десантники, но они погибли. Есть видеоматериал, который это подтверждает. Из него, кстати, вытекает: на Зоэ опасно. А русский сам вышел из тени... Его смерть наступит от аутентичного Средневековью оружия, любой патологоанатом это подтвердит. Наше присутствие в экспедиции обеспечит объективность расследования. Скандала не будет. С орбиты вы улетите вместе, дело спишут в архив. Устраивает?

— На таких условиях я согласен, сэр!

— Замечательно! — хозяин кабинета хлопнул ладонью по

столешнице. — В ближайшие дни вам передадут инструкции. Я вас не задерживаю.

Генерал встал.

— Один вопрос, сэр!

— Задавайте! — разрешил хозяин кабинета.

— Когда?

— Как только узнаем, что русские получили сигнал. Спешить нельзя.

Операция на Зоэ вступила в завершающую стадию. К тому времени, как вы прибудете на орбиту, материк должен быть наш. Или, как минимум, большая его часть. На это уйдет месяц, максимум два.

— Спасибо, сэр!

Генерал направился к двери.

— Пол! — окликнул его хозяин кабинета.

Генерал встал и обернулся.

— Один политик как-то сказал: «Месть — блюдо, которое подают холодным». Это мудрые слова.

Генерал кивнул и вышел.

* * *

— Ступай, Дрох! — велел Шид.

— Великий?..

— Я под защитой Хамму. Отведи людей за холм. Проследи, чтобы они ничего не видели.

— Повинуюсь, великий!

Дрох склонился до земли и выбежал из пещеры. Снаружи послышалась команда. Шид подошел к выходу. Цепочка воинов сбежала по склону и направилась к недалекому холму. Шид проводил ее взглядом. Когда воины скрылись за гребнем, он вернулся в пещеру. Темнело. Стены уже различались с трудом. Шид набрал хворосту из притащенной воинами кучи, бросил его на старое пепелище и высек кресалом огонь. Сухие ветки занялись сразу. Шид сел на камень и стал ждать.

Дрох, отведя воинов за холм, велел им разбить лагерь, а сам, крадучись, отправился обратно. На вершине холма он лег и уставился на зев пещеры. Тот был хорошо различим даже в сгустившихся сумерках. Отблески пламени, пылавшего внутри, подсвечивали вход, делая его заметным издали. «Надеюсь, Хамму увидит, и прилетит, — думал Дрох. — А вот если нет...»

Дела в братстве шли неважно, и Дрох, как никто другой понимал это. Поражение в Ремсе подорвало дух шидов. Проклятый маг! Какие демоны его принесли? Так просто уничтожить сотни братьев, метательные машины, запасы зелья... А что, если он такой не один? Братья хмурились и роптали. Показательная казнь трусов не помогла. Бездействие и отсутствие добычи разлагали войско. Каждый день в лагере не досчитывался по несколько братьев. Дезертиров ловили и наказывали, однако поймать удавалось не всех. Будущее выглядело безрадостным. Рано или поздно к лагерю подойдет войско короля, и тогда всем конец. Щадить шидов не станут: слишком много крови на их руках. И не важно, чье войско явится по их души — Мерсии или Рении, результат один. Дрох все чаще задумывался об этом. Внутренний голос убеждал его бежать, захватив награбленное и преданных воинов. Найти селение на окраине степи, взять его во владение и тихо жить, наслаждаясь покоем. Он даже станет платить подать кому-нибудь из королей. Те только обрадуются и закроют глаза на прошлое чужаков. Тем более что Дрох не собирался о нем кому бы то ни было рассказывать. Пришел вооруженный отряд и обосновался на окраине. Власть короля признает, подать платит — чего ж еще?

Одновременно Дрох понимал: не выйдет. Или Шид вышлет преданных ему братьев и в погоню, и те, настигнув, уничтожат малодушных; или же король не потерпит чужаков на своей земле и отправит войско. Куда бежать? За море? Корабельщик не захочет принять на борт отряд вооруженных мужчин. Потребуется отдать мечи и запрет в трюме. А затем отвезет на рынок рабов... Уходить одному? До порта не доберешься. Королевские ищейки перекрыли дороги, пройти можно только с боем. Куда ни кинь, везде плохо. И зачем он поверил Шиду? Хамму оставил их...

Прокатившийся над горной цепью странный звук, отрешил Дроха от грустных мыслей. Угловая, вытянутая тень, испускающая огонь, пронеслась над горами и, зависнув, опустилась на площадку перед пещерой. «Прилетел!» — возликовал Дрох и побежал к лагерю, чтобы сообщить подчиненным радостную весть.

А тень, выпустив опоры, утвердилась нас скальном выступе и исторгла из себя человеческую фигуру. Уверенным шагом та направилась внутрь. Заслышав шаги, Шид вскочил с камня и насторожился. Разглядев гостя, он облегченно вздохнул и поклонился.

— Приветствую тебя, Хамму!

— Сегодня я за него! — ответил гость и снял шлем. Пепельного цвета волосы обрушились на его плечи и растеклись по ним, и стало видно, что это женщина — молодая и красивая. Она взяла шлем под мышку и встала

перед Шидом.

— Госпожа? А где Хамму?

— Занят. В том числе благодаря тебе.

— В чем я провинился перед повелителем?

— Потом! — досадливо махнула рукой гостя. — Это твой человек лежал на вершине холма?

— Дрох... — вздохнул Шид. — Хотел убедиться, что Хамму не оставил меня.

— Тебя же предупреждали! Никто...

— Достопочтенная! — поспешил Шид. — Вы не представляете, что творится у нас. После неудачи под Ремсом братья пали духом. Многие уже в открытую говорят, что Хамму оставил нас своей милостью. Число дезертиров растет, и даже мой верный Дрох смотрит в сторону...

— И кто в этом виноват? — раздула ноздри гостя.

— Маг. Мы не знали о нем.

— А зачем твое войско пошло к Ремсу? Хамму велел через Ниш.

Шид опустил голову.

— Почему ты нарушил план?

— У меня была договоренность с Кратом. Он обещал помощь. Его люди открыли братьям ворота.

— После чего Крат сгорел вместе с твоими военачальниками.

Шид промолчал.

— Можешь не отвечать, — сказала гостя. — И без того ясно. Ниш — старая крепость, где нет никого, кроме солдат. А в Ремсе — тысячи жителей, трактиры, лавки, склады... Добыча. Вам зудело грабить.

— Ты не права, достопочтенная! — обиделся Шид. — Если не давать братьям денег и женщин, они не станут сражаться. Хамму сам говорил это.

— А еще он велел строго выполнять его повеления. Приказ был четким — через Ниш. Если б ты подчинился, то получил бы Блантон. Там денег и женщин в десятки раз больше. Вас ждали. Мы год готовили этот поход. Подкупали знать, добывали зелье, находили и отправляли к вам королевских офицеров и создателей машин. И все провалилось. Королю стала известна измена Крата, и он учинил розыск. Заговор раскрыт, наших людей казнили. И все потому, что один проповедник решил, что он умнее бога. Он позабыл, чем обязан. Тому, кто нашел его — нищего, грязного и гонимого. Кто научил его и помог. Кто, наконец, дал ему золото и книгу Хамму. Ты, вроде, выдаешь ее за собственноручно написанную? Может, рассказать об этом твоим людям? Дроху, к примеру?

Шид прижал руку к груди.

— Достопочтенная!..

— Это не все! — женщина ощерилась. — Мы научили тебя делать живые бомбы. Ожидали, что это поможет тебе победить. И что? Твои ублюдки взорвали наших людей! Четверых! Один взрыв — и их нет. Зачем ты послал их?

— Убить мага.

— Наши люди не походили на него. Ничуть! Я думаю, Шид, мы зря тратили на тебя время и деньги. Ты не оправдал наших надежд. Поищем замену. А тебя...

Женщина выхватила из ножен клинок с черным лезвием. Шид рухнул на колени.

— Достопочтенная! Пощади!

— Гребанный ублюдок! Слизняк!

Носок ботинка ударил Шида в живот. Он вскрикнул и упал на бок.

— Убью!

Удары следовали один за другим. Шид скорчился, прижал руки к груди и только вскрикивал, когда ботинок находил особо болезненное место. Гостья обработала его со спины, затем, обойдя, добавила спереди. Сорвав злость, она спрятала клинок и села на камень. Шид осторожно развел пальцы и глянул одним глазом. Убедившись, что гроза миновала, он убрал руки от лица.

— Слизняк!

Женщина плюнула на пол. Шид, охая, встал четвереньки и слизал плевков.

— Вставай!

Шид подчинился.

— Славь Хамму! Он повелел дать тебе шанс. В последний раз! — гостья ткнула в него пальцем.

— Слушаю и повинуюсь! — поклонился Шид.

— Идем!

Гостья отвела его к флаеру и велела перетащить из него в пещеру несколько ящиков. Шид подчинился беспрекословно. Тело его болело, но он, сжав зубы, сдерживал стоны.

— Это огненное зелье, — сказала женщина, достав из ящика продолговатый брусок. — Оно сильнее известного тебе в разы. Им вы обрушите стены Ниша. Подтащите ночью и взорвете.

— Я не знаю как, — сказал Шид.

— Научу. Слушай и запоминай!

Обучение шло долго. Гостья заставила Шида зазубрить правила, затем

потребовала продемонстрировать усвоенное. Каждый раз, когда Шид ошибался, она пинала его в зад. К концу обучения, тот немилосердно болел, но Шид терпел. Наконец, гостья решила, что наука усвоена, и направилась к флаеру. Шид поспешил следом.

— Выступите через две седмицы, — сказала гостья. — После того, как возьмете Ниш, идите к Блантону, нигде не останавливаясь. Вздумаете отвлекаться на грабеж — испепелю. Ясно?

— Да, достопочтенная!

— Своим в лагере продемонстрируешь действие зелья. Возьми брусок и взорви что-нибудь. Или кого-нибудь — гостья хмыкнула. — Пусть воодушевятся. Пообещай им мешки золота и толпы женщин. Всего этого в Блантоне полно.

— Сделаю! — поклонился Шид.

— Отойди!

Шид, ковыляя, убрался в пещеру. Гостья влезла в флаер и села в кресло пилота. То охватило ее ремнями. Комп закрыл дверь и, подчиняясь пилоту, включил двигатель. Спустя секунду флаер приподнялся над площадкой, убрал упоры и быстрой тенью скользнул в небо. Шид проводил его взглядом из глубины пещеры.

Несмотря на избитое тело, он радовался. И даже не огненному зелью, привезенному гостьей. Ему найдут применение. Братья воодушевятся, увидев оружие, которое дал им Хамму. Шид взорвет дом, а после — человека. Кого, Шид уже знал. Дрох стал посматривать в сторону и потому опасен. К тому же это именно он отправлял людей убить мага. Нет Дроха — и рассказать некому.

Но одно обстоятельство радовало Шида особенно. Демоница проговорила. Слуги Хамму смертны. Как, возможно, и сам бог. Пусть демоница, бывшая его, обещает золотые горы, Шид не настолько глуп, чтобы поверить. Взяв Блантон, он перестанет быть нужным. Поэтому Шид и бросил войско к Ремсу. В городе он мог закрепиться и выждать. Не вышло. Но сейчас демоны дали ему в руки оружие, которое можно использовать против них самих. Ниш Шид возьмет. Только демоны не узнают, сколько зелья он использовал. Демоница сказала, что даже ящик обрушит стену. Они в Нише ветхие. Ящиков демоница привезла пять. Она снабдила Шида запалами. Одни действуют от огненного шнура, другие — на расстоянии, от черной коробочки с пуговкой. Последний Шид прибережет. Зелье под стенами Ниша братья подожгут. При этом они погибнут, конечно. Зато наследуют Эрий...

Шид ухмыльнулся. Он не верил в Эрий. Как и в другое, чему учил

Хамму. Выросший в трущобах, Шид не верил никому. Зато умел заставить поверить других. Именно это выделило его среди других проповедников и привлекло внимание Хамму. Тот сам ему об этом сказал. Демоны вздумали использовать его, чтоб захватить Мерсию. Что ж, Шид не возражает. А вот что будет потом... Демоны считают: королевство достанется им. Шид думает иначе. Демоны сильны, но у них нет тысяч людей, готовых пойти на смерть. У Шида есть. Ранее это не имело значения, поскольку у демонов имелось оружие, способное испепелить войско. Они показывали его Шиду. Однако теперь оружие есть и у него. Главное, суметь им воспользоваться...

Шид не выдержал и захохотал. Болело тело, отбитые легкие хрипели, но он продолжать смеяться. Что боль? В детстве его били не так. Но он выжил, как выживет и теперь. А вот другие умрут...

Глава 14

— Мы нашли его! — выпалил Крим.

— Кого? — удивился Глеф.

— Мага.

— Где?

— В таверне толстяка Пако.

— Знаю! — хмыкнул Глеф. — Этого лекаря зовут Кап. Он не Гро.

— А вот и нет! — торжествующе возразил Крим. — Девка, которая ему помогает, назвала его «Гро». Тино слышал. Скажи, Тино!

Здоровяк, маячивший за спиной Крима, кивнул.

— И еще, — добавил Крим. — Девка носит на поясе кожаный футляр с каким-то артефактом. Из него торчит рукоять. Я помню, что у Гро в Ремсе были такие же.

«Глазастый!» — подумал Глеф. Настрой Крима его не радовал. В Крип они пробились с трудом. В пути наравались на патруль. Это случилось в поле. Стража на стикулях вылетела из-за холма, бежать было поздно. Стражников было не так много — всего трое, но у них имелись копья и стикули, а также латы и шлемы. У шидов из оружия — только мечи. Тогда Свальф, десятник, велел им стоять на месте. Сам же высек огонь, поджег фитиль и побежал к патрулю. Крим, Глеф и Тино видели, как стражники окружили брата, в этот момент грохнул взрыв. Когда дым рассеялся, на дороге уже никто не стоял. Валялись люди и стикули, слышались крики раненых животных. Братья рванулись вперед.

Зелье порвало Свальфа в куски и убило двух стражников. Одного ранило, и тот сейчас отползал прочь. Братья добились его, как и животных. В кошельках стражников нашлось серебро, остальное они бросили. Мечи имелись свои, а латы и шлемы были приметными. Хоронить Свальфа не стали — не было времени. Следовало уносить ноги как можно скорее.

В Крип они добрались через два дня и поселились у вдовы моряка. Ей сказали, что они беженцы из рыбацкого поселка, который сожгли шиды. Подробности братья знали: сами же этот поселок и жгли. Рыбаков захватили врасплох — никто не сбежал. Жителей, которые уцелели, отвели в лагерь на территорию Мерсии. Там они содержались, как рабы. Сбежать из лагеря невозможно, поэтому опасаться, что их опознают, не приходилось. Вдова поохала и, похоже, не поверила: на рыбаков шиды походили мало. Однако вслух сомневаться вдова не стала: братья заплатили

вперед. Что воздух зря сотрясать? Рыбаки они или нет, а денежки — вот они! Платят — пусть живут.

Пришлых в Крипе хватало, поэтому появление еще троих не вызвало внимания. В портовой город стекалось много людей. Здесь склады и корабли, которые нужно загружать и разгружать. Здесь есть спрос на матросов. Путешествия по морю долгие, время от времени оно штормит: кого-то смоем волной или приложит по темечку сорванным ветром рангоутом. В порт корабли порой приходили и с третьей команды. А ходить в море надо!

Братья хозяйку не тревожили. Утром уходили, и день-деньской шатались по городу, якобы в поисках работы. К вдове возвращались ночевать. В городе они заглядывали в таверны и лавки, забредали в порт. Везде спрашивали: слышал ли кто о маге Гро? И получали ответ: «Нет!»

Глефа это устраивало. После того, как погиб Свальф, он убедил себя, что задание невыполнимо. Без зелья они не справятся. В Крипе ему нравилась. Нет муштры, ежедневных молебнов, проповедей Шида. У Глефа они вызывали зевоту. Он не верил пророку, как и в существование Хамму. К шидам прибилсь из житейских соображений. Они кормили и одевали, позволяли грабить и насиловать. Чем не жизнь? В боях Глеф не геройствовал, держался сзади, поэтому из-под Ремса сбежал в числе первых. Из-за этого попал в оборот. Казнь миновала его, но последовал смертоубийственный приказ. Убить мага, который испепелил сотни шидов? Глеф понимал, что им не уцелеть. Однако выбора не было. Его включили в отряд, направленный в Крип. Город небольшой, поэтому Дрох решил, что хватит четверых. Им дали серебра, в пути добавились трофеи: жить было сытно. Глеф, который по смерти Свальфа принял на себя командование, ни в чем себе не отказывал. В тавернах заказывал лучшие блюда, требовал вина или пива, домой возвращался навеселе. Серебро, правда, кончалось, и Глеф стал подумывать, как улизнуть. Например, наняться в матросы. Не успел...

— Мы не справимся, — сказал Глеф. — В Ремсе Гро убил сотни братьев, а нас всего трое. И зелья нет. Нужно послать вестника Шиду.

— Пока принесут зелье, маг может сбежать, — возразил Крим. — Справимся! Маг лечит во дворе таверны, там много людей. Прикинемся хворыми, подберемся ближе и нападём. Так, Тино?

Здоровяк кивнул.

— Ты с нами или отказываешься?

Взгляд Крима не предвещал доброго. «Убьет! — понял Глеф. — Одержимый...» Идти к Гро Глеф не хотел. Маг их испепелит. Если каким-

то чудом удастся осуществить задуманное, конец тот же. Их растерзают горожане. Маг популярен в Крime, он вылечил сотни больных. Причем, бедных — бесплатно. В тавернах об этом много говорили. Горожане благословляли богов, приславших им Капа. За него молились. Однако отказаться нельзя. Братья зарежут его прямо здесь. Вон, как смотрят!

— Иду! — сказал Глеф.

Они вытащили из мешков припрятанные мечи, сунули их под одежду. С ножом в городе ходить можно, он есть у каждого, а вот меч — это оружие. Любой стражник прицепится. Крим вытащил повязки с именем Хамму. Их полагалось повязать перед боем. Глеф сунул свою в сумку, мысленно выругавшись. Теперь точно не удастся сбежать. Шидов будут искать — рьяно. Не любят в Мерсии братьев.

Они вышли из дома и направились к таверне. Скоро были у нужных ворот. Там толпились люди. При виде их Глеф мысленно простонал. Уйти не удастся. Но Тино схватил его за рукав, и они ввинтились в толпу. Послышалась ругань.

— Нам только посмотреть! — успокаивал людей Крим, топавший позади. — Мы приехали издалека...

Тино ничего не говорил. Он раздвигал толпу торсом, волоча за собой павшего духом Глефа. Шиды пробились вперед, Глеф увидел мага. Он стоял у стола и что-то делал с рукой сидевшего на лавке мужчины. Рядом топтались две женщины. Глеф разглядел их. Молодая девка в строгом платье, поверх которого надет белый фартук. На фартуке — бурые пятна. В руках девка держала бинты. Она внимательно следила за работой мага, как видно, собираясь ему помочь. Вторая женщина стояла чуть дальше, прижав руки к груди. На ней было старенькое платье и белый чепец. Похоже, что жена или родственница больного. В их сторону от стола не смотрели.

— Пора! — шепнул Глефу Крим. — Они не ждут нападения. Доставай повязку!

Глеф полез в сумку. Руки дрожали. Повязка не хотела занимать нужное место, и Крим, выругавшись, стал помогать. Их возня привлекла внимание.

— Шиды! — крикнул кто-то. — Здесь шиды!

Толпа ахнула и забурилась.

— Бей! — крикнул Крим, вытащив меч. — Смерть магу!

— Смерть! — поддержал Тино, выхватывая свой клинок.

Братья рванулись вперед. Глеф бежал сзади, опустив руку с мечом к земле. Он видел, как застыл маг, подняв на них удивленный взгляд. А вот девка не растерялась. Бросив бинт, полезла рукой под фартук. Спустя миг в ней появился странный предмет. Она вытянула его к шидам. Маг что-то

крикнул. В следующий миг голова Тино взорвалась. Кровь и ошметки мозгов брызнули Глефу в лицо. Он споткнулся о рухнувшее к его ногам тело и упал. Потому не видел, как разлетелась голова Крима, как тот рухнул на землю, не добежав к цели пары шагов. Глеф попытался встать, но не успел. Сильные руки схватили его за плечи и вздернули на ноги.

— Бей шид! — прокричали сбоку.

Удар по руке вынудил Глефа уронить меч. Его ударили по лицу — раз другой. Рот наполнился кровью, и Глеф ощутил языком выбитые зубы. Следующий удар опрокинул его навзничь. Сознание покинуло его. И это было милостью богов...

* * *

Кисть выглядела ужасно. Распухшая, сине-багрового цвета. И запах... Классическая гангрена. Сам владелец руки сидел на лавке, покачиваясь. Тусклые глаза, обметанные губы... Жар и боль. При гангрене она нестерпимая. Как он сюда дошел?

Я прикоснулся к руке и послал импет. Мужчина хрипло выдохнул и перестал качаться.

— Бочка в порту по руке прокатилась, — пояснила стоявшая рядом женщина. Жена? — Размозжила руку. Травница мазью помазала, сказала, что заживет.

Женщина сердито поджала губы. Ну, да, травнице заплатили, а результата нет.

— Кисть надо удалить.

— Тогда он не сможет работать! — возмутилась женщина.

— Если оставить, он не сможет жить.

Женщина задумалась. Было видно, что она прикидывает, что лучше? Иметь здорового, но безрукого мужа, или же остаться вдовой? Размышления затягивались. Сам больной молчал.

— Кем работал ваш муж?

— Грузчиком в порту.

— После того, как рука заживет, на нее можно сделать кожаный колпачок с железным крюком. Закрепить его здесь, — я показал пальцами. — Муж сможет цеплять им груз, а здоровой рукой брать на плечи.

— Делайте! — вздохнула женщина.

Ноэль подала мне жгут. Я перехватил им плечо грузчика и достал из

обертки разовый скальпель. У американцев их оказалась полно, как и других медикаментов. К войне готовились? Тонкое лезвие быстро рассекло ткани, испачкав кровью доски стола. Не страшно: слуги потом выскребут. Не по правилам, но это полевая хирургия. Грузчику я вколю антибиотик из американских запасов. Иммунитет у аборигенов мощный — выживет.

Когда кости освободились от плоти, Ноэль сбегала за Пако. Он явился, поигрывая тяжелым тесаком.

— Здесь! — указал я пальцем и отодвинулся.

Пако взмахнул тесаком. Удар — и кисть отлетела в сторону. Ровный, чистый срез. Больной даже не вскрикнул. Рубить кости Пако умеет — затем и зовем. А что делать? Лазерного резака у меня нет.

Я склонился над раной. Теперь надвинуть ткани на кости и сшить их, чтобы правильно сформировать культю...

У ворот закричали. Я поднял голову. К нам, размахивая мечами, бежали двое. Третий тащился следом. Черные повязки на шапках со знакомой кракозяброй... Шида? Я не успел сообразить, как Ноэль выхватила из кобуры кольт, передернула затвор и прицелилась.

— В головы! — крикнул я, вспомнив убитых американцев. У шидов на теле мог быть порох. Пуля инициирует его...

Бах! Бах!

У здоровяка, бежавшего первым, разлетелась башка. Он рухнул на утопанную землю. Следом упал второй. Стреляла Ноэль мастерски. У нее к этому талант — еще у стоянки ботов заметил. Последний шид упал сам — споткнулся. Налетевшая толпа вздернула его на ноги. Шида ударили по лицу, он повалился, и толпа принялась его топтать.

— Убери пистолет! — сказал я Ноэль. — Заканчиваем...

* * *

— В городе шида! — выпалил Блез.

— Что? — крикнул Грах, вскакивая с кресла. — Где?

— В таверне толстяка Пако, — доложил секретарь. — Приходили убить мага, который у Пако живет. Их было трое.

— Было? — сощурился Грах, уловив главное.

— Да, — подтвердил Блез. — Убиты. Одного затоптала толпа, двоим разнесла головы помощница мага.

— Девка? — удивился Грах. — Чем? Мечом?

— У нее был какой-то магический артефакт. Головы шида разлетелись

на куски. Они не успели к ней добежать. Третий упал, и его растерзала толпа.

— Как шиды оказались в городе? — спросил Грах, успокаиваясь.

— Пришли, — сказал Блез. — Выдали себя за беженцев. Их в Крипе много.

— Где жили?

— У вдовы Пульхи.

— Она?..

— Знать не знала. Клянется богами. Обычные постояльцы, заплатили вперед.

— Все равно штраф! — приказал Грах. — Десять золотых.

— У нее нет столько.

— Продай дом и имущество.

— Черни это не понравится, — сказал секретарь. — Вдова — почтенная женщина.

— Плевать! — хмыкнул Грах. — Пригрела шидов, пускай платит. Не то могу и на виселицу отправить.

— Как скажете, ваша милость! — сказал секретарь.

— Так и скажу! — хмыкнул Грах. — Интересно, чем этот маг не угодил шидам? Он давно в городе?

— Вторую декаду.

— Что ж ему не жилось в Блантоне?

— Он не оттуда, ваша милость. Его имени нет в списке Корпорации.

— Вот как? — поднял бровь Грах. — Незаконная практика?

— Он хороший лекарь, — поспешил секретарь. — Вылечил многих. Денег не берет. Он популярен в городе и, если прогнать, случится бунт. Я бы советовал, ваша милость...

— Советы будешь давать, когда спрошу! — оборвал его Грах. — Вели оседлать гинтайра и кликни стражу. Посмотрим, что это за маг!

Блез поклонился и вышел. Грах проводил его взглядом. Неожиданно он ощутил желание окликнуть Блеза и отменить поездку, но не успел: секретарь скрылся за дверью. Подумав, Грах решил: пусть так и остается. Не то Блез чего-то подумает, узнают слуги, пойдут разговоры... Выезжать в город Грах не любил. Неприятно видеть направленные на тебя злобные взгляды, слышать ропот за спиной. В Крипе его ненавидят. Плевать, конечно, но противно. А что делать? Место правителя города куплено на всего два года — на большее не хватило денег. Потраченное следует возместить, заодно собрать золота, сколько возможно. Зря, что ли, он сменил столицу на захолустье? Штрафы, поборы, доля со сделок — все это

пополняет его сундуки, но заставляет город роптать. Блез об этом регулярно докладывает. Пусть! Чернь всегда чем-то недовольна. Грах скоро покинет Крип и забудет о ней. В столице он купит имение и будет наслаждаться жизнью. Заслужил. Иметь свой манор — редкость для младших сыновей родов. В наследство они получают титул — и только. Получить должность правителя города для них — мечта. Граху это стоило хлопот и больших денег. Помогло, что он отличился в прошедшей войне, где взял добычу. Часть ее утекла в карманы придворных, остальное пошло в казну — официальная плата за должность. В Крип Грах прибыл, считай, нищим. Личной страже задолжал жалованье. Зато теперь и жалованье выплачено, и сундуки полны...

К таверне добрались быстро. Гинтайр споро нес Граха, впереди стража разгоняла народ, крича: «Расступись!» Люди шарахались к стенам домов. Кorteж провожали злобными взглядами. Грах не обращал внимания. Вернее, старался не обращать. Правитель он или нет?

Возле таверны клубилась толпа. Стража, крича и махая плетками, очистила проход. Грах въехал в ворота. Подбежавший страж взял узду гинтайра. Грах спешил и направился вглубь двора. Там у стола с лавками стояли старик в балахоне и молодая женщина. Они с тревогой смотрели на правителя. Еще на подходе Грах разглядел, что девка очень красивая. Иссиня-черные волосы, опаловые глаза, милый носик и привлекательная фигура со всеми прелестями, которые не скрывало платье. Полукровка: один из родителей рениец. Грах ощутил, как сладко заныло в низу живота.

— Мэтр Кап и его помощница Ноэль! — доложил возникший словно неоткуда Блез. Есть у секретаря такое умение — появляться кстати.

— Ты убивала шидов? — спросил Грах, ткнув хлыстом в девуку.

— Я! — дерзко ответила она.

Грах нахмурился: как смеет?

— Из чего?

Девка замялась.

— Покажи! — велел ей старик. Голос у него оказался на удивление молодой.

Девка вытащила из кожаного футляра на поясе и протянула Граху странный металлический предмет. Правитель взял. Артефакт оказался тяжелым. Грах стал его разглядывать. Рукоять со щечками из дерева, к ней приделан металлический брусок, внутри — дырка.

— Как это действует?

— Уже никак, — сообщил старик. — Магические заряды кончились. Других нет. Теперь это бесполезный кусок железа.

Грах глянул на старика. Тот выдержал взгляд и не опустил глаза. Грах ощутил, как закипает злость. Наглец! Да кто он такой?

— Сдается мне, что ты лжешь, старик, — сказал, сунув артефакт за пояс. — Но я узнаю правду. Девка расскажет. Взять ее!

Подскочившие стражи, схватили полукровку за руку. Та зашипела и попыталась вырваться. Однако стражи держали крепко.

— Ваша милость! — Старик выскользнул из-за стола и подошел к Граху. Двигался он на удивление проворно. — Могу я поговорить с глазу на глаз? У меня важные сведения.

Грах жестом остановил кинувшихся к наглецу стражей. Успеют. Лекарь опасности не представляет, а буде попробует, долго не проживет. Верный Спан уже встал за спиной старика, сжимая в руке дубинку. Ей он владеет мастерски. По знаку правителя другие воины отступили.

— Говори! — велел Грах.

— Ноэль — дочь короля Этона, — тихо сказал старик.

— Что?

— Ее мать — Нея, княгиня Муга. Если Ноэль причинят вред, виновным не поздоровится. Велите отпустить ее.

— Ты!.. — прошипел Грах, ощущая прорвавшуюся изнутри злость. — Думаешь, я настолько глуп, чтобы поверить, что дочь короля будет жить в таверне? Помогать такому ничтожеству, как ты? Облезлый мырх! Ты еще смеешь мне угрожать? Да я раздавлю тебя, как козявку! Девка поедет со мной, и я сделаю с ней, что захочу! Понял?

— Я не позволю...

Старик сунул руку в разрез балахона. Спан не сплеховал. Дубинка мелькнула в воздухе, и маг рухнул на землю.

— Убили! — завывали у ворот.

— Потрох стикуля! — крикнула девка, рванувшись из рук стражей. — Я убью тебя! Порежу на куски и скормлю диге!

Грах, шагнув к бесноватой, отвесил ей пощечину. Девка, обмякнув, повисла на руках воинов.

— Свяжите и грузите на стикуля! — велел Грах. — И заткните ей рот. Не то будет орать дорогой.

Стражники, засуетились, выполняя приказ. Они не успели закончить, как из толпы полетели камни. Один из них ударил в шлем Спана. Страж покачнулся и выронил дубинку.

— Копья к бою! — закричал Грах. — Арбалетчики — товсь!

Стража оцетинилась оружием. Толпа у ворот подалась назад.

— Расчистить дорогу!

Стражи, закрывшись щитами, выставили копья. По знаку десятника они двинулись на толпу. Арбалетчики взяли на прицел заводил. Те попятились. Толпа подалась назад и начала разбегаться.

— То-то! — усмехнулся Грах.

К нему подвели гинтайра. Грах запрыгнул в седло и тронул поводья. Конная стража сомкнулась вокруг предводителя. Пешцы забросили на спину щиты и забрались на стикулей. Кавалькада выехала из ворот и порысила по улице. Однако свободный проезд скоро кончился. Возле рынка толпа снова преградила им путь. Слух об убийстве мага облетел город подобно молнии. В центр города стали стекаться люди. Многие несли в руках камни. Они и полетели в стражу. Разозлившись, Грах приказал стрелять. Арбалетчики не промахнулись. Раненые горожане завопили, распугивая остальных. Проход очистился. Кавалькада миновала рынок, пересекла площадь и подскакала к замку. Ворота открылись. Полусотник, оставшийся в замке, разглядел ситуацию. Пропустив последнего воина, ворота сомкнулись.

Спрыгнув на мощный булыжником двор, Грах стал отдавать распоряжения. Арбалетчики полезли на стены, другие воины повели гинтайров и стикулей в конюшни. Двор мигом опустел. К правителю подтащили связанную девку. Она уже пришла в себя и зло сверлила Граха глазами. Если б завязанный рот, наверняка пустила бы в дело поганый язык. Выглядела девка отвратно. Удар по лицу не прошел даром. Левая щека и глаз заплыли, и теперь наливались нездоровой синевой. Грах поморщился. Желание, охватившего его в таверне, как ветер сдул. И с чего он поддался чувству?

— Оттащите ее в мою спальню и бросьте там! — велел он. — Я подумаю, что с ней делать. Подавайте обед! Я голоден.

Грах допивал вино, когда в комнату, постучавшись, скользнул полусотник.

— Ну? — сказал Грах, по лицу воина поняв, что новости неприятные.

— Чернь окружила замок, — доложил полусотник. — Готовится к штурму. Их там с тысячу. А у нас неполная полусотня.

— Зато у нас высокие стены, доспехи и оружие! — возразил Грах, отставляя кубок. — К тому же мы умеем воевать. Или ты испугался, Юхан?

— Нет, ваша милость! — возразил воин. Однако Грах не почувствовал уверенности в его голосе.

— Пусть принесут мои доспехи! — приказал он. — И двуручник. Давно он пил кровь.

Спустя короткое время Грах был на стене. Увиденное ему не

понравилось. Дело было даже не в многочисленной толпе, клубившейся на противоположной от замке стороне площади. Тысяча плохо вооруженных людей не представляла для его воинов опасности даже в чистом поле. Копейщики без труда отобьют ее приступ, а всадники на гинтайрах довершат разгром. Толпа — не войско. Но на той стороне площади готовились к приступу. Грамотно. Тащили с недалекого рынка дощатые столы — прикрыться от выстрелов со стен, ладили лестницы — Грах отчетливо различал визг пил и стук топоров. У толпы был вожак, и он явно знал дело. «Кто это? — размышлял Грах. — Кто-нибудь из городской стражи?» Подумав, он отбросил эту мысль. Стража Крипа — сборище ленивых болванов, только и знающих как вымогать взятки. В смутное время она прячется. Вот и сейчас в толпе не видать их шлемов. Затаились в своих норах. Бунт возглавил кто-то из купцов? А оно им надо? В смутное время единственное желание торгашей — защитить склады и лавки. Можно не сомневаться, что они уже заперли двери, заложили засовы, а сами попрятались внутри, потев от страха. Остальное население Крипа — моряки, докеры, плотники на верфях. Мужчины они крепкие, но с оружием не дружны. Умельцев брать замки среди них встретить трудно. Но они все же нашлись...

«Отобьемся! — ободрил себя Грах. — Это все-таки чернь». Его мысль устремилась вперед. Что дальше? В Блантоне будут недовольны. Правитель, который допустил бунт в городе, да еще сам спровоцировал его... Этот бастард — шут короля, обрадуется. Он был против назначения Граха в Крип (Граху об этом услужливо доложили), поэтому воспользуется возможностью его сместить. Придется вновь раскошелиться, подкупать придворных, и еще неизвестно, удастся ли замять дело. И зачем ему захотелось эту девку?

«Вдруг она вправду дочь короля, и маг не соврал?» — внезапно мелькнула мысль. Грах даже махнул рукой, отгоняя ее. Если это так, ему конец. За дочь короля, даже внебрачную, с него сдерут кожу, причем, с живого. Подобное не прощают. Золото здесь не поможет, придворные не захотят его брать. «Убью! — решил Грах. — Отобьем приступ, и прикажу задушить. Затем камень на шею — и в море. Нет девки, нет и доказательств. В Блантон сообщу, что арестовал ренийскую шпионку, а та сбежала дорогой. Придется заплатить, и много, но это лучше, чем взойти на эшафот. Так и сделаю!»

Приняв решение, Грах приободрился и уже увереннее глянул на противостоящую им толпу. Внезапно та заволновалась, послышались крики. Грах прислушался.

— Кап! Кап! — голосили на площади.

— Что они кричат? — спросил он Блез. Секретарь, как всегда, оказался рядом.

— Так зовут мага, которого вы приказали убить, — доложил Блез. В его голосе Грах, к своему изумлению различил злорадство. — Думаю, он выжил.

Грах испытал желание сбросить поганца на мощный булыжником двор, но в следующий миг забыл о нем. Толпа на площади расступилась, освобождая проход. По нему шествовала странная фигура. Вся в черном, затянутая в доспехи странного вида и обвешанная какими-то странными предметами. Со стены было не разглядеть, чем именно, но от фигуры исходила угроза, и Грах ощутил ее даже в отдалении.

— В Ремсе маг Гро сжег тысячи шидов, — влез секретарь. — В Муге ослепил и оглушил войско пиратов, после чего местному гарнизону осталось их только вязать. На днях корабельщики привезли их порт и продали на рудники. Они рассказывали...

— Этого мага зовут Кап, — процедил Грах.

— Долго поменять имя? — хмыкнул секретарь. — А про девку он говорил, что та из Муга. Дочь княгини.

— Вон! — проревел Грах, отвесив секретарю подзатыльник. — И чтоб не смел показываться на глаза! Узнаю, что болтаешь с воинами, повешу!

Блез жалобно вскрикнул и убежал прочь.

— Юхан! — повернулся Грах к полусотнику. — Мне требуются лучшие стрелки...

Глава 15

«Стикуль! Ленивый стикуль! — билось в голове. — Ты слышишь меня? Ответь! Хозяйке плохо...»

Я открыл глаза. Надо мной колыхалось розовое небо. Оно было мягким и гладким, а его края пузырились воланами. С минуту я тупо пялился на это непотребство, пытаюсь понять: рай это или ад? И если один из них, то почему выглядит не так, как писали святые отцы?

«Ты слышишь меня, стикуль?» — вновь зазвучало в голове, и я мысленно выругался. Это не рай и не ад. Какими бы они ни были, туда нет хода летающим крокодилам.

«Слышу, Нэси! — отозвался я. — Не ори! Голова болит».

«Тогда поспешай! — отозвалась дига. — Я уже недалеко. Хозяйку надо спасать!»

«Иду! Отбой связи!» — отвечал я и сел. Голова пыхнула болью. Я послал ей импет и осмотрелся. Я сидел на огромной кровати в своем номере. Ни я, ни Ноэль на этом помпезном убожище не спали — ныкались по своим комнаткам. Кровать так и стояла нетронутой. Видимо, меня положили сюда, когда принесли со двора. А розовое небо с воланами над моей головой — это балдахин. Глаза бы не видели этот китч!..

Подняв руку, я нащупал справа от темени здоровенную шишку. Пальцы коснулись липкого, я ощутил боль. Слабую. Удар дубинки ссадил кожу на голове, но пришлось вскользь. Наверняка помогли волосы — я отрастил изрядную гриву, а за мгновение до удара разглядел на земле тень воина, стоявшего за спиной, и его взмах. Успел пригнуться. Если бы опоздал...

Я сполз на пол и поспешил к себе в комнату. Сумка с оружием нашлась под койкой. Я вытащил ее, расстегнул молнию и стал выкладывать амуницию на пол, на ходу сортируя ее. Нелетальное оружие полетело в сторону. Сегодня меня пытались убить. Враги захватили мою женщину, и ей сейчас плохо. Это моя война, суки! Порву, порежу на маленькие кусочки и скормлю диге! Вы у меня попляшете!

Спустя короткое время, облаченный в штурмовой комбез, такие же ботинки, бронник, разгрузку с оттопыренными карманами (все черного цвета, поскольку десант отправляется на штурм по ночам), и обвешанный оружием, как новогодняя елка игрушками, я вышел в коридор. Шлем нес в руке. Его подкладка тревожила ссадину на голове, и я решил, что надену

его в последний момент. В коридоре таверны никого не было, никто не встретился мне и в обеденном зале. Удивленный таким безлюдьем, я вышел во двор. Пожилая служанка копошилась у конюшни, седлая стикуля.

— Марта! — окликнул я.

Служанка обернулась и охнула.

— Мэтр? Это вы?

— Кто ж еще? — отвечивал я, подходя.

— Но вас убили...

— Пытались, — сказал я, берясь за повод. — Но мы, маги, живучие. Где все?

— Убежали штурмовать замок правителя. Мстить за вас и отбивать госпожу Ноэль, — Марта всхлипнула. — Это потрох койта Грах ударил ее по лицу. Бедняжка потеряла сознание. Ее связали, бросили на спину стикуля и увезли.

Жгучий холодок прокатился по моим позвонкам и застыл в голове куском льда.

— Я убью их, Марта! Всех. Позволь! — я оттеснил ее от стикуля. — Мне надо спешить.

— Да-да! — закивала она. — Поторопитесь мэтр! Хозяин повел людей, но у них мало оружия. Они спешили, поэтому забрали всех стикулей. Этот пасся на пустыре, и о нем забыли. А я вот вспомнила и привела. Хотела посмотреть на осаду, но вам он нужнее. Я как-нибудь доковыляю.

— Спасибо!

Я вскочил в седло и дал стикулю шенкеля. Тот выскочил из ворот и зарысил по улице. В этот полуденный час она выглядела непривычно пустой. Не было видно прохожих, вездесущих детей, а ставни домов и двери харчевен закрыты наглухо. Похоже, что весь город устремился к замку. Туда лежал и мой путь, и я проделал его быстро.

...На рынке кипела работа. Крепкие мужики деловито разбирали дощатые прилавки и тащили их к площади. Стучали топоры, слышался треск дерева и ругательства. Моего появления не заметили. Я соскочил с седла и поймал за рукав пробежавшего мимо мальчишку.

— Отпусти! — выпалил он и ойкнул. — Мэтр? Вас же убили!

— Как видишь, не до конца, — сказал я. — Потрогай, если не веришь. Мальчишка коснулся моей руки и заулыбался.

— Живой... Я так рад, мэтр! Что это у вас? — Он схватился за рукоять игольника.

— Отставить! — я шлепнул его по руке. — После узнаешь. Бери

стикуля и скачи в таверну Пако. Найдешь там Марту и отдашь ей животину. Служанка старая, ей трудно идти пешком. Сделай — и получишь серебряк.

— Не нужно! — замотал головой мальчишка и шмыгнул носом. — Вы исцелили мою мать. Знахари говорили, что она умрет, а вы спасли. Я быстро, мэтр!

Он прыгнул в седло и ускакал. Наш разговор не остался не замеченным. Когда, проводив всадника взглядом, я обернулся, то увидел застывших людей. Они пялились на меня, зажав в руках топорича.

— Мэтр?..

— Ведите меня к старшему! — велел я.

— Мэтр Кап жив! — заорал дурным голосом один из работников. — Его не убили. Слава богам!

— Слава! — поддержал я. — Ну?

В следующий миг меня словно затянуло в водоворот. Окружившие меня люди трогали мои руки и плечи, отскакивали в сторону, пропуская других, которые, в свою очередь, хотели меня коснуться. При этом меня неудержимо тащили вперед. Внезапно впереди кто-то прокричал: «Дорогу мэтру!», и толпа схлынула. Посреди нее образовался проход, и я зашагал им. «Кап! Кап!» — несло со сторон. Люди махали руками, и я отвечал, видя написанный на лицах восторг. На лечение они такими не приходили. «Надо чтоб тебя стукнули по голове и сочли мертвым, чтобы заслужить это ликование», — желчно подумал я, но тут же одернул себя. Эти люди пришли сражаться. Они готовы отдать жизнь, чтобы наказать нашего с Ноэль обидчика. И они фактически безоружны. Если им не помочь...

В конце прохода стоял Пако. Его неизменный тесак был заткнут за пояс.

— Мэтр! — он раскинул руки. — Не верю своим глазам. Мы думали: вас убили.

— Убивалка у них не выросла, — буркнул я, и мы обнялись. Толпа радостно завопила, вверх полетели шапки.

— Ты тут старший? — спросил я, отступая.

— Я, мэтр! — кивнул Пако. — Не удивляйтесь. Перед вами полусотник Степных лис, кавалер Золотого знака отличия и Большой бляхи мечника. За моими плечами десятки сражений и взятые города. Но со временем я растолстел и уже мог биться, как прежде. Поэтому ушел на покой, а на скопленное серебро купил таверну. Что еще нужно, чтобы встретить старость? Так я думал. Но если каждый помойный койт, мнящий себя благородным, станет убивать моих гостей и похищать их девушек... Зачем мне такая жизнь?

— А они воевали? — кивнул я на толпу.

— Бывших солдат почти нет, — вздохнул Пако. — Пытаюсь командовать, но выходит плохо. Их не гоняли десятники. Эй, стикули! — внезапно заорал он. — Поднять щиты! На стенах зашевелились.

Стоявшие впереди мужчины, не медля, выполнили приказ. Пако скромничал — слушались его беспрекословно. В подтверждение его правоты по доскам щитов прогрехотал град. Несколько арбалетных болтов нашли щели, проскользнули в них и ударились в булыжную мостовую. Один подлетел к нашим ногам.

— Наверное, вас заметили, — вздохнул Пако, пнув болт. — Иначе не стреляли бы издали. На таком расстоянии болт теряет силу. Убить не убьет, но ранит запросто.

— Вот что, — сказал я. — Отгони толпу. Отбери самых умелых — десятка два.

— В замке — с полсотни воинов, — покачал головой Пако.

— Нас хватит. Вели им найти повязки и смочить в воде.

— Зачем? — удивился он.

— Завязать рот и нос. Иначе наплачутся. Я буду выкуривать койтов из норы.

— Как скажете, мэтр! — кивнул Пако и убежал распоряжаться.

Толпа отступила, но далеко не ушла. Предчувствуя интересное, мальчишки полезли на крыши. Удивительно, но хозяева не стали их прогонять. Наоборот, сами устроились рядом. Цирк! Кому война, а кому — бесплатное развлечение.

Пако вернулся в сопровождении группы мужчин. Их было больше, чем два десятка, но я смолчал. Группа захвата выглядела неплохо. У всех копья, у некоторых мечи, ножи — у каждого. Кое-кто даже красовался в кольчуге и в шлеме.

— Встаем за щитами, — сказал я, — и двигаемся к воротам. Нужно приблизиться где-то на пятьдесят шагов.

— Лестницы? — спросил Пако.

— Можно взять, — кивнул я. — Но, думаю, не понадобятся.

Спустя несколько минут пеший вагенбург тронулся с места. Впереди парни поздоровее тащили сколоченные из прилавок щиты. Я шагал следом. За нами поспешали Пако с бойцами. Трактирщик воинственно помахивал тесаком. В задних рядах тащили лестницы. В щель между щитами я видел, как засуетились на стенах. Арбалетчики встали между зубцами и вскинули свои стрелометы к плечам. Сколько их? Один, два, три, четыре... Одиннадцать. Много. Ладно, справимся. Я надел шлем и снял с

плеча импульсный карабин. Ком выдал сигнал готовности и вывел на экран кружки прицеливания. Я подтвердил, что цели — реальные. Окружности подсветились оранжевым. Пора. До стен менее сотни шагов.

Стальной град ударил по нашим щитам. В задних рядах кто-то вскрикнул.

— Подтянись! — заорал Пако. — Всем находиться за щитами!

— Пропусти! — толкнул я в плечо ближайшего щитоносца. Тот очумело мотнул головой и отодвинул щит. Я вышел перед вагенбургом и вскинул карабин к плечу. Арбалетчики на стене торопливо перезаряжали оружие. Они не прятались за зубцами — зачем? У осаждающих арбалетов нет. Это очень дорогое и запрещенное для гражданских оружие. Обращению с ним нужно учиться не менее года...

Визор пискнул, сообщив, что захватил цели. Я повел стволом. Когда он наводился на цель, кружок в визоре становился красным. При появлении первого я нажал спуск. Карабин взвыл, плюнув «двойкой». Правый арбалетчик выронил оружие и повис в щели между зубцов. Шлем свалился с его головы, полетел вниз и, ударившись о камни мостовой, заскакал по ним. Еще «двойка»... Второй арбалетчик обрушился на спину. Третьему пули попали в голову, и он сполз за зубец. Четвертый оказался не расторопнее других, и в просвет меж зубцами я увидел его бок. Вставив ногу в стремя и зацепив тетиву крюком пояса, арбалетчик выпрямлялся, взводя оружие. Пули сбросили его во двор, только сапоги мелькнули. Теперь пятый...

Я почти успел. Десятый и одиннадцатый арбалетчики уже целились в меня. «Десятка», получив пули в грудь, отправила болт в небеса, а вот одиннадцатый попал. Болт ударил меня в «бронник», застряв в запасном магазине от карабина. Меня тряхнуло, но это не спасло одиннадцатого от возмездия — спрятаться за зубец он не успел.

— Мэтр?

Я не заметил, как Пако оказался рядом.

— Вы ранены?

— Ерунда, — сказал я. — На мне панцирь. Магазин к карабину только испортил, сволочь. Подгоняй своих!

Вагенбург, прикрытый щитами, вновь полз к воротам. Пако отправился под его защиту, а я шел впереди, не сводя глаз со стены. Защитники могли попытаться дать еще залп. Опасался я зря. Либо арбалетчики у них кончились, либо одиннадцать трупов охладили пыл, но между зубцами более никто не появился. Лишь на площадке донжона мелькнула тень. Я отправил туда «двойку». Зубец брызнул осколками, и тень исчезла. Когда

до ворот осталось примерно сорок шагов, я велел вагенбургу встать. Сам вытащил из кармана разгрузки трофейную гранату. У амеров я их было много, и я запасаю. Мои-то кончились — не на войну сюда летел.

Разбег, бросок. Дымя запалом, граната перелетела через стену и хлопнула где-то внутри. Следом отправилась вторая. Теперь ждать. Замок в Крипе под стать городу, то есть небольшой. Квадрат примерно сорок на сорок метров. Стены высотой метров в пять, считая зубцы, конечно. Рва и подъемного моста нет — въезд в ворота прямо с площади. Не бог весть какое укрепление, но с налету его не взять. Это если штурмовать по местным правилам. А вот для укурка — задача на один зуб. Зачем лезть на стены? Сами выйдут. Внутри — замкнутое пространство, которое при закрытых воротах не проветривается. А как действует газ в закрытом пространстве, объяснять нужно?

— Что дальше, мэтр? — спросил оказавшийся рядом Пако. — Ставим лестницы?

— Погоди! — остановил я. — Думаю, не понадобятся.

План у меня был простой. Газ действует не только на людей. На животных — тоже. Конюшни с гинтайрами — внутри. Это злобные и опасные даже для своих владельцев животные. А если им дать нюхнуть газу?

Словно подтверждая мои слова, за стеной закричали. Послышался рев, топот, и в просвете между зубцами замелькали фигуры. Опасаясь гинтайров, воины бросились на стены. Я вскинул карабин. После седьмой «двойки» пули в магазине кончились, как и фигуры на стене. Я перезарядил оружие. Тем временем в воротах открылась калитка. Из нее, кашляя и сгибаясь от приступов рвоты, повалили отравленные защитники. Некоторые сжимали в руках белые тряпки, пытаясь ими махать.

— Они твои! — сказал я Пако. — Я прикрою: вдруг станут стрелять с донжона? Поступай с ними, как хочешь. Только Граха, если появится, оставь мне.

— Понял! — мотнул он головой и прокричал приказ. Щиты полетели на мостовую. К воротам ринулись размахивающие оружием бойцы. Пако, переваливаясь на столбообразных ногах, спешил следом. Свой тесак он крутил в руке, что-то крича. То ли грозил подчиненным, то ли просил оставить на расправу хоть кого. Скорей второе. Потому что в следующий миг стражей правителя стали убивать. Их кололи копьями, рубили мечами, втыкали в горла ножи. Подоспевший Пако рубил головы. Подчиняясь его команде, горожане бросали истыканного клинками, но еще живого солдата и отходили в сторону. Пако наносил завершающий удар. Голова

соскакивала с плеч воина и катилась по мостовой. Я смотрел на эту расправу, не испытывая ровно никаких чувств. Те, кого убивали сейчас, это заслужили. Не один я пострадал от солдат правителя. Я ждал появления Граха, но его все не было. Спрятался? Я глянул донжон. В оконном проеме мелькнуло знакомое лицо. Успел уйти, гнида! Я вскинул карабин и пустил «двойку». Опоздал. Лицо исчезло и более не появлялось. Ну, и как его теперь достать?

«Я здесь, стикуль!» — внезапно зазвучало в голове и над площадью словно пронесся вихрь. В следующий миг, затормозив крыльями, неподалеку приземлилась дига. Толпа в отдалении дружно охнула.

Я забросил карабин за спину и, стуча подошвами по камням, побежал к Нэси. «Поторопись! — прозвучал в голове голос. — Хозяйке плохо». Я не ответил и, подбежав, подтянул подпругу седла. Оставив дигу на воле, Ноэль не стала его снимать. Ослабила ремень — и только. Дига не стикуль, у нее вместо кожи чешуя, которую не натрешь ремнями. Главное, чтоб они не мешали набивать брюхо. А так седло можно носить хоть до морковкиного заговенья.

Разобравшись с подпругой, я взлетел в седло. Нэси, цокая по камням когтями, пошла в разбег. Я торопливо прицепил крюки. Не хватало упасть! У меня дело не сделанное.

В конце площади дига взмыла вверх и заложила вираж.

«К башне!» — велел я. Нэси подчинилась. Мы облетели донжон. На его верхней площадке толпились солдаты. Они грозили нам копьями, двое даже вскинули арбалеты. Вот ведь неугомонные!

«Подымись выше! Затем пролети над башней, — послал я приказ Нэси. — Я туда кое-что брошу. Будет грохот, но ты не бойся».

Дига рыкнула, и заложила вираж. Я достал из разгрузки гранату, снова американскую. В этот раз фугасного действия. Если враг сдается, ему делают нехорошо.

Нэси плыла как на параде. Арбалетчики выстрелили в нас, но болты прошли мимо. Стрелять вверх даже из карабина трудно. Я щелкнул чекой, и, прицелившись, метнул фугас. Попасть в маленькую площадку было трудно, потому граната угодила в зубец, но все же отскочила внутрь. Мы миновали донжон, когда за спиной грохнуло. Обернувшись, я разглядел, как летят вниз разметанные взрывом тела. Ни фиги себе у них ручная граната! Чего амеры в нее запихнули? С площади перед замком донесся радостный вопль. Зрители были в восторге.

«Садимся!» — велел я диге, и она спланировала на донжон. Я отстегнулся и сполз на площадку. Здесь валялось несколько тел, и Нэси,

рыкнув, стала хватать их зубами. Изогнув тело, она рывком сбрасывала их вниз. Это вызвало очередной прилив радости на площади. До нас доносились восторженные вопли. Я подошел к краю площадки и глянул вниз. Толпа уже приблизилась к стенам, но внутрь не замка не заходила. Газ выветрился, но по двору метались гинтайры. Вставали на дыбы, колотили копытами изломанные тела воинов и даже дрались друг с другом. «Ладно!» — сказал я себе и вытащил из кобуры игольник. Последняя фаза операции. Десант взял укрепленный пункт врага, теперь — зачистка.

* * *

Со стен Граха прогнал Юхан.

— Шли бы вы в донжон, ваша милость, — сказал, нахмурившись. — Не нравится мне все это. Вдруг прорвутся во двор? Возьмите десяток воинов и заложитесь изнутри.

Граха спорить не стал — Юхану он доверял. Полусотник видел немало осад. Бросив на плечо двуручник, Грах сбежал во двор и вместе с десятком солдат скрылся в донжоне. Там он отправил стражу наверх, а сам поднялся к себе на второй этаж. Положив меч на стол, он открыл украшенное витражом окно и стал в проеме. Отсюда картина осады была видна как на ладони. Малая группа горожан, укрывшись щитами, двигалась к воротам. Задние тащили лестницы. «Глупые стикули! — плюнул Грах. — Они надеются взять замок таким числом? Да их перебьют у ворот!»

Юхан заметил ошибку горожан. Дав приказ арбалетчикам, он свел остальных воинов во двор и стал выстраивать их у ворот. Все ясно. Арбалетчики будут держать атакующих за щитами как можно дольше. Те не успеют поставить лестницы. Как подойдут ближе, полусотник скомандует вылазку. Опытные воины перебьют горожан в два счета. Остальные задумаются. Осаде конец.

Граха улыбнулся этой мысли. Тем временем арбалетчики на стене дали залп. Он не нанес осаждающим вреда, хотя кого-то из них болт вроде задел. Дальше случилось непонятное. Один из щитов отполз вбок, и из-за него вышел маг. Помимо странной одежды, на нем был шлем с наглухо закрытым забралом. «Как он видит?» — удивился Грах. В следующий миг маг вскинул к плечу странный предмет, отдаленно напоминавший арбалет, только без дуг лука. Послушался вой, и арбалетчики на стенах стали падать один за другим. Открыв рот, Грах глядел на это избиение. В считанные мгновения маг убил всех. Последний из арбалетчиков успел выстрелить и

даже попасть в мага, но тот даже не покачнулся. Видимо, под его странной одеждой был панцирь. К магу подбежал толстяк, они перекинулись словами, и маг достал из своей одежды что-то похожее на камень. Осаждающие со щитами и маг подошли ближе. Затем маг, разбежавшись, зашвырнул во двор камень. Тот громко лопнул, и над мощным двором пополз белый туман. Второй такой же камень, лопнув дворе, сделал туман гуще. Грах не успел сообразить, что это такое, как изготавившаяся к вылазке стража, стала бросать копья и сгибаться в кашле. Несколько человек рванулись на стены, где немедленно нашли смерть от оружия мага. Оставшиеся заметались. При этом они то и дело сгибались и надрывно кашляли. Этим, однако, неприятности не кончились. Туман дополз до конюшни, и там закричали гинтайры. Раздался грохот, ворота конюшни зашатались и слетели с петель. Разъяренные гинтайры вылетели во двор. Здесь они принялись носиться, топча стражу. Копыта с шипами разбрасывали воинов как деревянные чурки. Многие после полученного удара уже не вставали. Юхан у ворот что-то закричал, и уцелевшие воины заковыляли к нему. Они открыли калитку и стали выбегать наружу.

— Стойте! — прокричал Грах, но воины его не слышали. Они махали тряпками, некоторые вставали на колени, прося пощады. «Зря!» — прошептал Грах и оказался прав. Побегавшие горожане принялись убивать его солдат. Грах, застыв, смотрел, как они гибнут. Когда пал последний, он перевел взгляд на мага. Тот увидел его и вскинул к плечу свой «арбалет». Грах отскочил в сторону. Оконный откос брызнул каменной крошкой, а на противоположной от окна стене вылетели и застучали по полу куски каменной кладки. Теперь Граху стало ясно, как маг убил его воинов.

За окном закричала толпа. Грах, сторожась, выглянул в окно. На площадь садилась оседланная дига, маг бежал к ней. «Вот и все! — понял Грах. — Сейчас он атакует донжон сверху, перебьет воинов, а после придет за мной. Это конец».

Кем бы кто ни считал Граха, но трусом он не был. Он воевал с юных лет, не раз смотрел смерти в лицо. Поэтому умереть не боялся. Жаль, не сбылась мечта о спокойной старости, зато он дорого продаст свою жизнь. Грах потянулся к висевшему на поясе короткому мечу — с двуручником в донжоне не развернуться. Рука наткнулась на артефакт, отобранный в таверне. Он так и торчал у него за поясом все это время. «Девка! — вспомнил Грах. — Она убивала из него шидов. Это, наверное, что-то вроде „арбалета“ мага...»

Топоча сапогами, он побежал в спальню. Девка была там — валялась на ковре, связанная по рукам и ногам. Грах вздернул ее на ноги и сорвал

повязку, закрывавшую ей рот.

— Говори! — закричал, тыча ей артефакт в лицо. — Как этим пользоваться? Быстро!

К его удивлению девка не испугалась. Грах даже разглядел в ее глазах злорадство. Наверняка слышала шум за окном и догадалась о приступе. Первым порывом Граха было ее избить, но он сдержался. Девка потеряет сознание, а у него мало времени.

— Скажешь — и останешься в живых, — сказал твердо. — Клянусь! Да еще денег дам. Сколько хочешь?

Девка покачала головой.

— Промолчишь — убью!

Грах вытащил левой рукой кинжал и приставил клинок к ее горлу.

— Хорошо, — сказала она. — Скажу. Только ты не поймешь. Нужно показать.

— Не вздумай меня обманывать! — рыкнул Грах.

— Ты знаешь, что такое предохранитель, патрон или курок? — спросила девка. — Нет? Тогда как я объясню?

Подумав, Грах решил, что девка права. Пусть показывает. А он будет держать кинжал у ее горла. Если попробует что-то выкинуть...

Он сказал это, и девка кивнула. Шагнув ей за спину, Грах перерезал веревку на запястьях. Девка зашипела и стала растирать затекшие руки.

— Быстро! — Грах сунул ей артефакт.

— Смотри правитель! — девка взяла его и сдвинула вниз какой-то рычажок сбоку. — Это называется предохранитель. А это затвор, — она дернула брусок сверху, и тот с лязгом встал на место. Патрон в стволе. А теперь...

В этот момент наверху что-то оглушительно грохнула. Донжон затрясся, со стен посыпалась штукатурка. В следующий миг по левой руке Грах словно ударили палицей. Так сильно, что он еле устоял. Выронив кинжал, Грах отступил. После этого пришла боль — дикая и нестерпимая. Грах глянул на левую руку. Она висела плетью. Из рукава текла, пятная ковер, струйка крови. Он поднял взгляд. Девка стояла, направив артефакт ему в лицо.

— Сейчас я убью тебя, — сказала она, ощерившись. — И никто не успеет тебе помочь. Я отстрелю тебе вторую руку, затем — ногу, а потом разнесу твою поганую башку. Ты сдохнешь, как помойный койт, воя от боли...

— Не стоит! — раздалось от двери. — Нэси просила оставить это ей.

Девка глянула Граху за плечо, и глаза у нее стали большими.

— Гро!?.

* * *

Зачистка не понадобилась — никто не встретился мне на пути. Вспомнив, что Грах жив, а Ноэль находится в его руках, я летел вниз по винтовой лестнице, задевая плечами стены на поворотах. В фильмах, которые приходилось смотреть, главный злодей, перед тем как его кокнут, всегда шел убивать заложников. События могли пойти по этому сценарию, и я спешил.

На этаж, где располагались покои правителя, я влетел словно боевой флаер — стремительный и оцетинившийся оружием. В этот миг за одной из дверей грохнул выстрел. Разом озверев (хотя куда больше?), я ударил в дверь ногой и ворвался внутрь. И только ступив за порог, сообразил, что переживал зря. Грах не умеет стрелять...

Сейчас правитель стоял перед Ноэль, и та целилась ему в лицо. С синяком в пол-лица и заплывшим глазом она выглядела весьма грозно. С удовольствием прослушав ее гневный спич, я решил вмешаться.

— Гро!?. - вскинулась она.

— Он самый, девочка! — сказал я и откинул визор. — Опusti пистолет. Не то зацепишь меня.

Она подчинилась. Шагнув к Граху, я вытащил из ножен на его поясе меч и забросил его в угол. Правитель, конечно, ранен и у него шок, но от такого койта всегда можно ждать гадостей. Затем я метнулся к Ноэль, освободил ей ноги, после чего, сняв перчатку, приложил руку к ее опухшему лицу. Импет... Поняв, она прижалась к ладони щекой.

— Я страшно выгляжу? — спросила обеспокоенно.

— Ты самая прекрасная женщина в мире, — ответил я. — И всегда ею останешься.

Дешевый комплимент привел ее в восторг. Глаза Ноэль вспыхнули и повлажнели.

— Я думала, тебя убили...

— Он — тоже! — я ткнул пальцем в Граха. — Только я решил испортить ему удовольствие и воскрес. Мы, маги, такие. Не любим, когда нас бьют по голове.

— Мы можем договориться, — внезапно сказал Грах.

От удивления я чуть не проглотил язык. Для человека, которому почти отстрелили руку, Грах выглядел весьма бодро. Впрочем, он уже догадался

пережать правой рукой левую выше локтя и остановить кровотечение.

— Я не знал, что вы знаменитый мэтр Гро, — продолжил правитель. — Иначе бы не посмел. Трудно поверить, что великий маг появится в нашем захолустье, да еще будет жить под чужим именем. Я ошибся. В результате потерял своих воинов и город. Единственное, что у меня осталось — жизнь. Я предлагаю ее выкупить. Там в углу, — он мотнул головой, — сундуки. В них более трех тысяч золотых, главным образом, в серебре. Берите их — и мы в расчете. Это хороший выкуп.

— Возьму, — согласился я, — но как трофеей. А твою судьбу решит одна очаровательная дама. Ее зовут Нэси. Пошел!

Стволом игольника я указал на дверь. Грах повернулся и зашагал к лестнице. По высоким каменным ступеням мы поднялись наверх. Грах, несмотря на рану, ступал по ним твердо. При других обстоятельствах я проникся бы к нему уважением, но не сейчас. Господь велел нам прощать врагов, и я в состоянии забыть нанесенную мне обиду. Но Ноэль! Дело даже не в ее распухом лице. То, что собирался с ней сделать Грах, заставляло меня скрежетать зубами. Помойный койт! Блядь благородная! Потрох стикуля!..

Мы вышли на верхнюю площадку. Увидев нас, Нэси ощерилась. Грах вздрогнул и замер. Я подтолкнул его в спину.

«Это он!» — прозвучало в голове.

«Да! — отозвался я. — Он бил твою хозяйку и велел ее связать. Собирался поступить с ней плохо».

«Отойдите!» — велел голос.

Я взял Ноэль за руку и отвел в сторону. Нэси раскрыла пасть и, метнувшись вперед, мгновенно откусила Граху голову. От неожиданности я икнул. До сих пор я считал, что угроза Ноэль насчет моей головы всего лишь фигура речи. Нет, я не буду обижать мою славную принцессу — слово даю! Слышишь, Нэси!

Обезглавленное тело повалилось деревянное перекрытие площадки, пятная его кровью. Ее там, впрочем, и без того хватало. А Нэси, повернувшись к площади, ловко выплюнула голову. Та, словно футбольный мяч, описала дугу и врезалась в мостовую. Публика внизу зашлась дружным ревом. Нэси схватила труп за ногу и, изогнувшись всем телом, рывком отправила его вслед. Обезглавленный Грах летел, болтая в воздухе руками и ногами, и приземлился с грохотом — камни встретились с доспехами. Нэси проводила этот полет довольным взглядом. Услыхав рев толпы, она повернулась к нам.

«Я летела издалека, и теперь хочу есть. Ты отпускаешь меня, хозяйка?

Неподалеку в роще пасется стадо свиней. Пастуха нет».

«Лети! — услышал я ответ принцессы. — Спасибо! Ты настоящий друг!»

Нэси ощерилась. Ее улыбку можно было бы назвать приятной, если бы не кровь на клыках. Повернувшись, дига прыгнула со стены и, расправив крылья, вознеслась над городом. Ее полет публика внизу сопровождала восторженными криками.

— Идем туда? — Ноэль указала на площадь.

— Взгляни во двор! — вздохнул я. — Там бегают гинтайры. Они злы. Поэтому никто не входит в ворота. Мы тоже не сможем. Ты зря отпустила дигу.

— Значит, подождем, пока они успокоятся, — сказала Ноэль и взяла меня за руку. — У нас есть чем заняться. Грах говорил про золото, надо проверить, не врал ли? Я голодна. Еда, думаю, здесь найдется. Мы пообедаем, выпьем вина и займемся делом. Зачем терять время?

Она заглянула мне в глаза, и я понял, что наши представления о делах несколько не совпадают. Однако возражать я не стал. Картина откусываемой головы Граха все еще стояла перед моими глазами.

Глава 16

- Поздравляю тебя, братец! — сказал шут. — В Крипе бунт.
- Хм! — почесал затылок Этон. — А что Грах?
- Убит. Вместе со всеми воинами. Никто не уцелел.
- Жаль, — вздохнул король. — Грах был добрым воином.
- Жадной скотиной! — возразил Гливен. — Всего за год он сумел восстановить против себя всех в городе. Штрафы, поборы, дани... Говорил же тебе не назначать ублюдка!
- Он честно заплатил, — не согласился Этон. — Тысячу золотых.
- Для того чтобы собрать в Крипе во много раз больше.
- Такова традиция, — пожал плечами король. — Мы должны поддерживать лучшие роды.
- Чтобы у них было золото на заговоры? Мало тебе недавнего?
- Этон не ответил. Вздохнул и покачал головой.
- С чего начался бунт?
- Вот это самое интересное! — хмыкнул шут. — Грах захватил в плен твою дочь.
- Ноэль? — изумился король.
- Ее, — подтвердил шут. — Грах знал, кто она — ему об этом сказали. Но это не остановило «доброго воина», — язвительно сказал шут. — Он избил девушку и собирался ее изнасиловать.
- Помойный койт! Потрох мырха! — Этон брызнул слюной. — С него следовало содрать кожу, а после — сварить! Еще живого.
- Полностью с тобой согласен, — кивнул Гливен. — Жаль не получится. Граху откусили голову, после чего жители славного Крипа гоняли ее по улицам ногами как мяч. Другие таскали тело. После чего бранные останки сбросили в море, вместе с другими воинами Граха. Вот так горожане выразили свою любовь к назначенному тобой правителю.
- Король засопел. Хотел что-то сказать, но передумал.
- Как Ноэль оказалась в Крипе? — спросил погода.
- Прибыла вместе с Гро.
- Тем самым? — удивился король.
- Именно.
- Но?..
- Помнишь, мы гадали, кто была ренийка, с которой Гро улетел из Ремса? Теперь я знаю ответ на этот вопрос.

— Ноэль?

Шут кивнул.

— Что она дела в Ремсе?

— Искала мага.

— Для чего?

— Ей не нравилось ваше фамильное украшение.

Шут ткнул пальцем в нос короля.

— Ее можно понять, — согласился король. — Гро помог?

— Он сделал ей новый носик. Говорят, очаровательный. Правда, теперь она мало похожа на отца.

— Неважно! — махнул рукой Этон. — Ноэль с Гро отправились в Крип из Ремса?

— Сначала заглянули в Муг. К их прибытию оказалось, что город осажден. Амей с жителями заперлись в замке.

— Ренийцы? — насторожился Этон.

— Пираты.

— Мы их, вроде, вывели, — удивился король.

— Опять завелись. После войны многие воины остались не у дел. Мы распустили ополчение. Не все захотели возвращаться в свои селения. Работать отвыкли, а грабить понравилось. Они захватили корабли и решили обзавестись надежной базой. Муг подходил для этого как никакой другой порт.

— Глупо, — сказал Этон. — Мы бы выбили их опять.

— Как сказать! — усмехнулся шут. — Они неплохо придумали. Предложили князю выдать за их главаря старшую дочь. У Амея нет сыновей, и зять становился его наследником. У тебя не было бы повода начать войну. По крайней мере, сейчас.

Этон кивнул, соглашаясь.

— Ноэль с Гро прилетели в замок во время осады, — продолжил шут, — и Амей, узнав, кто прибыл с твоей дочерью, предложил Гро прогнать пиратов за долю в добыче. Гро согласился.

— Получилось? — заинтересовался король.

— Еще как! — хмыкнул шут. — Гро применил магию, ослепив и оглушив большинство пиратов. После чего воинам Амея и жителям Муга осталось их вязать. Мы получили почти тысячу каторжников — молодых и сильных. Амей продал их по сходной цене. Если б не Гро, у нас возникли бы трудности. Сам понимаешь, что это такое — ловить пиратов в море.

— Ты хорошо осведомлен, — похвалил Этон.

— Работая такая, — сказал шут. — Командир замковой стражи Муга

Слай — мой человек. Он прислал письмо.

— А с чего Гро понесло в Крип?

— Не знаю, — пожал плечами шут. — Возможно, заскучал. А, может, решил навестить знакомые места. Около года назад в Крипе появился неизвестный лекарь по имени Кап. Он плохо знал наш язык, зато хорошо лечил. Люди стояли к нему в очередь. Спустя несколько декад Кап покинул Крип, зато в Ремсе появился лекарь Гро.

— Значит, он прибыл к нам морем, — сказал Этон.

— Возможно, — кивнул Гливен, — а, может, и нет. Гро не понятен мне.

— Почему Ноэль увязалась с ним?

— Это очень легкий вопрос, — улыбнулся шут. — Помнишь, я высказал предположение, что Гро носит личину? Так и оказалось. В Муг он прибыл в истинном обличье. Слай пишет, что Гро молод и очень красив. Голубые глаза, вьющиеся волосы... К тому же он великий маг. Не удивительно, что девочка влюбилась. Такой жених!

— В Крипе он ее не защитил! — желчно сказал король.

— Ошибаешься! — возразил Гливен. — Граху удалось захватить Ноэль лишь потому, что Гро перед этим ударили по голове. Он упал, и все сочли его мертвым. После этого город и восстал. Как ни обидно это слышать, но жителей возмутил не захват твоей дочери и моей племянницы, а нападение на Гро. В Крипе его любили. Он многих исцелил, причем, с бедных не брал денег. Но Гро выжил. Более того, встал и устроил правителю и его воинам ад.

— Ну, ну? — заинтересовался король.

— Гро явился на площадь, где уже собрались жители города, организовал их и повел на приступ. Причем, провел его так, что погибших не было. С его стороны, — уточнил шут. — Сначала он убил из магического посоха стражей на стене, затем бросил внутрь замка какие-то магические камни. Воинам Граха стало худо. Они плакали и неудержимо кашляли. Магия взбесила гинтайров. Те вырвались из конюшни и принялись топтать стражу. Уцелевшие выбежали из замка и стали просить пощады. Но их убили.

— А Грах? — спросил Этон.

— Заперся в донжоне с десятком воинов. Гро на диге поднялся в небо и бросил на площадку сверху какой-то магический артефакт. Он убил воинов, а Гро высадился на донжон, пленил правителя и вывел его наверх. Там дига откусила ему голову.

— Прямо как в сказке! — усмехнулся король. — Не верится.

— У Граха служил секретарь, его зовут Блез. Очень умный и образованный молодой человек. Грах не ценил его: обижал, не слушал его советов. Поэтому Блез согласился работать на меня, — шут в свою очередь усмехнулся. — Вчера Блез прибыл в столицу. Он и рассказал, что произошло в Крипе. Все, что видел собственными глазами и слышал.

— И его не растерзали вместе с другими? — засомневался король.

— Блез спрятался в донжоне. Там его и нашли Ноэль с Гро. Убивать не стали, даже приняли службу. Я же говорил, что Блез умен.

Гливен хмыкнул.

— Кто сейчас правит в Крипе? — спросил король.

— Ноэль.

— Я думал: Гро.

— Ты недалек от истины, — согласил шут. — Формально Ноэль, на деле — Гро. Со слов Блеза он уже ввел в Крипе много новшеств.

— Ну? — заинтересовался Этон.

— Учредил должность бургомистра, — последнее слово шут выговорил с трудом. — Это глава города из местных. Его избирает магистрат, — шут вновь споткнулся на непривычном слове, — из двенадцати членов, которых выдвигают горожане. Бургомистр и магистрат отвечают за порядок в городе, контролируют качество товаров и цены на них, собирают налоги, часть которых оставляют на нужды города, остальное передают в казну.

— И много передали? — хмыкнул король.

— Блез привез две тысячи золотых.

— Сколько?!

— Я тоже не поверил, — кивнул шут. — Но в казне подтвердили: две тысячи до последнего серебряка. Недоимка за прошлый год и плата вперед за нынешний.

— Грах доносил, что Крип разорен войной, с жителей взять нечего.

— Это золото нашли в его сундуках, — вздохнул Гливен. — Теперь ты понял, кому шли твои налоги? Будешь вновь назначать правителями ворье из знатных родов?

— Успокойся! — обнял его Этон. — Обещаю: впредь ни одного назначения без твоего согласия.

— Клялся мырх не таскать мясо с кухни, — пробурчал Гливен, но на объятие ответил.

— Кого выбрали бургомистром в Крипе? — поспешил король.

— Какого-то трактирщика, — сказал шут. — Зовут Пако. Говорят, что в прошлом он служил в полку Степных лис, где был полусотником. Это у

него жили Ноэль с Гро до того, как вмешался Грах.

— И что трактирщик? Справляется? — спросил Этон.

— Блез уверяет, что вполне. Первым делом он разогнал городскую стражу и набрал новую. Теперь на улицах Крипа спокойно даже ночами. Грабителей и воров выловили и отправили на рудники.

— Неужели? — не поверил король.

— Жители помогли, — пояснил Гливен. — Прежняя стража только взятки брала, а новая занялась делом. В ней служат сплошь местные. Они знают людей, а те их. Так что с грабителями разобрались быстро. Пако навел порядок и в торговле, теперь любой купец, который вздумает необоснованно задрать цены, лишится товара. Стража следит и за его качеством. Продавца гнилья или тухлятины сажают в тюрьму, могут и вовсе изгнать из города. Улицы в Крипе не узнать. Магистрат обязал владельцев домов следить за их чистотой. Кто не справится — платит штраф, большой. Поневоле задумаешься.

— Неплохо! — согласился король.

— Гро навел порядок и с пошлинами, — продолжил шут. — Поступления от них в казну возросли в три раза.

— Ого! — воскликнул король. — Как ему удалось?

— Он приехал с Ноэль в порт. Там велел Блезу пересчитать стоимость товара, доставленного судном и только что осмотренного таможенником. Оказалось, что она занижена в три раза. Сам знаешь, как это бывает! — усмехнулся шут. — В ходе разбирательства выяснилось, что владелец судна заплатил сполна. Но таможенник занизил стоимость груза в три раза, а разницу положил себе в карман.

— Иногда мне кажется, что мы выбрали не ту работу, — сказал Этон.

— Мне — тоже! — подтвердил Гливен. — Когда все выяснилось, Ноэль приказала повесить проворовавшегося таможенника прямо в порту, а его имущество конфисковать. Что немедленно и сделали. После чего оставшиеся в живых таможенники «добровольно», — шут усмехнулся, — вернули в казну то, что оно успели присвоить за последние годы. Вышло почти пять тысяч золотых. Блез их тоже привез.

— Однако! — присвистнул король.

— Может нам отправлять Ноэль с магом и в другие города? — предложил Гливен. Семь тысяч золотых в казну! Да мы мигом разбогатеем!

— Боюсь, не получится, — покачал головой король. — В другом городе может не найтись своего Граха. Как и жителей, готовых поднять бунт.

— А ты поумнел, братец! — хмыкнул Гливен. — Мне даже не хочется

называть тебя дураком.

— После заговора любой поумнеет, — вздохнул Этон. — До сих пор не могу придти в себя. Друзья детства, росли вместе...

— У правителя не бывает друзей, — сказал шут. — Только соратники. Да и тем нельзя доверять полностью.

— И тебе? — спросил король.

— Мне можно, — ответил шут. — Я не соратник, я часть тебя. Наши жизни связаны. Умрешь ты, не станет и меня.

— Знаю, — сказал король. — Поэтому и держу возле себя. Хотя порой мне хочется тебя убить, — он засмеялся. — Ладно. Что посоветуешь насчет Крипа?

— Отдай его Ноэль.

— Я думал, ты скажешь: Гро, — удивился король.

— Что Ноэль, что Гро — без разницы, — сказал Гливен. — Или ты думаешь: твоя дочь сопровождает Гро из любви к магии? Блез рассказал, что в таверне Ноэль и маг жили в одних покоях. Гляди: вскоре станешь дедом.

— Тсс! — Этон прижал палец к губам. — Не говори этого никому. Узнают дамы... Кто захочет спать с бабушкой?

— Куда они денутся? — усмехнулся шут. — Кто посмеет отказать королю? Хотя ты прав: буду молчать. Так что отдай Крип Ноэль. Во-первых, девочка выросла, и ей давно следовало выделить в приданое достойный лен. Крип этому требованию отвечает. Не слишком велик, чтоб другие завидовали, но и не слишком малый, чтобы обидеть Ноэль. Думаю, она обрадуется.

— А как наградим Гро? Я думаю, это необходимо.

— Общение со мной идет тебе на пользу, брат! — хмыкнул шут. — Награду магу мы обсудим с ним при личной встрече.

— Вызовешь Гро в Блантон?

— Поеду в Крип.

— Не велика ли честь? — нахмурился Этон. — Моя правая рука, второй человек в королевстве едет договариваться с каким-то магом? Я признаю, что Гро оказал нам важные услуги, но не настолько большие, чтоб брат короля отправлялся к нему на поклон. Маг может потребовать слишком много.

— Не думаю, — покачал головой Гливен. — Из того, что я узнал о Гро, не похоже, что жаждет почестей и богатства. Он не требовал у тебя награды за Ремс. Любой другой на его месте уже стучал бы себя кулаком в грудь и хвалился заслугами. В Крипе он лечил бесплатно. Наши маги из

Корпорации удавятся, но не станут так делать. Почему Гро не ищет нашего расположения? Может, не намерен оставаться в Мерсии? Он прибыл издалека, и вполне может вернуться. А вот этого допустить нельзя — ни в коем случае.

— Почему? — спросил Этон.

— Скрагенкрак.

— Горное княжество? — удивился король. — Чем оно опасно? Горцы — отличные воины, но их мало. Они пытались ходить в набеги, но мы проучили их — как раз перед войной с Ренией. После этого, как обрезало. Ни одного набега.

— То-то и оно! — сказал шут.

— Объясни! — сощурился король.

— Охотно, — кивнул Гливен. — Горцы — дикий народ, для них грабить соседей — святое дело. Они занимались этим веками. Их дети растут на легендах, воспевающих отважных воинов. И вдруг они прекращают набеги, закрывают границы, не пуская к себе даже купцов. Тебе не кажется это странным?

— Хм! — сказал король.

— Несколько лет назад мне удалось внедрить в Скрагенкраке своего человека. Его мать — горянка. Ее захватили в ходе войны по приведению скрагенкракцев в чувство и увели в Мерсию. Здесь она вышла замуж и родила сына. Воспитала в горских традициях, но Мильх вырос патриотом Мерсии. Из-за этого он ссорился с матерью и пришел наниматься в армию. Мне сообщили об этом молодом человеке, и я поговорил с ним. Он согласился работать на нас. Я отправил его в княжество, дав денег. Там Мильх рассказал о матери, ее уроках, и сообщил, что всегда мечтал жить на родине. Деньги, которые он привез — наследство. Горцам понравилась его история. Они считают свое княжество центром мира и надувают щеки, если с ними соглашаешься. Мильх купил таверну неподалеку от княжеского замка, ее стал посещать гвардия. Выпив, гвардейцы развязывают языки. Мильх исправно предупреждал нас готовящихся набегов. Благодаря ему, их и удавалось отражать. После того как Скрагенкрак прервал сообщения с Мерсией, донесения поступать перестали. Мильх передавал их с купцами, а тех перестали пускать в княжество.

Шут помолчал.

— Декаду тому к посту пограничной стражи со стороны Скрагенкрака вышел человек. Он сказал, что его зовут Мильх, и у него есть донесение для Гливена. Он был ранен и обморожен. Пробирался в Мерсию горными

тропами, свалился в пропасть, сломал руку и несколько ребер, разбил голову, но все же дошел. На следующий день он умер. Лекаря не было, наши маги рвутся служить в войсках, — Гливен горько усмехнулся. — Донесение мне доставили. Вот оно!

Шут извлек из сумки скрученный в трубку пергамент и протянул Этому.

— Читай!

Король взял свиток и развернул. Поморщился, увидев бурые пятна на выделанной коже, но впился глазами в текст. По мере чтения лицо его хмурилось. Закончив, он вперил взгляд в Гливена.

— Это правда?

— Мильх точен в донесениях, — сказал шут.

— Трудно поверить. Эти стреляющие огненным зельем палки солдат, железные трубы на колесах...

— Мильх называет их «ганами» и «кэнонами», — поправил шут и забрал свиток. — Итак, брат, что мы имеем? Два года тому к князю Скрагенкрака явились неизвестные люди, которые имели с ним долгий разговор. После чего Скрагенкрак закрыл границы и стал перевооружать войско. Кузнецы у горцев всегда были отменными, поэтому быстро освоили изготовление стреляющих палок. Рецепт огненного зелья пришельцы принесли с собой. Они же начали обучать горцев новым приемам боя. Мильх пишет, что горцы более не бегут в атаку толпой, а движутся сомкнутыми рядами. Подойдя к противнику, начинают стрелять из своих «ганов». Пули, выбрасываемые зельем, легко пробивают щиты и панцири. Еще страшнее действие «кэнонов». Они просто сносят ряды противниками сотнями пуль. Мильх видел их действие на мишенях, его впечатлило. Не приходится сомневаться, что войско, вооруженное «ганами» и «кэнонами», разобьет любую противостоящую ему армию. Укрыться в городах не получится. Если «кэноны» зарядить не пулями, а чугунными шарами, они разрушат даже каменные стены. А ворота и вовсе вынесут с одного залпа. Теперь вопрос: зачем скрагенкракцы все это делают?

— Война... — севшим голосом сказал король.

— Причем с Мерсией, — кивнул шут. — Их всегда привлекали наши плодородные равнины. У самих-то хороших земель мало. Да и богатые города, которые так приятно грабить... Мильх пишет, что горцы вторгнутся в королевство в самое ближайшее время. Поэтому и спешил передать донесение.

— Но все-таки их немного, — задумчиво сказал король. — Пусть у них есть новое оружие, но численность войск имеет значение. Мильх

пишет, что горцев не более двух тысяч. У нас в десять раз больше. А если созвать ополчение... Мы понесем потери, но отобьемся.

— Согласен, — сказал шут. — И горцы это осознают. Тебя не удивляет одна вещь? После того как Скragenкрак закрыл границы, у нас вдруг вспыхнула война с Ренией. Никаких вменяемых поводов для нее не было. Мы с соседями вполне мирно жили, торговали, ты вон даже обрюхатил ренийскую княжну, — шут хмыкнул. — И вдруг кочевники взволновались. У них появилось золото и оружие.

— Ты считаешь?.. — сощурился Этон.

— Подозреваю, — вздохнул шут. — Доказательств нет. Но пойдем дальше. Не успела утихнуть эта война, как явились шида. Я узнавал: ни в одном из окружающих нас королевств, не считая Рении, ни о каких шиде слыхом не слыхивали. А здесь они есть. Учение этого самозванного пророка не похоже на культ наших богов. Совсем. Известно: ничто не появляется из ничего. Откуда тогда взялось? А вот еще. Нападение шидов на Ремс было скоординировано с заговором в Блантоне. Тебя это не удивляет, брат? Наша знать, эти чванливые стикули, презирующие чернь, вдруг объединились с беднотой, выступающей против разделения людей на благородных и простецов и проповедующей братство между людьми. Странно, не правда ли?

— Пришлые? — спросил король.

— Догадлив! — кивнул шут. — Предположить, что козопасы, ранее бегавшие по горам, сами додумаются до таких ходов, означает не уважать себя. Им помогли, и очень сильно. Можно понять, почему князь Скragenкрака так обрадовался. Он спит и видит себя на троне Мерсии. Но что нужно пришлым? Мильх видел этих людей и сообщает, что они не похожи на нас. Иначе говорят, одеваются, держатся. И у них есть какое-то страшное оружие, превосходящее по силе «кэноны». Мильх сообщает о рассказах гвардейцев, которые видели его в действии. Те были восхищены. Горный склон, по их словам, буквально кипел, камни превратились в огненную реку.

— Я счел это пустыми рассказами, — сказал Этон.

— Хотел бы я так думать, — вздохнул шут. — Но меня останавливает одна вещь. При осаде Ремса один маг бросил на шидов какие-то странные предметы. После чего шида сгорели как в кузнечном горне — даже праха не осталось. Оплавились и камни на площади.

— Гро?!

— Да, брат! — кивнул Гливен. — То, о чем пишет Мильх, совпадает с тем, что мы знаем о Гро. И он, и те неведомые пришельцы не похожи на

нас. Они владеют страшным оружием. Но есть и отличия. Мильх не пишет, что пришлые в Скрагенкраке — маги. Возможно, он этого не знал. Второе и самое главное состоит в том, что Гро выступает на нашей стороне. Он уничтожает наших врагов, хотя, думаю, делает это не целенаправленно. До сих пор он всего лишь защищался. Поэтому я хочу привлечь его на нашу сторону. Нам нужно спешить, пока Гро не перебрался куда-то еще.

— Скачи, брат! — решительно сказал Этон. — Можешь обещать Гро все. Кроме моей короны, конечно.

Он усмехнулся.

— Мне почему-то кажется, что Гро она не нужна, — ответил шут. — Как и мне.

Глава 17

Павел шагнул через порог и вскинул ладонь к фуражке.

— Товарищ генерал!..

— Вольно! — махнул рукой командующий группировкой и встал с кресла. — Проходите, владыка, присаживайтесь!

Павел последовал приглашению. Перед тем, как сесть, они с генералом обменялись рукопожатием.

— У меня для вас неприятная новость, — сказал генерал. — Пришел приказ из Москвы...

— О моем увольнении в запас? — спросил Павел. — В связи с выслугой?

— Именно! — подтвердил командующий. — Двадцать пять лет день в день — и все! На пенсию. Никто не спросил моего мнения! — он стукнул кулаком по столешнице.

— Не стоит переживать, — улыбнулся Павел. — Открою секрет: в нашей епархии так принято. Капеллан-епископ увольняется из армии немедленно, как только выслужит установленный срок.

— Почему? — удивился командующий.

— Чтобы дать возможность другим священникам сделать карьеру. У нас в отличие от строевых офицеров возможностей меньше. Достойные пастыри ждут вакансий годами. Так что все правильно.

— И все равно... — вздохнул генерал. — Ладно, я вас не за этим позвал. Приказ довели бы и в кадрах. Запись с Зоэ смотрели?

— Не один раз, — подтвердил Павел.

— Впечатления?

— Я рад за моего духовного сына. В трудной ситуации он не поддался искушению и поступил как истинный христианин.

— Это как? — заинтересовался командующий.

— Похоронил врагов и помолился за их души.

— Я бы их тоже закопал! — хмыкнул генерал. — С удовольствием. Вот ведь, сволочи! Мало того, что на Реджине устроили, так еще и на Зоэ полезли. А если б не эти аборигены? Убили бы парня!

— Господь защитил раба своего, — сказал Павел.

— Повезло! — согласился генерал. — Словом, так. Москва дала добро на спасательную экспедицию. Их запись тоже впечатлила. Амерам надо дать укорот — распоясались в край! Но информационное прикрытие

экспедиции сбросили на нас. Дескать, сами отправили человека на планету, сами и объясняйтесь. Мы не при делах.

Генерал вздохнул, но как-то неискренне.

— В чем трудность-то? — спросил Павел.

— Мы нарушили постановление ООН. На Зоэ запрещена любая деятельность. Научная, разведывательная, прогрессорская и так далее. Амеры понесут нас по кочкам.

— Это вряд ли, — сказал Павел.

— Почему? — удивился генерал.

— Я читал это постановление. Список запретов длинный и исчерпывающий. Но одного вида деятельности в нем нет.

— Какого? — удивился генерал.

— Миссионерского.

— Хотите сказать...

— Что не запрещено, нарушением не является. Люди, которые готовили этот список, не верят в Бога. Они отринули его, поклонившись золотому тельцу. Поэтому им в головы не пришло, что в наше время могут найтись подвижники, готовые с риском для жизни нести свет народам, пребывающим во тьме. Капитон — верный сын церкви. Уволенный из армии и лишенный сана, он выбрал путь просвещения язычников.

— Кх-м! — откашлялся генерал. — Вы уверены? Что выбрал?

— Чем еще объяснить желание Головатого отправиться в другой мир? — делано изумился Павел. — Я удивлюсь, если выяснится, что он не пытался. А результат... Не всегда зерно падает на добрую почву. Случается — и на камень. В земной истории понадобились века, и усилия тысяч проповедников, чтобы христианство воссияло над миром. Так и скажем.

— Может, мне все-таки обратиться в Синод? — спросил генерал. — Не хочется терять такого специалиста.

— Тот, кто сменит меня, не хуже. Достойный пастырь, офицер, принимавший участие в боевых операциях, большого ума и редкой души человек. Увидите!

— Хотелось бы верить! — вновь вздохнул генерал. — С вами мы сработались, а вот с ним... Ладно! Есть просьба. Ко мне просится американский генерал Хейли. Тот, чьего сына убил Головатый. Думаю, что причина визита — в записи. Они ее наверняка перехватили. Чего американец потребует — хрен знает. Не останетесь на разговор? Генерал будет через десять минут.

— Останусь, — кивнул Павел.

Когда Хейли вошел в кабинет командующего, он застал русского

генерала и владыку за чаепитием. На столе перед ними стояли чашки и вазочки с печеньем и конфетами.

— Проходите, генерал! — сказал хозяин кабинета. — Присоединяйтесь! Чаю? Или вы предпочитаете кофе?

— Я с официальной миссией! — отказался Хейли.

— Слушаю!

Командующий отодвинул чашку.

— Мы перехватили сигнал с Зои и просмотрели запись, — американец сделал паузу. — Мое командование и я лично возмущены. Заверяю, что десантники, отправившиеся на Зоэ, действовали по собственной инициативе. Их никто не посылал.

— Поэтому их доставил к планете военный корабль США? — спросил командующий.

— Идет следствие, — сказал американец. — Оно выяснит, как это произошло. Виновные понесут наказание.

— Даже так? — сощурился командующий.

— Обещаю! — сказал Хейли. — От лица командования приношу извинения за инцидент. В качестве компенсации за нанесенный ущерб мы отправим корабль к Зоэ для эвакуации господина Головатого на Реджин. Я лично возглавлю экспедицию.

— Спасибо, но мы сами! — хмыкнул командующий.

— Ваше право, — кивнул американец. — Но мы присоединимся. Следует доставить родственникам тела убитых американских солдат. Да, они нарушили устав, проявив самоуправство. Однако суд не признал их виновными и не лишал воинских званий. Поэтому убитых похоронят на родине соответствующими почестями.

— Их погребли по христианскому обряду, — вмешался Павел. — Предали земле, прочли молитву.

— Прошу прощения, — склонил голову Хейли, — но бывший капеллан Головатый — не священник. Поэтому молитва его частная. Мы проведем службу по полному обряду. Гробы накроют американскими флагами, которые после похорон останутся в семьях погибших. Таковы наши традиции.

— Поступайте, как знаете, — сказал командующий. — Но я удивлен вашим желанием участвовать в экспедиции. Помнится, год назад вы требовали ареста лейтенанта Головатого и предания его к суду.

— Требовал, — кивнул Хейли. — У меня были для этого основания. Ваш офицер убил моих людей. Но суд признал это самообороной. Я гражданин США, а для нас решение суда — закон.

«С каких это пор?» — хотел спросить командующий, но вовремя спохватился.

— Считайте мое участие в экспедиции как извинение за проступок моих солдат, — продолжил американец. — Более того, обещаю, что не стану поднимать вопрос о нарушении русской стороной постановления ООН о запрете высадки на закрытой для посещения планете.

— Головатый ничего не нарушал, — сказал Павел. — Он отправился на Зоэ как миссионер проповедовать Слово Божье. Это не запрещено.

— В самом деле? — удивился американец.

— Перечитайте текст постановления ООН! — предложил Павел.

— Непременно! — сказал американец и склонил голову. — Господин генерал! Полковник!

— Гуд бай! — сказал командующий.

— Ваши впечатления? — спросил он, когда американец вышел.

— Врет! — сказал Павел. — Как сивый мерин.

— Точно! — согласился командующий. — Как мерин и даже сивый. В глаза не смотрел. А от ваших слов его прямо перекосило.

— Что им надо? — постучал пальцами по столу Павел. — Не верю, что их единственное желание притащить с Зои трупы. Обходились они и без этого. Что задумали?

— На конфликт они не пойдут, — сказал командующий. — Не та ситуация. Хотят убедиться, что заберем Капитона? Это можно сделать, не покидая Реджин. Но какой-то камень за пазухой они держат.

— Меня удивило их обещание не подымать шум из-за высадки Головатого на Зоэ, — сказал Павел. — Не похоже это на амеров. Они из любого дерьма скандал раздуют. А тут явное нарушение постановления ООН. Да, мы бы отбились, но не использовать такой повод? Дело нечисто, Иван Викторович! А что если у самих рыльце в пушку?

— Вы о чем? — поднял бровь командующий и тут же хмыкнул: — Думаете?

— Как амеры узнали, что Капитон на Зоэ? — спросил Павел. — Это раз. Второе: их горячее желание лететь вместе. Мы ведь можем сунуться, куда им не хочется, узнать то, что нам не положено. Этого им допустить нельзя — ни в коем случае.

— М-да, — сказал генерал. — Как же не хочется вас терять, Павел Анатольевич! Светлая голова, прекрасные аналитические способности. Догадались вмиг.

— Хотите сказать?..

— Хочу, — кивнул генерал. — Это секрет, но вы офицер и умеете

хранить тайны. Штаб группировки зафиксировал интерес амеров к Зоэ еще два года назад. К планете послали разведывательный зонд. Он обнаружил на орбите три посторонних спутника. Зонд взломал их защиту. Все эти годы мы получали со спутников информацию. А она очень интересная. Если в двух словах: у амеров на Зоэ миссия. Тайная, естественно.

— И вы молчали?

— Нам нечего было им предъявить. Ну, спутники. Только поди, докажи, что они американские. Оознавательных знаков нет — на разведывательную аппаратуру их не ставят. С таким же успехом спутники можно признать китайскими или, скажем, корейскими. Надо искать на планете. Требовался повод для отправки на Зоэ экспедиции. И тут здорово помог ваш Капитон.

— Хотите сказать?..

— Как думаете, Павел Анатольевич, — усмехнулся генерал, — это просто — предоставить в распоряжение гражданского лица боевой бот и гору оружия? У нас это сплошь и рядом? Однако Головатый их получил.

— Он знал?

— Нет. Головатый — капеллан, а не разведчик. Штаб принял решение его не посвящать. Требовалось, чтоб он вел себя естественно. Было издано два приказа. Один — об увольнении лейтенанта в запас. Второй, секретный, о зачислении его на службу в управление специальных операций и направлении с разведывательной миссией на Зоэ. Благодаря этому, удалось снабдить лейтенанта всем необходимым. Или вы думаете, что все было куплено на деньги, собранные «укурками»?

— Но... — владыка покрутил головой. — На Зоэ опасно. Капитона могли убить.

— Он офицер! — жестко сказал командующий. — Его учили обращаться с оружием, анализировать ситуации и принимать решения. Из досье Головатого следует, что он великолепно подготовлен и обладает необходимыми качествами, чтобы выжить в сложных условиях обстановки. Такими кадрами не разбрасываются, Павел Анатольевич! Это ваш синод, чтобы выглядеть чистеньким, изверг Головатого из сана. Как будто в церкви нет священников, имеющих за плечами убитых людей. Но они служат. А вот Головатого выперли. Мы же не собираемся его терять. Поэтому в темпе был разработан план, лейтенанта оправили на Зоэ. Мы не ожидали от Головатого каких-либо свершений. Его задачей было просто уцелеть. Через год мы бы отправили миссию для эвакуации, и обнаружили бы на Зоэ амеров. Как вы понимаете, совершенно случайно, — генерал усмехнулся. — Но возник незапланированный фактор — дубиноголовый

генерал с его мстителями. Он добавил нам козырей. Москва наделила меня необходимыми полномочиями, завтра я отправляюсь к Зоэ.

— Возьмите меня! — торопливо сказал Павел.

— Сам хотел вас об этом просить, — улыбнулся командующий. — Вы опередили меня. Разумеется, Павел Анатольевич! Буду рад. Нам понадобится ваша светлая голова...

* * *

— Полетишь в Блантон, — сказал Янг.

— Зачем? — нахмурилась Лиз.

— Устранишь русского.

— Ты же запретил его трогать! — удивилась Лиз.

— Тогда это было нецелесообразно. Русский не мешал. Сидел в своем захолустье и пьянствовал. Его смерть могла вызвать расследование и раскрыть нашу миссию. Со временем он бы улетел и забыл о Зоэ. Но вышло иначе. Шид пошел к Ремсу, и это пробудило русского ото сна. Он вспомнил, чему его учили в академии, и применил современное оружие.

— Зря ты пощадил Шида! — фыркнула Лиз. — Вот кого следовало убить. Я бы сделала это с удовольствием.

— Шид, конечно, мерзавец, — сказал Янг, — но он нужен. Вернее, его люди. Кто поведет их к Блантону, если Шида не станет? Ты?

— Все равно он мразь! — не согласилась Лиз. — Я видела, что его подонки делают с женщинами.

— Наша работа не предполагает сотрудничество с порядочными людьми, — сказал Янг. — Специфика службы. Благородные люди не воюют против своей страны. Приходится привлекать отребье. Тебе ли это не знать? В утешение могу предложить убить Шида после захвата Мерсии.

— Я запомню! — сказала Лиз.

Янг пожал плечами, как бы говоря: «Да, пожалуйста!»

— Кстати, почему в Блантон лечу я? — спросила Лиз. — А Билл?

— Он командует армией. До вторжения считанные дни. Биллу даже спать некогда. К тому же он всего лишь военный специалист. У него нет навыков вживания в среду. В Блантоне он привлечет к себе ненужное внимание и не сумеет подобраться к русскому. Ты же полевой агент с отменной репутацией. Двенадцать подтвержденных ликвидаций, из них три — на Зоэ. Кто, если не ты?

— Это в самом деле необходимо, Дик? — вздохнула Лиз.

— Разумеется. Из Лэнгли пришел прямой приказ. Рассуди сама. После Ремса русский отправился в Муг, где помог местному князьку снять осаду. Муг нам не интересен, но русский вновь засветил земное оружие. Затем он отправился в Крип, где возглавил мятеж против местного наместника. Того свергли и убили — вместе со всеми воинами.

Лиз присвистнула.

— Именно так! — подтвердил Янг.

— И это сойдет ему с рук?

— Почему бы и нет? Наместников у короля Мерсии много, а вот такой пришелец один. Король Этон не настолько умен, чтобы это понять, но у него есть Гливен.

— Никак не привыкну, что шут может быть правой рукой монарха, — сказала Лиз.

— На Земле случалось, — возразил Янг. — Так что ничего не обычного. Если б не Гливен, мы имели бы в Блантоне дружественное правительство. Шут хитер. Я думаю, что он давно ищет человека, отстоявшего Ремс. Русскому предложат все, кроме короны, конечно. Он согласится — такие предложения бывают раз в жизни. А это ставит под угрозу наш план. Русский окончил военную академию и знает историю войн. Для него пушки и аркебузы не станут неожиданностью. Он придумает, что им противопоставить, да и земное оружие может применить. Допустить этого нельзя.

— Понятно! — вздохнула Лиз.

— Не переживай! — подмигнул Янг. — Возьмем Мерсию, станешь королевой. Насколько я знаю, князь предлагал.

— Выйти замуж за козопаса? — фыркнула Лиз. — Ты это серьезно, Дик?

— Почему и нет?

— От него несет, как из помойки! Он же не моется, как и его люди.

— Научишь! — усмехнулся Янг.

— Козлы обучению не поддаются. Они для этого слишком тупы.

— Ты излишне придирчива к нашим союзникам, — заметил Янг.

— Ох, Дик — вздохнула Лиз. — Если б я знала два года назад, во что ввязываюсь! Мне напели, что это необыкновенно интересная миссия. Что никому ранее из «СиЭйАй» не доводилось работать в Средневековье. Нас ждут рыцари, турниры и благородные дамы. А что на деле? Нищая страна, где даже правящая верхушка живет в грязи. Благородные рыцари на самом деле козлы, у которых в жизни всего три устремления: выпить, пожрать и потрахаться. Читать они не умеют, писать — тоже. Учиться не хотят. И они

не моются! Их возлюбленные им под стать. Тупые, вонючие животные, не умеющие связать двух слов. И ты предлагаешь мне жить в стаде? Да как только завершится контракт...

— Все, все! — Янг поднял руки. — Я пошутил, Лиз! Хотя, конечно, иметь подле короля своего человека.... - он вздохнул. — Ты вольна поступать, как хочешь. Более того. Это тебе.

Он выложил на стол мешочек из мягкой кожи. Лиз взяла его и распустила ремешок, стягивавший горловину. На ладонь выпал камень величиной с куриное яйцо.

— Что это? Сапфир?

— Алмаз, — сказал Янг.

— Такой большой? Голубого цвета?

— Здесь обнаружилось месторождение, — улыбнулся Янг. — Пока россыпь, но кимберлитовая трубка наверняка есть. Алмазы здесь не ценят — слишком твердые. Даже сделать кабошоны стоит большого труда. Гранить здесь тем более не умеют, так что отдают дешево. Голубой алмаз да еще такой чистоты на Земле — редкость. Продать можно за пять-шесть миллионов. Если огранить, то в пять раз дороже. Деньги на огранку найдешь?

— Дик!.. — потрясенно сказала Лиз.

— В Лэнгли закроют глаза, — продолжил Янг. — Алмазы этому поспособствуют. Вернешься состоятельной женщиной. Купишь дом, яхту, флаер последней модели... — он усмехнулся. — Как тебе предложение, Лиз?

— Принято! — ответила женщина, спрятав мешочек. — Я не забуду этого, Дик!

— Не стоит! — махнул рукой Янг. — Я умею ценить людей. Ты умная, умелая, решительная. Из всех, с кем мне довелось работать, лучшая. Верю, что и в этот раз справишься.

— Когда вылетать? — спросила Лиз.

— Ночью. Флаер доставит тебя на побережье. Там есть небольшой порт, куда прибывают тирранские корабли. Хозяин таверны у въезда в город — наш человек. Скажешь ему пароль и передашь это, — Янг выложил на стол кожаный мешок. В нем негромко звякнул металл. — С помощью хозяина найдешь людей, которые составят твою свиту. Благородные женщины не путешествуют в одиночку. В Блантоне выдашь себя за княжну или графиню из Тирраны. Как, кстати, это по-местному?

— Орихайя и нокса.

— Я же говорил, что ты лучшая, — улыбнулся Янг. — С титулом

определишься сама. Хоть герцогиня Кембриджская. В Мерсии плохо знают Тиррану — слишком далеко. По прибытии в Блантон представишься ко двору. Там найдешь русского. Дальше яд или нож.

— Зачем так сложно — сморщила носик Лиз. — Подкараулить его с винтовкой — и все дела. Быстро и эффективно.

— Ни в коем случае! — покрутил головой Янг. — Русский должен умереть аутентично. Сюда летит их корабль. Русские захотят осмотреть тело. Найдя пулевое ранение, сделают вывод...

— Они и так начнут следствие.

— Вместе с русскими летит корабль США. Заявленная причина — эвакуация тел десантников. На самом деле — присмотреть за русскими. Они засвидетельствуют, что клиент умер от рук местных. Даже если смерть свяжут с тобой, искать в Тирране какую-то орихайю... — Янг хмыкнул. — Во-первых, не найдут. Во-вторых, они сами отправили человека в мир, полный опасностей. К моменту появления кораблей Мерсия будет нашей. Война, смена династии... Здесь будет такой хаос, что не разобраться. Думаю, русские даже высаживаться не захотят.

— Умеешь ты разрабатывать операции, — сказала Лиз.

— Поэтому и здесь, — улыбнулся Янг. — И поспеши, Лиз. Мы готовы. Но я не могу начать вторжение, пока русский жив...

Глава 18

Практику после второго курса мы проходили в отдаленных епархиях.

— Армейщины вы нахлебаетесь на службе, — сказал куратор в ответ на наши удивленные взгляды. — А пока посмотрите, как окормляют паству сельские батюшки. И постарайтесь перенять...

Так я отправился на юг России, где попал к настоятелю Преображенского храма отцу Игорю. Храм и настоятель мне понравились. Церковь Преображения Господня, небольшая, но богато изукрашенная, сияла, как начищенная к строевому смотру пряжка курсантского ремня. Батюшка был статен, громогласен и отличался армейской выправкой. В епархии меня просветили, что он из капелланов. Отслужил 25 лет, вышел на пенсию и принял под свое попечение сельский храм. На пенсионера отец Игорь не походил. Моложавый, стройный, с едва тронутыми сединой черными волосами он нравился прихожанкам, которые так и вились подле него. Служба в храме шла образцово. Слаженно пел хор, дьяк с чувством читал ектенью, а отец Игорь обращался к пастве с душевной проповедью. Меня поразило отсутствие в храме свечной лавки. Свечи, крестики и иконки лежали стопками на столе в притворе, и каждый брал себе из них по надобности. Здесь же стоял ящик для пожертвований, куда прихожане бросали купюры или же прикладывали к терминалу коммуникаторы, переводя деньги с банковских счетов. Никто не контролировал этот процесс, никаких цен на церковный товар выставлено не было. Тем не менее, ящик к концу службы был полон, а банковский счет храма очевидно не пустовал. Об этом свидетельствовал внешний вид церкви, сытый вид клира и уютный дом настоятеля, обставленный по последнему слову техники.

Настоятель принял меня радушно: поселил в собственном доме, напоил и накормил. В первый день моего пребывания в гостях мы с отцом Игорем набрались до изумления. Утром оба страдали от похмелья. Настоятель предложил поправить здоровье у реки. Службу в храме в тот день вел другой священник. Стояла жара. Мы скинули одежду, и развалились на песке, потягивая пиво из запотевших бутылок. Их отец Игорь ловко извлекал из переносного холодильника. Когда боль из голов ушла, батюшка предложил перекинуться в карты. Он дважды сорвал банк, когда к нашему казино выбрела бабка в белом платочке.

— Батюшка! — всплеснула она руками. — В карты играете! Да еще

заголившись? Грех это!

— Цыц, старая! — рывкнул отец Игорь. — Прокляну!

Бабку словно волной смыло.

— Православная ведьма, — ответил батюшка на мой изумленный взгляд. — По молодости отжигают во все тяжкие, крутят романы, а, выйдя в тираж, бегут в церковь. Исповедуются пару раз, причастятся и начинают мнить себя правовернее патриарха. Командуют в церкви, шпыняют прихожан, указывая им, как себя вести. Я их гоняю, но они не унимаются. Даже пастыря пытаются строить, — он усмехнулся. — А веры у самих не на грош. Видел, как дернула? Проклятие батюшки для них — это ой-ой-ой! Суеверы! — отец Игорь сплюнул.

Настоятель не только пил и играл в карты. В его доме жила женщина и две девочки десяти и четырнадцати лет. Младшая как две капли воды походила на настоятеля. В тоже время я знал, что отец Игорь несет пастырское служение на целибате! Выяснить подробности я остерегся. Тем более что меня буквально запрягли. В приходе подвизались три священника, службы шли каждый день, и я помогал в каждой. Участвовал и в требах. Мы крестили, венчали, освящали дома и машины — все, что желали благочестивые прихожане. К концу практики я мог без труда отслужить литургию, окрестить или обвенчать. Разумеется, мне этого не позволяли — сана-то нет. Но знания и навыки появились.

У старшей из дочерей сожительницы настоятеля оказалось витилиго. Девочка из-за этого страдала. Ей нельзя было загорать — кожа, лишенная пигмента, мгновенно обгорала. На улице Настя не снимала шляпку. Белые пятна на ее лице были видны даже на незагорелой коже. Витилиго — болезнь не опасная, косметический недостаток, не более. Мужчины, особенно зрелые, не обращают на него внимания. А вот женщины... Тем более подросток, начавшей ощущать себя девушкой.

Подумав, я связался с отцом. В нашей клинике витилиго лечили, но я этим не занимался. Отец выслушал и рассказал, что делать.

— Ничего сложного, Кап! — сказал на прощание. — Справишься.

Отец Игорь мое предложение встретил настороженно.

— В каких только клиниках мы не бывали! — сказал сердито. — И везде без толку. Лечат в Германии, но там цены...

— Я сын Эриха Куглера, — сказал я. — С пятнадцати лет практиковал под его руководством.

У отца Игоря отпала челюсть. Мне пришлось показать ему семейные фотографии. Дальше — просто. Я дал Насте импет, и уже через пару дней белые пятна на ее лице стали темнеть. Через неделю кожа стала

одинакового цвета. Настя сменила шляпку на платочек. Ее лицо покрыл ровный, здоровый загар.

Когда эффект стал налицо, отец Игорь позвал меня к себе.

— Денег, как я понимаю, не возьмешь? — спросил, усадив меня за стол.

— Нет, — подтвердил я.

— Тогда я буду за тебя молиться, — сказал он. — Каждый день. Включу в личный поминальник. Про Машу и говорить нечего. Она рвалась руки тебе целовать, но я запретил — напугала бы. Ты даже не представляешь, что сделал! Маша — вдова. Покойный муж — офицер, служил в части, которую я окормлял. После его гибели я взял Машу и Настеньку на попечение. Маша — сирота, идти было некуда. И вот так оно и срослось, — отец Игорь вздохнул. — Когда понял, что жить без нее не могу, пошел к владыке. Собирался сан снять. Жениться на вдове, как сам знаешь, священнику нельзя, — он помолчал. — Владыка сан снимать запретил. Сказал: «Коли любите друг друга, то живите вместе. Господь заповедовал нам любовь. Ему не важны наши церковные установления, он веры взыскует. У вас обеих она есть. А грех отмолите. Не так он и велик в глазах Господа...»

Отец Игорь плеснул в бокалы коньяк, мы выпили.

— Все у нас было хорошо, — продолжил он, поставив бокал. — Катенька родилась, мне после выхода отставку приход дали. Настеньку я удочерил, девочки носят мою фамилию. В поселке не знают, что я на целибате. Машу считают матушкой. А тут витилиго... Маша взяла себе в голову, что это наказание за наш грех. Спать со мной перестала. Стала ездить по монастырям, мощам кланяться. Сколько не говорил, что это всего лишь болезнь, не слушала. Уйти от меня собралась. Все рушилось. Я стал молить Господа ниспослать нам чудо, и Он его явил.

Наверное, лицо у меня вытянулось, поскольку отец Игорь улыбнулся.

— Думаешь, случайность?

Я кивнул.

— В епархии знали, что ты сын Куглера?

— Вряд ли, — сказал я. — Это и в академии мало кто знал.

— Вот! — поднял указательный палец отец Игорь. — Предположим, что все ж знали, хоть это и невероятно, и умышленно направили тебя ко мне. Но тогда возникает вопрос: кто привел в академию сына Куглера? Кто наделил его даром целительства? А еще — доброй и бескорыстной душой. Держи! — отец Игорь протянул мне крестик. — Это из Храма Гроба Господня в Иерусалиме. Я был там, наблюдал сошествие благодатного

огня. У меня было пять таких крестиков, и я их освятил. Один сам ношу, три — у моих домочадцев, этот держал на случай рождения сына. Не дал мне его Господь. Хотя... Если что не задастся у тебя, Капитон, то знай: тебе здесь рады.

— Спасибо! — сказал я, принимая крестик.

— И еще, — продолжил отец Игорь. — Мы все в руце Божьей, но часто не понимаем этого. Бог посылает нам испытания, а мы начинаем роптать. Знаешь, как я переживал, когда принял решение снять сан? Ночи не спал. Душа болела. Я любил Машеньку и хотел быть с ней, но и священство желал сохранить. Думал, что совместить невозможно. Оказалось все просто. Теперь нам и с Настенькой помогли. Запомни, Капитон! Если жизнь ударит тебя, не спеши жаловаться и падать духом. Господь этого не любит. Попытайся понять, чего Он хочет, и не противься Ему. И тогда путь разъяснится.

Одному бывшему капеллану понадобилось дать дубиной по голове, чтобы он это осознал...

* * *

Дядюшка прискакал на седьмой день. С учетом расстояния до Блантона — очень спешил. Он даже не выслал вперед гонца, чтобы предупредить о приезде, как здесь принято. Возможно, пытался застать нас врасплох. Но это зря. Крошечный беспилотник, заимствованный мной у амеров, давно следил за дорогой из Блантона. Батарей ему хватало на весь световой день, с темнотой дрон возвращался к донжону, где я его подзаряжал. Ночных визитов я не опасался — вечером городские ворота закрывают. Начнут ломиться — всех переполошат.

Беспилотник подал сигнал вовремя. Увеличив картинку, я разглядел на дороге кавалькаду. На сюрко всадников красовался корр — местный орел с мечом в когтях. Этот герб я знал. В Крип поспешал оэрх Гливен собственной персоной. Шут его величества короля, его сводный брат и правая рука.

Когда гинтайры загрохотали копытами по камням площади, гостей ждали. Ворота замка распахнуты, стража в начищенных доспехах изображает почетный караул, а впереди застыла Ноэль в роскошном платье и с золотым кубком в руках. Платье и кубок нашлись в трофеях — там много чего обнаружилось. За спиной принцессы маячил человек в короткой куртке и свободных штанах, заправленных в сапоги. Ткань одежды

простая, в какую одеваются простолюдины. В бархате здесь ходит знать. Вот и пусть парится! Мэтру Гро и полотно из местного льна — оно называется «тэк» — сойдет. По летнему времени самое то.

Гливен соскочил за замлю и по-журавлиному зашагал к нам. Как многие горбуны, он был сложен непропорционально. Длинные ноги, короткое туловище и могучие руки до колен. Еще у Гливена было лицо воина, тронутая сединой борода и пронзительный взгляд карих глаз. На шута дядюшка походил, как наш инструктор по боевой подготовке, на хрупкую балерину.

— Счастлива видеть тебя, дядюшка! — поклонилась Ноэль и протянула кубок. — Выпей с дороги!

Шут, не чинясь, взял кубок, опорожнил, после чего поцеловал племянницу. Кубок сунул подбежавшему воину. Почетному гостю достается посуда, из которой он пьет. Обычай. Весьма накладный для принимающей стороны, если подумать. Но в наших торофеях кубков много.

— Как же ты повзрослела, племянница! — заговорил дядюшка, отступив на шаг. — Красавица! Вся в мать! Даже лучше.

Ноэль засмушалась. Дядюшка сыпал комплиментами, при этом внимательно поглядывая в мою сторону. Не нужно быть прорицателем, чтобы понять, к кому он так торопился. Я прикинулся ветошью. И даже изобразил смущение, ковырнув носком сапога булыжник. А че? Тут родственники общаются, а мы не местные...

— Представь меня своему спутнику, Ноэль! — наконец не выдержал Гливен.

— Ой! — спохватилась девушка. — Прости, дядюшка. Это мэтр Гро. А это...

— Оэрх Гливен Ноэзский, брат короля, — сказал я, выступая вперед. Инициативу следовало перехватить. — Раз видеть вас, ваше высочество!

— Светлость, — поправил шут. — Я бастард.

Он протянул мне руку ладонью вниз. Простолюдина милостиво допустили к руке. Ага, счаз! Только губы вытру.

Гливен, видимо, прочитал это в моих глазах. Он усмехнулся и убрал руку.

— Надо поговорить, племянница!

— Конечно! — встрепелась Ноэль. — Прошу!

Ноэль с Гливенот отправились в донжон, а я занялся размещением его свиты. Всадников следовало накормить, гинтайров — обиходить. Покрикивая на слуг, которые метались, как наскипидаренные, я поглядывал

на окна донжона. Беседа с племянницей затягивалась. Ясен пень почему. Гливен вытягивает из Ноэль все, что она знает о Гро. Исходя из полученной информации, делает предложение. Догадываюсь, какое, прогнозировалось. Со дня, как мы взяли замок.

После расправы с Грахом мы отправились искать еду. В кладовой обнаружили Блеза. Секретарь правителя там прятался. Увидав нас, Блез грохнулся на колени и запричитал:

— Не убивайте меня, мэтр! Я не причастен к похищению госпожи и нападению на вас. Я уговаривал Граха не делать этого, но он не слушал. Пощадите!

— Еда здесь есть? — перебил я.

— Да! — обрадовался секретарь, сообразив, что убийство откладывается. — Но она для воинов. Господину готовили на кухне, она во дворе. В донжоне хранят только то, что не портится. Окорки, вино, сыр... Еще сухари. Мне сбегать на кухню?

— Во дворе гинтайры, — сказал я. — Они надышались газа, поэтому очень злые. Стопчут в миг. Давай, что есть!

Блез сервировал стол с космической скоростью, после чего исчез. Мы набросились на еду. Ветчина оказалась славной, сыр — съедобным, а сухари... Если зубы в наличии, грызть можно. Или размочить в вине. Чем мы с Ноэль и занялись. Для большего удобства она переместилась ко мне на колени, и мы кормили друг друга размоченными сухарями, закусывая это дело поцелуями. А потом и вовсе бросили есть — поцелуи оказались слаще. В разгар этого занятия в гостиной возник Блез.

— Чего? — разозлился я.

— Гинтайры в конюшне, — доложил Блез. — Стоят в денниках. Слуги навешивают дверь. К вечеру будет готово.

— В замке есть слуги? — удивился я. — Не видел.

— Спрятались в кухне, — пояснил секретарь.

— Как ты справился с гинтайрами?

— Пьянка.

— Что?

— Это такой плод, — сообщила Ноэль. — Гинтайры его любят. Поев, становятся сонными и послушными.

— В кладовой был запас, — добавил Блез.

Я глянул на Ноэль. Если знала про пьянку, почему молчала? Ноэль сделала вид, что не при делах. При этом прижалась ко мне крепче.

— Во дворе — люди, — сообщил Блез. — Они ждут вас, мэтр, и ее высочество.

— Не видишь, мы кушаем! — буркнул я.

— Я им это сказал, — вздохнул Блез. — Но они настаивают. На площади устанавливают столы, из харчевен несут еду и вино. Собираются праздновать победу. Я бы советовал вам, мэтр, и вам, госпожа, выйти. Нужно успокоить народ. В Крипе не стало власти. Если не вмешаться, пойдут грабежи, затем — пожары. Его величеству не понравится.

— А то, что мы грохнули Граха с его людьми? — поинтересовался я.

— Это можно объяснить. Я подскажу, как.

— Парень набивается службу, — сказал я Ноэль.

— А мы и возьмем! — заявила она, прыгнув с моих колен. — Идем, Гро! Блез говорит дело.

Толпа встретила нас криками. Блез представил Ноэль, что вызвало у горожан небывалый энтузиазм. Тот факт, среди них жила принцесса, пусть даже незаконнорожденная, привел всех в восторг. Толпа принялась выкрикивать здравицы, затем подхватила Ноэль на руки и понесла к столу. Меня оттерли. Помог Блез. Кое-как перекричав толпу, он напомнил собравшимся про великого мага, верного паладина принцессы, отстоявшего ее честь в схватке с правителем. Толпа принялась кричать здравицы мне, затем оттащила к Ноэль. Принцесса поблагодарила подданных, выступивших в ее защиту, пообещала льготы и послабления. Это часть речи была воспринята с особым восторгом. После чего Ноэль перевела стрелки, заявив, что от ее имени в Крипе будет править Гро. Слушать его следует беспрекословно. А кто не станет, пусть вспомнит судьбу правителя.

Затем была пьянка и танцы. Даже я плясал. Ноэль вытащила в круг Пако. Огромный трактирщик топтался возле девушки, как слон рядом с газелью. Выглядел он при этом весьма довольным.

Назавтра пришли будни. Мы с Пако выстраивали городскую вертикаль, изгоняли ленивых и карали провинившихся. Ноэль принимала горячее участие. Править ей нравилось. Вскоре Блез повез в Блантон золото, а затем прискакал дядюшка...

Меня позвали наверх, когда воины поели. В гостиную был сервирован стол, Ноэль сидела во главе, дядюшка разместился справа. Я устроился по левую руку. Вбежали слуги. Аппетитные ароматы наполнили комнату, вызвав обильное слюноотделение. Обед приготовил Пако. По этому случаю он даже оставил на время обязанности бургомистра. Гливен принялся и вытащил из ножен кинжал. Спустя пару секунд он уже грыз ребрышки, сдирая зубами мясо с костей. Я последовал его примеру. Ноэль задумчиво ковыряла в тарелке. Лицо ее горело. Непростым, видно, выдался разговор с дядюшкой!

В том, что она поведала ему все, я не сомневался. Не беда — мне даже лучше. Не нужно вновь рассказывать. Ноэль не удивилась, что я с другой планеты. Средневековому человеку любой пришелец все равно что инопланетянин. Когда Колумб привез в Европу индейцев, Другой цвет кожи, лица, одежда... Индейцев даже не сочли за людей. А тут человек как человек. Одна голова, пара рук и ног, глаз тоже два. Разве что цвет у них редкий.

Покончив с едой, Гливен выпил вина и ополоснул руки в поданном слугой тазике.

— Покажи, как ты убила шидов! — попросил Ноэль.

Началось... Ноэль сбегала в спальню и притащила «кольт». Дядюшка протянул руку. Ноэль вытащила из пистолета обойму, передернула затвор, проверяя не остался ли патрон в патроннике, и только затем протянула «кольт» Гливену. Молодец! Уроки не прошли даром.

Гливен взял оружие и взвесил его в руке.

— Такой маленький?

— Пуля из «кольта» пробьет доспех на расстоянии пятидесяти шагов, — сказал я.

— Магия?

— Отнюдь. Вот! — я вытащил из обоймы патрон и поставил его на донце. — Внутри — огненное зелье. Капсюль поджигает заряд, тот выталкивает пулю, и она с большой скоростью покидает ствол. В магазине семь пуль. Если метко стрелять — семь трупов. Сменил магазин — и стреляй вновь. Это оружие, сделанное людьми.

— Понятно, — сказал шут. — У вас много таких, мэтр?

— Единственный экземпляр.

— Здесь сделать можно?

— Не получится.

— Почему?

— Смотрите! — я взял в пальцы патрон. — Здесь полая гильза. Стенки тонкие, но прочные. Внутри точная навеска огненного зелья. Оно сильнее вашего и горит без дыма. В донце — капсюль. Когда по нему ударяет боек, порох вспыхивает. На первый взгляд просто. Но в моем мире патрон изготавливают машины — от начала и до конца. Здесь таких нет. Вручную долго. Но трудность даже не в том. Нужен новый состав зелья и воспламеняющий состав для капсюля. Чтобы их сделать, требуется химическая промышленность. Здесь ее нет. А теперь сам пистолет, — я взял «кольт» и разбросал его на части. — Присмотритесь и оцените точность обработки деталей. Они взаимозаменяемы. То есть можно взять

два пистолета, разобрать, перемешать детали и собрать вновь. Пистолеты будут стрелять. Но вы не сумеете их сделать.

— В Скрагенкраке смогли, — сказал шут.

— Что? — изумился я.

— Мой человек донес, что у них есть стреляющие огнем палки и трубы на колесах, которые выбрасывают картечь и ядра. Горцы зовут их «ганы» и «кэноны». Вам знакомы эти слова?

Я кивнул.

— Сделать оружие горцам помогли пришлые. Знаете их?

Я покрутил головой.

— Как они сделали «ганы»?

— Сковали, — я собрал «кольт», зарядил пистолет и отдал хозяйке. Работа руками помогла собраться. — Думаю, это аркебузы с фитильными замками. Такие можно сковать в кузнице. «Кэноны» — отлить. Это примитивное оружие. Заряжать долго, стреляет недалеко. Но войско, неготовое к его воздействию, потерпит поражение. В первый раз.

— Второго может не быть. Скрагенкрак готовит вторжение. Оно начнется совсем скоро. И я опасаюсь, что мы не устоим.

Он замолчал и стал гонять по столу хлебные крошки. Затем поднял голову.

— Но еще более беспокоят меня, мэтр, эти пришлые. Кто они?

— Люди с моей планеты.

— Зачем они здесь?

— Чтобы захватить Мерсию.

— Для чего?

— Им нужна ваша страна. Города, земли и то, что в них.

— Понятно, — сказал шут. — Но я не понимаю одного. Мой человек донес, что у пришлых есть страшное оружие. Оно плавит камни. Тогда зачем Скрагенкрак? Они могли сжечь наше войско сами. Я прав?

— Да, — сказал я. — Но победить в сражении — полдела. Захваченную страну нужно удержать. Требуются воины, много. Привезти их сюда нельзя.

— Почему?

— Это нельзя скрыть. Если заметят, захватчику будет худо. Колонизировать вашу планету запрещено. Амеры действуют исподтишка.

— Амеры?

— Так их зовут. Они жадные и подлые. Любят действовать чужими руками. Не соблюдают договора, стравливают народы, устраивают перевороты... При этом говорят, что несут свободу. Это ложь. Их цель —

богатство. Если они захватят Мерсию, на трон окажется их король. Он будет делать все, что ему скажут. Попробует возражать — убьют и заменят другим.

Гливен задумался.

— Амеры тебе враги?

— Они прилетали меня убить.

— Ноэль рассказала, — кивнул дядюшка. — Амеры знают о тебе?

— Наверное, да, — сказал я. — У них должны быть спутники. Это небесные глаза, наблюдающие за планетой. Вряд ли от них скрылось мое прибытие.

— Почему они не тронули тебя?

— Наверное, не мешал. Жил тихо, не подозревая об их планах. Думаю, это люди из ЦРУ. Эта организация занимается тайными операциями. Те, что прилетали меня убить, другие. Они воины. Год назад они напали на нас, и я убил нескольких их друзей. Они прилетели мстить. Сомневаюсь, что они знали тайну Скрагенкрака. Амеров много, неудивительно, что одна рука не знала, что делает другая.

— Возможно, — сказал шут. — Хочу спросить: ты с нами? Поможешь?

— Как?

— Ноэль говорит: у тебя есть корабль. Он летает по небу и несет грозное оружие. Убей горцев!

— Не дадут.

— Кто?

— Амеры. Они настороже. Их небесный глаз следит за Мерсией. У них наверняка есть корабль. Скорее всего — боевой флаер. Мой бот ему не соперник. По сравнению с флаером — мышь против мырха.

— Значит, отказываешься?

Я промолчал. Гливен сидел насупленный. Вот гадский дядя! Сейчас даст приказ, и меня закуют. Бросят в подвал и начнут пытать. Я коснулся рукояти игольника. Не факт, что отобьюсь. Да и не хочется, если честно. В Мерсии мне худого не делали, наоборот. Приняли, приютили. Когда Грах напал на меня, Крип восстал. Опять же Ноэль. Ишь, смотрит с укоризной! Но и я не вру. Непременно собьют. Не сразу, так после вмешательства. Скрыть этого не удастся. Амеры подымут хай. Скажут, что русские хотели захватить Зоэ. Переводить стрелки они мастера. Международный скандал, отстранение России от космических программ... Друзья плюнут на мою могилу. Что делать? Научить местных воевать? Мысль здравая, но этого не достаточно. Потери будут огромными. Перегнать бот тайком и превратить его в дот? Глупо. Во-первых, дот можно обойти. Во-вторых, едва бот себя

обозначит, американцы подымут флаер. Дадут ракетой издалека — и рыдай матери!

Я перевел взгляд в окно, открытое по случаю жары. С моего места был виден угол донжона с закрепленной на нем водосточной трубой. Здесь их умеют делать. Устанавливают в богатых домах. Не избежал поветрия и донжон. Ну, да, башня высокая, наверху площадка, в дождь ее заливает водой. Через сливные отверстия вода хлещет вниз, а это неприятно... Хм! А это мысль.

— Я кое-что придумал, — сказал я. — Но потребуется помощь.

— Все, что угодно, мэтр! — оживился шут. — Я уполномочен его величеством на любые действия. Кроме того, мне поручено предложить вам любой титул из имеющихся в королевстве. Земли, золото, дворец в столице. Чего желаете?

— Вернуться в Ремс, — сказал я. — Поселиться в своем доме и жить там, пока за мной прилетят. А земли и титулы отдайте Ноэль.

— Не нужно! — насупилась девушка. — Я тоже — в Ремс! Мне нравится твой дом! Шиды его не тронули?

— Цел и невредим, — сказал шут. — Ждет хозяев. Хотите а Ремс, поезжайте туда. Но потом. Сначала выиграем войну. В противном случае титулы будут раздавать другие. Что требуется, мэтр?

— Для начала — тихое и уединенное место вблизи столицы. Охрана, которая перекроет к нему подходы. Умелые кузницы и плотники, умеющие держать язык за зубами. Пока все.

— Есть такое место! — кивнул Гливен. — Это мое загородное имение. Лес, луга, озеро. Тысячи хорхов отличной земли. Имение охраняется. В страже я уверен. Из Блантона ко мне не ездят, отучил.

— Тогда определимся с дальнейшими действиями, — сказал я...

Глава 19

Два стикуля, запряженные парой, подтащили к подножию холма повозку. К ней бросились ожидавшие ее воины. Подбежав, они вытащили из повозки и стали устанавливать большие треноги с желобами, окованными медью. Затем загрузили в них остроголовые медные цилиндры с ввинченными в донца длинными деревянными шестами.

— Что это, мэтр? — спросил Этон.

— Ракеты, Ваше Величество, — сообщил я.

— И что они будут делать?

— Сейчас увидите.

Гливен бросил на меня сердитый взгляд. Я прикинулся пиджаком. Перебьются. Начнешь говорить, потребуют подробности. А у меня глотка и без того саднит. Накричался с утра, готовя показательные испытания.

Король усмехнулся и кивнул. Тем временем повозка укатила. Фейерверкеры закончили установку ракет и зажгли фитили. Встав у станков, посмотрели на нас.

— Разрешите, Ваше Величество?

— Давай! — махнул рукой Этон.

Я дал знак фейерверкерам. Те поднесли фитили к стопинам. Пыхнуло, зашипело, загремело, и ракеты, волоча за собой дымные хвосты, устремились к вершине холма, где стройными рядами расположились установление заранее чучела. Дымные хвосты воткнулись в землю, продолжая испускать пороховой дым. Но спустя пару секунд там засверкало, и встали клубы разрывов.

— Ого! — по-детски воскликнул король. — Что это, мэтр?

— Огненное зелье, ваше величество. И шарики свинца внутри.

— Я хочу посмотреть! — воскликнул Этон.

К нему подвели гинтайра. Король вскочил в седло и поскакал вверх по склону. Следом — так же верхами — устремились Гливен и стража. Я пошел пешком. Полкилометра не бог весть какое расстояние.

Когда я вззошел наверх, король с братом бродили между разбросанными чучелами. Над некоторыми они склонялись, рассматривая. Мое появление заметили не сразу.

— Это великолепно! — воскликнул Этон, разглядев меня. — Замечательно! Будь здесь воины, многие лежали бы мертвыми. Я ждал чего-то необыкновенного, но вам, мэтр, удалось меня удивить. Брат

говорит, что ваши ракеты изготовили его ремесленники. Это так?

— Да, ваше величество! — подтвердил я. А король-то не глуп: сразу ухватил основное. Улетит Гро или задержится, но технология изготовления ракет случае останется.

— Всем выдать по десять золотых! — велел Этон Гливену. — И повысить жалованье вдвое.

Тот кивнул.

— А вы, мэтр, с этой минуты — оэрх.

— Благодарю, Ваше Величество! — поклонился я.

— Единственное... — король бросил взгляд на подножие холма. — Всего-то семьсот шагов. «Кэноны» Скрагенкрака, как говорит брат, бросают ядра на две тысячи.

— Скорее на полторы, — возразил я. — Две тысячи шагов из отлитой пушки ядро не пролетит. Для большей дальности нужно высверливать канал ствола и изготовить ядро точно по диаметру. Здесь этого не умеют. Но пусть даже так. Сегодня мы запускали ракеты вверх по склону, они вошли в землю на восходящей траектории. Оттого и сработали не сразу. На ровном месте они летят за три тысячи шагов.

Король глянул на Гливена. Шут подтвердил:

— Проверено, брат!

— Мэтр! — Этон шагнул ко мне и крепко обнял. От неожиданности я охнул. Король засмеялся и разжал руки. — Простите, оэрх! С того дня, как брат сообщил мне о «кэнонах», я плохо сплю. Как подумаю, что мой трон сядет какой-то горец... Меня и семью убьют, подданных превратят в рабов... Сегодня я перестал тревожиться. Благодарю, вас, Гро. Учтите, титул — только начало. Победим горцев — и милости мои будут безграничны.

Я мысленно хмыкнул. Жить захочешь — и не такое пообещаешь. Другой вопрос, захотят ли потом обещания выполнять. Я вежливо поклонился.

— Завтра жду вас во дворце. Надо представить двору дочь, заодно — и вас, оэрх.

— Ваше Величество... — начал я, но Этон перебил меня.

— Никаких возражений, Гро! Не то обижусь.

Стражник подвел ему гинтайра. Король забрался в седло и поскакал вниз. Охрана устремилась следом.

— В этом весь брат, — сказал, подходя, Гливен. — Обожает церемонии. Придется ехать.

— Надеюсь, он промолчит о ракетах, — буркнул я.

— Титул дарован за спасение Ремса, — успокоил шут. — Я сам готовил указ. Боишься шпионов?

— Боюсь. Тем более что они здесь есть.

— Усилю стражу. А ты надень под камзол панцирь.

— Бронежилет, — поправил я...

Мысль сделать ракеты пришла мне в голову при взгляде на водосточную трубу. Обустривая дом в Ремсе, я столкнулся с этим изобретением местных мастеров. Оказалось, что они получали жечь, катая медь на жерновах, затянутых в стальные бандажы. Получившуюся полосу сворачивали в трубку, используя оправку. Продольный шов заклепывали. Получалось не идеально, но прочно. Осталось малое. Приклепать к отрезку трубы верхнее донце, запрессовать внутрь пороховую мякоть, в которой высверлить конус для истечения газов, закрыть нижним донцем с отверстиями, завальцевать, ввернуть шест-стабилизатор — и получим ракету Засядько, изобретенную боевым генералом еще в первой четверти девятнадцатого века. Информация об этом нашлась в читалке. Улетая на Зоэ, я закачал в нее целую библиотеку. Станок для пуска я тоже позаимствовал у генерала. В целом — примитивное устройство, но для этого времени — вундервафля. Основной трудностью для меня стали не корпус и станок — с этим справились быстро, а состав пороховой смеси, толкающей ракету. Для предотвращения взрыва в нее, как я вычитал, добавляли больше угля. Но в какой пропорции? Состав подбирли опытным путем. Трудности были и с запрессовкой. Справились. Мастера у Гливена оказались рукастые, так что ракеты мы получили. Почему амеры в Скагенкраке до них не додумались, я недоумевал. Все проще, чем лить пушки. Понимание пришло позже. Амеров растят на постулате, что все лучше в мире придумано ими. А в девятнадцатом веке ракет у них не было. В гражданскую войну они пуляли из пушек. «Катюшу» и Nebelwerfe опять-таки придумали в Европе. Ну, и ладно. Им же хуже.

— Едем обедать! — предложил Гливен.

Я с удовольствием согласился. Ко мне подвели стикуля, мы затрусили к поместью. Ехать было недалеко. Полигон располагался неподалеку. Спустя четверть часа мы въезжали в ворота. Дядя Ноэль жил просто. В большом доме, который язык не поворачивался назвать дворцом, отсутствовали церемонии, принятые при дворе. Это было следствием молодых лет шута. Он рос в бедной семье, нередко его дневной рацион составлял ломоть хлеба и кружка воды. Гливен сам рассказал мне это. Когда Этон взошел на трон, он нашел брата. Других близких родственников у короля не осталось. Гливен был горбуном, и его определили в шуты.

Шутить над уродом — в обычаях этого времени. Гливен не обижался. Острый ум позволил ему оценить шанс. К тому же должность шута при дворе была влиятельной. Довольно скоро горбун стал близким советником короля, оттеснив прежних друзей. Не всем это понравилось. Три дуэли со смертельным исходом утихомирили завистников. Фехтовал Гливен отменно. Для бедного дворянина меч — способ добычи пропитания. С шутотом стали считаться, искать с ним дружбы. Отцы знатных семейств предлагали ему дочерей в жены. Но шут удивил всех, избрав девушку из обедневшей семьи. В отличие от знатных невест она полюбила горбуна, и тот это оценил. В результате у Гливена появился дом, где его любили и ждали. Это не замедлили подтвердить три девочки, выбежавшие нам навстречу. Они окружили отца и стали к нему ластиться. Гливен подхватил младших и понес в столовую. Старшая шла рядом, вцепившись в пояс отца. Я ощутил острый укол зависти. Некогда меня так встречали сестры. Они любили старшего брата, как и я их. Сейчас девочки уже большие. Тоня с Катей — студентки, Ната заканчивает школу. У всех — дар. В последний наш разговор с отцом, он сообщил, что Тоня, возможно, возглавит клинику. У нее дар целителя и организаторские способности...

Воспоминания привели меня в минорное настроение. Это заметили. За столом разговаривали мало, даже дети притихли. После трапезы Гливен пригласил меня в парк. Он окружал дом с трех сторон. Посыпанные песком аллеи, аккуратно подстриженные кусты, клумбы... Здесь уже начали формировать ландшафты. Правда, редко. В городах я парков не встречал. А клумба в Ремсе была только у меня...

Мы выбрались на лужок и сели на скамью. Стайка ярких птиц вспорхнула при нашем появлении и, рассевшись по веткам, возмущенно застрекотала. Нехорошие двуногие помешали им искать вкусных червячков. Шут улыбнулся и глянул с хитрецей.

— Не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а Отец наш Небесный питает их.

Я мысленно вздохнул. Гливен в ударном темпе изучал Евангелие. Удивительно, но из всего, что есть в моем мире, шута заинтересовало не оружие, и даже не система государственной власти, а религия. Вечерами, когда я, уставший, приползал из мастерских, он доставал меня вопросами. Мне это надоело, и я вручил Гливену ридер с самолично переведенным на мерсийский текст Евангелия от Матфея (надо ж было чем заниматься тоскливыми вечерами), предварительно показав, как гаджетом пользоваться. Гливен тут же запряг Блеза, и тот переписал текст на пергамент — книгопечатания в этом мире еще не изобрели. После чего шут

вернул мне ридер и засел за изучение. В принципе я его понимал. Язычество в Мерсии, как и в окружающих странах, выглядело убого. Культ десятка богов, которым приносят жертвы. Хорошо, что не человеческие. Захотел красоты — поклонился Ноэль (богине, а не моей спутнице). Нужна удача в торговых делах — тащи барашка Готэ. Собираешься воевать — веди стикуля в храм Ремеда. Жрец зарежет животное и пообещает содействие богов. Клиент получит надежду, семья жреца — мясо. Единого пантеона богов здесь нет, в каждой местности выделяют своих и поклоняются по-своему. Понятно, что христианство с его стройной системой верования смотрелось на этом фоне как монумент. Так оно римских богов затоптало, что говорить про местных?

— Расскажи мне о Троице!

— Что именно?

— Как Бог может быть един по существу и троичен в лицах?

А чего полегче нельзя? Догмат о Святой Троице богословами считается непостижимым для человеческого рассудка, отец Павел Флоренский называл его «крестом для человеческой мысли». Умеет шут задавать вопросы! И что ответить?

Пошарив взглядом по траве, я заметил аналог нашего клевера. Только у здешнего три листика. Наклонившись, сорвал.

— Это одно растение?

— Да! — согласился шут.

— А листиков у него три. Если один сорвать, растение не останется прежним?

Гливен кивнул.

— Так и Троица. Она едина и неразделима.

— Умеешь ты объяснять, Гро! — уважительно сказал шут.

Мысленный вздох. Слышал бы это наш преподаватель по богословию! Он приходил на лекции с тростью и пускал ее в ход, вбивая в курсантские головы основы христианства. Символически, конечно. Бить не бил, только обозначал удар. Но мне сейчас бы врезал...

— Хочу попросить тебя, — сказал Гливен. — Проведи для нас богослужение.

— Я не священник.

— Так и я не христианин, — сощурился шут. — Семья хочет посмотреть, как вы молитесь. Ноэль тоже интересно. Покажи!

Удивительно, но предложение мне понравилось. От него пахло домом. Непередаваемой атмосферой храма, в которой смешались дух ладана, мягкий — масла и запах жарко горящих свечей. Почему бы не показать?

Это не служба, а демонстрация. Синод, ясное дело, не одобрил бы, но что мне сейчас синод? Я извергнут из сана.

— И еще, — добавил Гливен. — Ты умеешь сохранять куски жизни. Это, как его... видео. Сними службу и нас на ней.

— Зачем?

— Ты дашь мне планшет, и я кое-кому это покажу.

После минутного размышления я пожал плечами. Да ради Бога!

Литургия началась спустя полчаса. Вернее, ее демонстрация. Литургию не служат в такое время и при таких обстоятельствах. Например, с полным желудком. Но я увлекся. Накатило. Как давно я не стоял перед паствой! И пусть Гливен с семьей, Ноэль, а также набившиеся в комнату слуги не христиане, но служил я от души. Произносил ектинью, пел тропари, читал «Верую» и «Отче наш». Мне внимали. Естественно, не крестились. Пусть... Я даже приготовил Святые Дары. Вино, хлеб, серебряная чаша... Вздыхаю ее на над головой. К моему удивлению, Гливен подходит, скрестив на груди руки. После минутного колебания причащаю его. Вернее, изображаю причастие. Я не священник, мои дары не действительны. Следом подходит жена Гливена, милая, пухлая женщина лет тридцати. Вкладываю ей в рот ложку вина с кусочком хлеба. Она кланяется и отходит. Передо мной возникает Ноэль. Да что они, сговорились? Я «причащаю» детей, затем — слуг. По их лицам видно, что церемония им нравится. Что я делаю? А, ладно...

Служба завершена. Снимаю камеры, иду к себе. Включаю планшет, сбрасываю на него записи, монтирую видео. Вышло неплохо. Я выгляжу солидно. Гливен принес мне мантию, какие здесь носят маги. Она похожа на рясу. Нательный крест отца Игоря я вытащил наружу. Он маленький, но серебро хорошо смотрится поверх черной материи. Вывожу значок фильма на рабочий стол, звонком вызываю слугу и велю отнести планшет Гливену. Пусть любит. Слуга бережно, как хрустальный бокал, принимает планшет и выходит. Я стаскиваю мантию и вешаю ее на крючок — не пригодится более. Некому их носить. Корпорация распущена, лицензии магов объявлены недействительными. Гливен, узнав о попытке моего отравления, пришел в ярость. Что он говорил королю, мне не известно, но Этон подписали указ. Бывшим магам предложили вступить в армию и лечить воинов. Многие согласились. Кушать-то хочется...

Стук в дверь. Открываю — Ноэль. Она быстро обнимает меня и дышит в ухо. Затем отстраняется и смотрит в глаза.

— Ты сегодня грустный.

— Вспомнил дом, — говорю со вздохом. — Мать, отца, сестер. Я по

ним очень скучаю.

— И я по своим, — кивает Ноэль. — Посидим?

Киваю. Это у нас отношения такие в последнее время — сидеть рядом. Взяться за руки и молчать. После поцелуев в донжоне Ноэль стала меня стесняться. Не узнать девочку, предлагавшую мне минет. Хотя этого слова здесь не знают, как и сам процесс. Возможно, благородными практикуется, рассказал же кто-то Ноэль? Однако в борделях используют только две позы: женщина на четвереньках или на спине. Сверху — уже разврат. С ренийцами наоборот. У них женщина на спине — верх разврата, а вот сверху — самое то. Объединить две практики не получается. Мне, впрочем, и такое не светит. Ноэль не подпускает ко мне женщин. Приходит в ярость, если заметит кого рядом. Ко мне приставлен слуга, хотя женщин в доме Гливена много.

С Ноэль мне хорошо — даже сидеть и молчать. Она умная и искренняя. В этом похожа на Аню. Внешне они разные, разве что фигуры схожи. Крепкие плечи, узкая талия, округлые бедра. Ну, и грудь... Никогда не понимал интереса мужчин к анорексичным моделям. Что в них может быть красивого, кроме одежды, конечно? Ноэль сильная и очень красивая. На Земле бы сделала блестящую карьеру — на телевидении или в кино. Ноэль удивительно телегенична, на экране выглядит лучше, чем в жизни. Хотя, куда красивее? Как мне с ней быть? Взять с собой? Не разрешат, это к гадалке не ходи. Аборигенку на Землю? А документы? У нее даже свидетельства о рождении не имеется по причине их полного отсутствия в местном обществе. Да и Ноэль не рвется со мной. Здесь у нее мать, сестры, папаша вон нарисовался. А мои родные живут на Земле. Я скучаю по ним, но что делать? Вернувшись, я потеряю Ноэль. Что получу взамен? Целлюлитных теток, с которых нужно согнать жир? Оплывшие физиономии, подгоняемые под модный стандарт? На Земле человек с даром не спасает людей. С этим справляются обычные врачи. А вот за желание стать красивым люди готовы платить. Из-за этого наша семья богата. Деньги у меня будут. И что? Я сумею купить за них любовь? То обожание, с каким на меня смотрит эта девочка?

Ноэль кладет мне голову на плечо.

— Почему ты не женился?

Это она с чего?

— Священнику трудно найти жену.

— Почему?

— По правилам невеста должна быть девственницей.

— У вас их нет?

От удивления она даже отодвинулась. Смотрит в глаза.

— Есть, но мало.

— Почему?

— Потому что в школах преподают основы секса, — говорю раздраженно. (В России такого нет, но я учился в Германии). — Детям становится любопытно, и они пробуют. Годам к пятнадцати девственниц практически не остается. Многие входят во вкус, начинают менять любовников. К замужеству многие женщины успевают переспать с не одним десятком мужчин.

— И вы на таких женитесь?!

— Других-то нет. Да и мужчины не лучше. Бегают от женщины к женщине. Поэтому все делают вид, что это нормально.

— Пф-ф!

Пожимаю плечами.

— А из тех девственниц, что были, почему не взял?

— Не нравились.

— Почему?

— Противные!

Ноэль смеется.

— Многие из них дочери священников. Они знают, что нам трудно найти жену. Набивают себе цену. Капризные, своенравные... Женишься на такой — наплачешься. А священнику разводиться нельзя — теряет сан, а с ним и службу.

— Правда?

Киваю. В этом мире разводы есть. Язычество этому не препятствует — как и на Земле когда-то. Можно заводить нескольких жен — если в состоянии их прокормить. Правда, в знатных семьях это случается редко. Не по моральным причинам. Благородный дон может спать со служанками, иметь любовниц, но жена только одна. Причина в титулах и имуществе. Наследовать должен законный отпрыск. Брак в этом обществе — союз интересов, а не сердец. Если обстоятельства изменились, скажем, родня жены попала в опалу, муж потребует развод, и получит его. Как и жена в аналогичных обстоятельствах.

— Дядя сказал: отец одобрит наш брак. Ты теперь оэрх.

Так вот все к чему!

— Давай вернемся к этому позже.

— Я тебе не нравлюсь?

Глаза влажные, лоб насупленный.

— Нравишься. Но ты же знаешь...

- Тебе не обязательно улетать!
- У меня на Земле родственники.
- Я буду твоей семьей! И наши дети.

Это если появятся. На Зоэ живут люди, внешне похожие на нас. Различий я не заметил. Но это не значит, что мы совместимые — исследований не было. Детей я хочу. Я вырос в большой семье — у Куглеров принято рожать много. У меня три родных сестры и более двадцати двоюродных. С братьями, конечно.

— Нам нужно выиграть войну, Ноэль. Когда прилетят наши, я поговорю о нашем будущем. Возможно, договоримся.

— Обещаешь?

— Клянусь!

Теплые губы касаются моих губ, затем — щеки, носа...

— Я очень люблю тебя, Гро! Очень, очень...

Ноэль вскакивает и вихрем вылетает из комнаты. Встаю, выхожу следом. Нужно наведаться в мастерские. Технология там отлажена и вмешательства не требует, но присмотреть стоит. Все же порох. Я вынес из мастерской все железо, работники ходят в суконных чунях. Нет ничего способного вызвать искру. Но понятие «человеческий фактор» никто не отменял. Вдруг вздумают устроить пьянку? Им же жалованье повысили. Напьются и вздумают зажечь фонарь... Сколько пороховых заводов в моем мире взлетало на воздух! Нет уж. Нам победить надо...

Глава 20

Королевский дворец, мягко говоря, не впечатлял. В жанре фэнтези, который так любит эпоху Средневековья, авторы изображают величественные дворцы, сложенные из монументальных плит, подогнанных так, что не видно швов; изукрашенные башенками, балкончиками, висячими мостами, стрельчатыми окнами с витражами и прочими красотами. Поскольку ничего подобного в земном Средневековье не водилось — не умели в то время так строить, возведение дворцов в книгах приписывают таинственным Древним, могучим магам или трудолюбивым гномам. Ни первых, ни вторых, ни третьих на Зоэ не наблюдалось. Поэтому дворец Этона напоминал огромный кирпич с крышей. Стены из тесанных каменных блоков на известковом растворе, простые, витражные окна из осколков цветного стекла, вставленных в свинцовые перемычки, двускатная кровля, крытая позеленевшими листьями меди. Из всех украшений — вывешенные из окон над входом длинные флаги с многочисленными гербами.

Наша карета, запряженная парой стикулей, остановилась у крыльца, я выскочил и подал руку Ноэль. Больше некому — лакеи на запятках здесь не ездят. Прибыли мы без охраны: Гливен сказал, что это лишнее — в Блантоне спокойно. На всякий пожарный я захватил игольник, спрятанный в кобуре под мышкой, Ноэль сунула в сумочку «кольт». Мы поднялись по ступенькам и вошли в распахнутую дверь. Никто нас не остановил. Террористических атак в этом мире не знают. Одежда из дорогих тканей, оружие на поясе и горделивый вид заменяют пропуска. Во-первых, наряды дороги, простецам не по карману. Во-вторых, если купец или, не дай бог, простолюдин, вырядится в шелка, наказание последует суровое — каторга в лучшем случае. Могут и повесить.

Тронный зал не радовал взгляд. Длинный и слишком узкий для такого размера, он походил на конюшню. Стены, правда, обиты шелком, пол из гладких каменных плит, скорей всего, уложенных прямо на землю, потолок из потемневших деревянных панелей. В зале толпились придворные. На нас с Ноэль не обратили внимания. Очередные провинциалы, прибывшие глянуть на короля и, возможно, чего-то у него попросить. Здесь таких полно.

К пустовавшему трону было не протолкаться — гуще всего просители толпились там. Я отвел Ноэль в сторону. Спутница явно нервничала.

Горящее краской лицо, испуганные глаза...

— Все будет хорошо! — сказал я и взял ее за руку. — Ты пришла к отцу.

— У него есть жена, — вздохнула она. — Говорят, очень ревнивая.

— Дядюшка защитит, — утешил я. Она попыталась что-то сказать, но ей помешал рев трубы. Герольд узких облегающих штанах двух цветов — зеленого и желтого, в куртке, составленный из таких же ромбов и в малиновом берете с пером на голове вышел на середину притихшего зала и торжественно объявил:

— Его королевское величество Этон Второй!

Придворные подались к стенам. Мужчины сняли головные уборы, женщины присели. Мы с Ноэль последовали их примеру. В широко распахнутые двери зала бодрым шагом вошел Этон. Его сопровождала пухлая, разряженная женщина (как я догадался, жена), следом поспешало трое мальчиков в возрасте от семи до четырнадцати лет, если судить по внешнему виду. Лица детей ясно указывали на принадлежность к венценосной семье. Носы у мальчишек — длинные, с заметной горбинкой. Папенькины...

Этон с семьей прошли к возвышению в конце зала, где стоял трон, и поднялись на него. Король уселся, семья встала по обочь — жена с левой, мальчики с правой стороны. Этон взглянул в зал и довольно улыбнулся. Я догадался, что ему здесь все нравится. Трон, на котором восседает, склоненные головы придворных, а также смиренные просьбы, которые сейчас воспоследует. А их величество будет судить и рядить...

Откуда-то с боку выскочил Гливен. На шуте был колпак с бубенчиками, разноцветные, как у герольда, штаны и куртка. Но если у первого сочетание цветов было строгим, то одеяние Гливена напоминало лоскутное одеяло — настолько яркими и безвкусными выглядели эти нашлапки. В руке Гливен держал колокольчик, в который он немедленно позвонил.

— Всем тихо! — завопил визгливо. — Петушок сел на свой любимый насест. Сейчас кукарекает!

— Не петушок, а петух, — поправил Этон, растягивая рот в улыбке.

— Ну, да, — согласился шут. — У тебя же есть курочка и цыпочки.

Придворные вокруг заулыбались.

— Мои цыпочки — петушки, — хмыкнул король. — А вот у тебя — сплошь курочки.

— От курочек больше пользы, — возразил шут. — Они яйца несут.

— Зато петушки их топчут, — усмехнулся король.

Зал загоготал. Мужчины ржали, закидывая головы назад, женщины повизгивали. Было видно, что смеются от души. Лишь мы с Ноэль не поддались общему веселью. Ноэль — потому, что волновалась, а я не оценил местный юмор.

Шут зазвонил в колокольчик. Смех стал стихать.

— И все ж, есть курочки, — сказал Гливен, — которые злым петушкам отрывают головы. Одна из них сейчас в зале.

Этон кивнул, и шут отскочил в сторону. Из толпы вылез герольд.

— Благородная Ноэль, дочь орехайи Муга!

Я заметил, как перекосилось лицо жены короля. Наверняка знает, кто у Ноэль отец. Но герольд этого не упомянул, хотя по местным правилам обязан. Явно проинструктировали.

— Иди! — подтолкнул я задрожавшую спутницу.

Ноэль пробралась вперед и осторожно пошла к трону. Придворные разглядывали ее во все глаза. Ноэль приблизилась к помосту. Подскочивший шут подал ей руку и помог ей взойти. Король встал. Шагнув к девушке, он положил ей руки на плечи и развернул лицом к залу.

— Благородная Ноэль жила в союзном нам княжестве. Муг — беспокойное место, поэтому моя до...

Шут прозвонил в колокольчик.

— Гостья, — поправился король, — научилась владеть оружием и летать на диге.

По залу пробежал ропот. Придворные крутили головами, поглядывая на соседей, будто вопрошая: не ослышались ли? Диг в Мерсии нет, хотя одна все же появилась: Нэси живет в поместье. Ей выделили рощу, озеро и стадо овец на лужку. Нэси проводит дни в неге. Купается в озере, обсыхает на травке, присматривая за пасущимися овцами. Их попытки покинуть лужок пресекаются жестко. Ослушница идет на ужин. Такая жизнь Нэси нравится. Еще бы! Я б тоже так жил. «Чому я не сокил, чому не летаю?..»

— Благородная Ноэль, — продолжал Этон, — помогла королевским войскам отстоять Ремс. С ее помощью Муг разбил осадивших город пиратов. Тем самым Ноэль оказала содействие Мерсии. Отстояв княжество, она направилась в Крип, где уничтожила пробравшихся туда шидов.

Зал слушал, затаив дыхание. То, о чем говорил сейчас король, никаким боком не вписывалось в привычные этому обществу каноны. Девушка-воин? На Ноэль смотрели во все глаза. Почувствовав взгляды, она приосанилась. В роскошном платье, шитом золотыми нитями, в ожерелье из голубых сапфиров, которое шло к ее глазам, и с такими же серьгами в ушах — подарок дядюшки, она выглядела удивительно привлекательной.

— Но нашелся изменник... — король сделал трагическую паузу. — Правитель, чье имя недостойно упоминания, напал на Ноэль и захватил ее в плен. Он хотел над ней надругаться.

Зал разом вздохнул.

— Но тут возмутились подданные, — довольно сказал король. — Они восстали и захватили замок изменника. Воинов перебили, а предателю дига откусила голову.

Придворные ахнули.

— Но есть не стала, — выскочил шут. — Выплюнула. Изменники — они невкусные.

— Если предварительно не поджарить, — поддержал король. — Желательно — в кипящем масле. Жаль не успели.

Зал грохнул. Придворные ржали, как лошади из моего мира. М-да, юмор тут... Шут прозвонил в колокольчик. Смех стих.

— Власть в городе перешла к Ноэль, — продолжил король. — И она быстро выяснила, чем занимался изменник в Крипе. А именно: обкрадывал королевство. Семь тысяч уворованных им золотых монет привезли из Крипа в казну.

По залу пронесся чуть слышный стон. Семь тысяч — огромная сумма. Можно купить поместье — и не одно.

— За то, что Ноэль помогла трону я, Этон Второй, дарую ей титул орехайи и Крип в наследственное владение. Я правильно поступил, высокородные оэрхи и орехайи?

Зал потонул в криках. Приборные наперебой орали, что король прав, и только он с его бесконечной мудростью и непознаваемой справедливостью смог столь правильно оценить заслуги. Этон с удовольствием внимал славословиям. Это продолжалось долго, пока шут вновь зазвонил в колокольчик.

— Наша курочка хороша, — сказал он сварливо. — Но ей помогал петушок.

— Ты прав, дурак! — кивнул король. — Я как раз собирался об этом сказать. Мэтр Гро!

Словно ветер прошелестел по залу. Придворные стали оглядываться. Похоже, обо мне здесь слышали. Раздвинув соседей, я выбрался на проход и пошел к трону. На меня глядели во все глаза. Я вспрыгнул на помост и стал рядом с Ноэль.

— Вы все слышали, — сказал король, — о великом маге, который сжег шидов в Ремсе. Он перед вами, высокородные!

Придворные подались вперед. Меня буквально пронзали взглядами.

— Мэтр прибыл к нам год назад и стал лекарем гарнизона Ремса.

— Потому что шарлатаны, считавшие себя магами, не позволили ему лечить в Блантоне, — влез шут.

— Их за это и распустили, — кивнул король. — А вот Ремсу повезло. Мэтр Гро оказался чудным лекарем. Однажды разом вылечил двадцать воинов.

Изумленный вздох прошелестел по залу.

— Но это что, — продолжил король. — Мэтр оказался великим магом. Когда к Ремсу пришли шиды, Гро сжег их осадные машины, метнув пламя с башни. Однако изменник Грат открыл шидам ворота. Но им не удалось овладеть городом. Гро с Ноэль сели на дигу и сбросили на шидов огонь. Многие сгорели, другие бежали в панике. Ноэль с Гро полетели в Муг. Там Гро нагнал слепоту на подступивших к замку пиратов, после чего воины княжества легко взяли их в плен. В Крипе Гро руководил восставшими против изменника подданными. В замке предателя было сорок воинов. Гро перебил всех, сохранив жизни моим подданным. Как думаете, мэтр достоин награды?

— Да! — завопил зал. Король довольно кивнул.

— Я жалую Гро титул оэрха. Земли он сам выберет из предложенного списка.

По залу прошелестел стон. По лицам придворных было заметно, что они тоже не прочь выбрать. Желательно по паре наименований.

— Оэрх, орехайя! — кивнул нам король. — Займите достойное вам место.

Он указал на зал. Я взял Ноэль за руку и свел ее с помоста. Мы прошли в конец зала, где нас обступили придворные. Меня ловко оттерли. Ноэль окружили мужчины, меня взяли в осаду дамы. Все ясно. В королевстве появились завидные жених и невеста. А вот нафиг, нафиг!

— Высокородные орехайи, — поклонился я окружившим меня дамам. — У меня для вас грустная новость. Я помолвлен.

— Что это значит? — удивилась одна из дам — толстая и с багровым лицом. «Пьет много, — сообразил я, — а помолвки они не знают».

— У меня есть невеста, — пояснил я. — Чистое и нежное существо, не способное обидеть муху. Я ее очень люблю. Но еще больше — земли, которые дали ей в приданое.

— А, может, мы богаче? — не сдалась дама.

— Его величество так не думает, — сообщил я.

Лица дам поскучнели — с королем не поспоришь. Окружение стало рассасываться, я вознамерился выручать Ноэль, как меня тронули за руку. Я

обернулся. Передо мной стояла дама лет тридцати, явно нездешняя. У местных женщин лица вытянутые, носы длинные, губы тонкие. Фигуры обманчиво хрупкие. Плечи узкие, руки изящные, а вот низ широкий, бедра массивные. Лечили, видели. У ренийцев наоборот: лица широкие, а фигуры худощавые. Ноэль вобрала в себя лучшее из двух рас. Ну, и мы помогли... У незнакомки лицо было овальным, носик аккуратный, скулы высокие, щеки слегка впалые. Стандарт западной красоты в моем мире. Как это чудо оказалось здесь? Видимо, разглядывание затянулось, потому что дама не выдержала.

— Мэтр?

— Вообще-то оэрх, — сказал я.

— Простите! — она сделала книксен. — Меня зовут Марон, я нокса из Тирраны...

«Говорит с акцентом, — заметил я. — Не врет».

— Прибыла в Блантон в поисках лекаря. Наши ни на что не годны, — она сморщила носик. — Но и здесь мне не помогли. Его Величество верно сказал: шарлатаны. Вы великий маг...

— К сожалению, у меня мало времени.

— Умоляю! — она сложила руки перед собой. — Это не займет много времени. Вот! — она достала из лифа мешочек, распустила завязки и вытряхнула на ладонь камень. — Это голубой алмаз. Добывают только в Тирране. Исцелите меня — и он ваш!

Я посмотрел в сторону. Из-за спин придворных было видно покрасневшее лицо Ноэль. Похоже, что милую засыпают комплиментами. Ладно, не съедят...

— Что с вами?

— Не здесь, — она потупилась. — Это женское. Неподалеку есть комната...

— Идем! — вздохнул я.

Марон подхватила меня под локоть, и мы вышли в просторный коридор. Я шагал широко, спутница семенила рядом. Встречные придворные одаряли нас любопытными взглядами. Ходить под ручку здесь не принято. В Тирране существует такой обычай? Ничего не знаю об этой стране. Только то, что она за морем...

Марон подвела меня к не приметной двери в конце коридора и потянула за ручку.

— Входите, оэрх!

Я шагнул внутрь. Небольшая комната с одним окном. Обстановка скромная: кровать, стол, сундук в углу и пара стульев.

— Его величество любезно выделил мне эту комнату, — зашебетала Марон, закрывая за нами двери и запирая их на засов. — Здесь, конечно, тесно, зато я во дворце. Присядьте, оэрх, я сейчас.

— Так что с вами? — буркнул я, опускаясь на стул.

— Язва! — вздохнула Марон. — Да еще в таком месте... Появилась давно и никак не проходит. Чего только не пробовала! Из-за этого, как вы понимаете, у меня трудности с мужчинами. Сейчас сниму платье и покажу. Отвернитесь!

Я хмыкнул и сел лицом к двери. Странный народ женщины. Показывать будут сокровенное, а вот смотреть, как раздевается, нельзя.

За моей спиной прошелестели шаги, и в тот же миг в шею словно кольнул комар. Я дернул рукой, но опоздал — на шее уже ничего не было. В следующий миг она одеревенела, а голова стала тяжелеть.

— Посмотри на меня! — передо мной встала Моран. — Скажи что-нибудь!

«Кто ты?» — хотел спросить я, но язык не подчинился.

— Подействовало! — удовлетворенно сказала она. — Хотя вы и не сумели задать вопрос, мэтр, — последнее слово она произнесла с иронией, — но я отвечу. Это яд, — она показала зажатый в пальцах крохотный тюбик с иглой. — Действует мгновенно. Сначала наступает паралич тела, затем отказывают внутренние органы. Последним останавливается сердце. Это скоро.

Она усмехнулась и небрежно бросила тюбик на пол. «Она говорит по-английски, — вдруг сообразил я. — Американка...»

— Вы, наверное, хотите спросить, зачем? Вы враг, господин Головатый, а врагов принято уничтожать. Сидели б тихо и остались бы жить. Но вы влезли в не свое дело. Мы два года готовили эту операцию, а из-за вас не могли ее начать. Теперь препятствие устранено. Прощайте! Я помолюсь за вас.

Она двинулась к двери, но в ту вдруг постучали.

— Гро! Открой!

Я узнал голос Ноэль.

— Черт! — прошипела американка и выхватила откуда-то из платья игольник. — Ревнивая дура!

— Открой!

В дверь заколотили кулаком, а после ударили чем-то тяжелым. Похоже, рукоятью кинжала.

— Их там может быть много, — проворчала отравительница и метнулась к раскрытому окну. Судя по всему, увиденное ее устроило.

Заскочив на подоконник, она скользнула вниз. «Первый этаж», — успел вспомнить я. А дальше наступила тьма...

* * *

Алый язычок пламени вздрагивал и трепетал. Он словно манил подойти ближе. Это и есть свет в конце туннеля? Тот, о котором рассказывали люди, пережившие клиническую смерть? Какой-то он тусклый, да и не тянет к нему. Я приподнял голову. Глаза освоились с полумраком, и я разглядел стол. На нем покоился подсвечник с одинокой свечой. Она догорала, и пламя, цепляясь за оплывшие края, подрагивало и шипело. Я присмотрелся и различил за столом Ноэль. Она спала, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки. Воздух в комнате был душный, пахло растопленным воском и потом. Мертвые запахов не ощущают, следовательно, я жив. Почему? Яд не подействовал? Вряд ли. Американцы барахла не держат. Следовательно, меня спасли. Кто? Ноэль, больше никому. После того как маг пытался меня отравить, она не расстается с антидотом. Носит его с собой, даже в дворец взяла. Значит, успела. Но яд проник в тело, организму пришлось бороться. Это заняло время — за окном ночь. Тело болит, слабость — обычное следствие отравления.

Я пошевелился.

— Мэтр?

Передо мной возникло лицо. Короткая борода, нос с горбинкой. Гливен?

— Как вы себя чувствуете?

— Счас скажу! — сказал я, садясь и осматриваясь. Возле кровати обнаружился стул. Значит, шут дежурил у моей постели. Трогательно. Судя по обстановке, я находился в комнате лже-ноксы. Меня только сняли со стула и переложили на кровать. — Как я себя чувствую, оэрх? Меня будто засунули в мешок и пинали ногами. Не могу только понять: за что?

— Шутите, значит, живой! — ухмыльнулся шут. — Вы нас здорово напугали мэтр.

— Я сам напугался, — сказал я. — Готовился дать дуба.

— Что?

— Склеить лапы, двинуть коней, приказать долго жить... Не обращайтесь внимание, Гливен! Так на моей планете говорят о приходе смерти.

— А-а, — облегченно протянул он. — А то я подумал, что заговариваетесь.

— Могу, — пообещал я, — но потом. Мне помогла Ноэль?

— Она! — подтвердил Гливен. — Увидела вас на полу и сразу сообразила. Уколола вас в шею. А потом мы нашли... — Шут показал крохотный тубик.

— Осторожно! Яд!

— Не беспокойтесь, мэтр! — шут сунул тубик в сумку. — Его промыли и вытерли. Ноэль говорит, что это из вашего мира.

— Она права.

— Значит, Марон...

— Она не из Тирраны. И не нокса.

— Амер?

Я кивнул.

— Она сразу показалась мне странной, — вздохнул шут. — Но мы знаем о Тирране так мало... Их корабли приплывают к нам редко. Брату Марон понравилась — он любит красивых женщин. Ей даже выделили комнату во дворце. Зачем амерам ваша смерть?

— Они готовы к наступлению. Боялись только меня.

— Это она сказала?

Я кивнул.

— Умиравшему не врут, — заключил шут. — Она была уверена, что вам не выжить. Мы объявим о вашем исцелении.

— Ни в коем случае!

— Почему? Думаю, в Блантоне есть их люди, и они сообщат амерам. Это даст отсрочку вторжения.

— Они просто изменяют первоначальный план. Я представляю для них угрозу. Чтобы ее исключить, они применяют земное оружие. В этом случае нас ничто не спасет. Так что пусть думают, что я умер. У вас есть верные люди?

Гивен кивнул.

— Сейчас ночь. Положите меня на носилки и накройте простыней. Прикажите подать повозку и отвезти в поместье. Все подумают, что вы пытаетесь скрыть мою смерть. Пусть это сообщат в Скрагенкрак. После этого они и начнут. Не страшно. Мы справимся. Ваш брат умеет молчать?

— Если нужно, — усмехнулся шут.

— Тогда пусть приезжает к вам спустя день. Завтра я буду еще болеть — яд сильный. Пусть Этон не говорит, зачем едет, а вид примет скорбный.

— Он умеет, — согласился Гливен.

— Мы проведем совещание. А потом...

— Гро!..

Меня будто смахнуло вихрем. Наш разговор разбудил Ноэль. Подскочив, она повалила меня на кровать и стала покрывать лицо поцелуями. Затем уткнулась лицом в грудь и заплакала.

— Что ты, девочка?.. — я осторожно гладил ее по вздрагивающим плечикам. — Я жив. Мы еще спляшем на нашей свадьбе.

— Обещаешь? — она подняла заплаканное лицо.

— Разумеется. А сейчас слезь с меня, а то дядя подумает невесть что.

Шут закашлялся. Ноэль ойкнула и села рядом.

— Жаль, что здесь не было Нэси, — сказала она, вздохнув. — Я бы догнала ту тварь, а Нэси скусила бы ей голову.

— Значит, не поймали? — спросил я.

Гливен покрутил головой.

— На постоялом дворе нашли ее спутников. Все мертвы. Причем, непонятно, почему. На телах нет повреждений.

— Игольник. Дырочка от него крохотная и сразу затягивается.

— Я выслал погоню. Стража прочесывает город.

— Не найдет. Она в Скрагенкраке.

— Флаер? — догадался шут. Ну, да, я же рассказывал. И даже рисовал...

— Да. У нее не могло не быть связи. Спряталась за городом в укромном месте, подождала темноты и улетела. Флаер можно вызвать в беспилотном режиме.

— Все равно я ее убью! — пообещала Ноэль.

— Непременно! — подтвердил я. — Самым жестоким образом. Посадим на кол, сварим в масле и скормим Нэси.

— Болтун! — Ноэль стукнула меня кулачком в грудь. — Зачем ты пошел с ней?

— Притворилась больной и попросила помочь.

— Отродье койта! И ты — тоже.

— Я пойду, — хмыкнул шут. — Надо дать указания слугам.

— Вот что, любимая, — сказал я, когда Гливен ушел. — У меня просьба. Сейчас за мною придут. Двое с носилками, один с простыней. Уложат, накроют и понесут. Иди рядом, изображая вселенскую скорбь. Пусть они думают... Так что не утирай слезы с лица. Они тебе очень идут.

Кулак вновь врезался в мою грудь. Но затем меня обняли и оросили влагой. Вовремя. Дверь распахнулась, и в комнату вошли слуги. Один нес подсвечник, другой — простыню, третий тащил покрывало. Значит,

понесут в нем. А что? Мягко...

Глава 21

— Уверена? — спросил Янг.

— Ты знаешь людей, которые выжили после «пи шесть»? — хмыкнула Лиз.

— Но ты не зафиксировала смерть русского.

— В дверь ломались.

— Девчонка...

— Она могла привести стражу.

— А также помочь русскому выжить. Антидот у него наверняка был. Не забывай, что Головатый — врач.

— Он не мог воспользоваться противоядием. Паралич.

— Девчонка могла.

— Это нужно уметь.

— Русский путешествует с ней давно. Мог обучить.

— Противоядие нужно иметь под рукой и сообразить применить. Счет шел на минуты. Я не понимаю твоих претензий, Дик! Меня могли схватить. И без того еле ушла.

— Однако нашла время ликвидировать охрану.

— Наемники проявляли излишнее любопытство и много болтали. Один из них был в Тирране. Растрепал друзьям, что я не похожа на их ноксу. Не так выгляжу, хожу, говорю. Последние дни в Блантоне я жила в страхе, что меня разоблачат. Ходила с игольником, но если б навалились толпой... Ты знаешь, как здесь умеют пытать. Когда прибежала на постоялый двор, охрана отказалась меня сопровождать, хотя получила плату вперед. Стала вымогать деньги. Я не выдержала... Пришлось выбираться самой. Хорошо, что я умею держаться в седле и у меня имелся мужской костюм. И так еле-еле выскользнула. Ворота закрыли за моей спиной...

— Плевать на наемников! — сказал Янг. — Расходный материал. Но я должен быть уверен, что русский мертв.

— Можешь не сомневаться! — усмехнулась Лиз.

— Я чего-то не знаю? — прищурился Янг.

— По прибытию сюда я связалась с агентом во дворце. Через спутник.

— Ты дала ему комм?!

— Армейскую модель размером с зажигалку. Видео нет, только голосовая связь. Магический артефакт. Мы живем в мире, где верят в

магию, Дик! Поэтому возможность разговора на расстоянии здесь воспринимают адекватно. Чудо, конечно, но его можно купить.

— А если комм попадет к русским?

— Уже нет. В конце разговора я активировала взрыватель.

Лицо Янга вытянулось.

— Не переживай так! — засмеялась Лиз. — Агенту снесло голову. Так ведь магия! Артефакт может взорваться, убив хозяина. Неправильно применил...

— Не хотел бы я быть твоим противником! — буркнул Янг. — Ладно. Что рассказал агент?

— Ночью русского вынесли из дворца. Тело укрывала простыня. Живых так не носят. Рядом шла девка вся в слезах. Та самая, что ломилась в дверь. Агент видел все собственными глазами. Во дворе тело погрузили в повозку и увезли. Он мертв, Дик!

— Надеюсь, что это так, — вздохнул Янг.

— Что с тобой? — подняла бровь Лиз. — Не узнаю.

— Эта операция... — Янг постучал пальцами по столу. — Весь на нервах. Два года подготовки, сколько усилий затрачено! А если провал?

— Нас ждет отставка?

— Это в лучшем случае. В Лэнгли не любят неудачников. Иногда они исчезают. Бесследно.

— У тебя есть алмазы...

— Это может помочь, — кивнул Янг, — но гарантий нет. Если случится шум... Поэтому и хотел убедиться, что русский мертв. Он мог помешать нам захватить Мерсию, но это половина проблемы. Вторая, куда более опасная, состоит в том, что русский мог о нас растрепать.

— Думаешь, он знал?

— Нетрудно догадаться. Он не дурак, к тому же хорошо подготовлен. Русские хорошо учат офицеров. Курс истории в военных университетах обширный. Сообразить, что ружья и пушки появились не сами собой, легко. Я рад, что ты справилась с заданием!

— Шид мой? — ощерилась Лиз.

— Разумеется. Но сначала возьмем Блантон. Сегодня даем старт вторжению.

— Лететь к Шиду?

— Отправлю Билла. Ты устала, а он сосредоточил армию на границе и теперь бездельничает. Пьет от скуки. Пусть развеется.

— Стоило дать Шиду комм!

— Чтобы ты активировала взрыватель? — улыбнулся Янг. — Не

спеши. Он еще не исполнил задание. Отдыхай...

* * *

— Нашли возле трупа дворецкого. Никто не знает что это.

Шут высыпал из ладони мелкие, оскольчатые обломки. Они упали на стол почти бесшумно. Я взял самый крупный и повертел в пальцах. Пластик.

— Кто-то разmozжил ему голову. Мозги разбросало по комнате, — Гливен фыркнул. — Удивительно, но дверь была заперта изнутри, окно — тоже. Никого в комнате не оказалось. Тем не менее, дворецкого убили. Кто?

— Амеры.

— Уверен?

— Это, — я бросил осколок на стол, — остатки комма. Устройства из моего мира, чтоб вам понятнее. С его помощью можно разговаривать на дальнем расстоянии. При использовании спутника — хоть с другого конца планеты. Это американская военная модель — окраска светлая. У наших она темнее. К тому же мы не пихаем в коммы взрывчатку. А вот у амеров принято. Если комм захватит противник, собеседник активирует взрыватель. Заряд небольшой, но разнести голову хватит.

— Дворецкого убили на расстоянии?

— Причем, очень большим.

— За что?

— Правильнее сказать: почему? Он служил амерам.

— Не может быть! — Этон хватил кулаком о стол. Осколки подпрыгнули и улеглись обратно. — Нид одевал еще моего отца.

— Не хотелось огорчать Ваше Величество, — сказал я. — Но он предатель. Иначе откуда у него комм?

— Может, нашел?

— И сумел включить? У армейской модели стоит защита. Комм активируется по отпечатку пальца, а они у людей разные. Двух похожих не существует. Дворецкому дали комм и объяснили, как им пользоваться. Он видел, как меня выносили?

— Да! — кивнул Гливен. — Болтался в коридоре. Хотя делать ему там ночью было совершенно нечего.

— Он был любопытным, — буркнул король, — и много знал. Для него во дворце не было тайн. Он докладывал о них мне.

— И не только тебе, — сказал шут.

— Что ты хочешь сказать?

— Нид получал деньги от Корпорации. Мои люди не раз видели, как он входил к магам. Возвращался довольным, с полным кошельком на поясе. Думаю, это он рассказал Гиллу о наших планах передать Корпорацию Гро. После чего Гилл приказал отравить мэтра. Это едва не случилось. Тот, кто предал раз, не остановится и перед вторым.

— Все равно не могу поверить, — вздохнул Этон.

— А вы пошарьте у покойника в сундуках, — сказал я.

— Уже! — хмыкнул шут. — Я озаботился этим первым делом. Обнаружено пять тысяч двести сорок два золотых, что составляет жалованье дворецкого за сто лет. Он ведь был моложе?

Король не ответил.

— А еще дом в центре Блантона, который не у всякого оэрха есть, богатый выезд, драгоценности жены... Трое взрослых сыновей, которые нигде не служат, но живут в роскоши.

— Отобратить в казну! — Этон стукнул кулаком по столу. — Все! Жену — на улицу, детей — на рудники!

— Вот это правильно, — одобрил шут. — Я не сторонник расправ с родственниками, но тут случай особый. Пусть другие задумаются. Мне непонятно одно: зачем амеры убили шпиона?

— Подчищали хвосты.

— Что?

— Так говорят в моем мире. Означает убийство свидетелей и пособников с целью сохранения тайны. Комм Нида мог стать доказательством присутствия амеров на Зоэ. Этого им допустить нельзя. А так нет пособника, нет и улики. Во всем этом радует одно. Они поверили в мою смерть. Значит, начнут.

— Уже! — вздохнул Гливен. — Ночью взят Ниш. Шидами.

— Откуда известно? — встрепнулся король.

— Почтовый чеглон. Прилетел из Лоды, ближнего к Нишу города.

— Как удалось взять крепость? — нахмурился король. — Там крепкие стены и опытный гарнизон. Осаду могут держать долго.

— Крепость не осаждали, — вздохнул шут. — Был огонь, гром, стены подпрыгнули и рассыпались.

— Взрывчатка...

— Мэтр?..

— Амеры дали им взрывчатку. Это огненное зелье, очень сильное. Один мешок может проделать в стене проем шириною в дорогу. А если мешков больше... Кто видел взрыв?

— Дозор. Его выслали в ночь контролировать проходы. Светало, дозор шел к крепости, как та вдруг вся осветилась и прогремел гром. Стены рассыпались, башня упала. Затем к Нишу хлынули воины. Их было много, и они несли черные знамена... — Шут помолчал. — Старшим дозора был опытный ветеран. Он не растерялся. Повернул гинтайра и поскакал в Лоду. А там, не медля, снарядили чеглона.

— Как быстро шиды возьмут Лоду? — спросил король брата. Ответить тот не успел.

— Они не будут ее брать.

Этон с Гливеном устали на меня.

— Шиды не станут осаждать город. Это долго.

— А зелье? — спросил шут.

— Кончилось. Его не могло быть много. Они уничтожили Ниш, чтобы пройти в долину. На другой город у них взрывчатки нет, да и не нужна. Их цель — Блантон. Лоду легко обойти. Можно здесь, или вот так, — я провел пальцем по разложенной на столе карте. Ее я сделал сам: взял снимки, сделанные ботом при посадке на Зоэ, и распечатал. — Если шиды пойдут быстро, то появятся у столицы через десять дней.

— Прежде они грабили города, — сказал король.

— Прежде они не взрывали стены, — возразил я. — В Ремсе они метали в город бочонки с порохом. Это обычная тактика местной войны. Взорвать стены порохом можно, но требуется подкоп. Делать его долго и опасно, к тому же нужно уметь. Земной взрывчатке подкоп не нужен. Силы для разрушения хватит. Нужно поднести мешки ночью к стене и активировать взрыватель. Что шиды и сделали. Взрывчатку им дали амеры, больше никому. Значит, шиды заодно с ними. Они пойдут к Блантону. Здесь соединятся с горцами и возьмут город.

— Нужно послать войско! — крикнул король. — Разбить их на подходе.

— Разумно, — кивнул я. — Врага лучше бить по частям. Только амеры этого ждут.

— Уверен? — насторожился шут.

— В моем мире это называется отвлекающий маневр. Враг наступает слабыми силами на второстепенном направлении, а вы принимаете это за основную угрозу и бросаете навстречу войско. Тем временем враг наносит главный удар в другом месте. Фронт прорван — и вражеская армия заходит к вам тыл. Классическая двухходовка. В нашем случае горцы возьмут Блантон. Справятся за один день. У них есть взрывчатка, пушки, ружья. Столица пала, королевская семья уничтожена, ушедшее бить шидов войско

в растерянности. Ему говорят, что король и его семья мертвы (Этон скрипнул зубами), сражаться не за кого...

— Что предлагаешь? — спросил Гливен.

— Мы пошлем войско разбить шидов, но только кавалерию. На гинтайрах.

— У нас ее мало, всего семь сотен, — покрутил головой Гливен. — Гинтайры дороги. А шидов, согласно донесению, в десять раз больше. Если не в двадцать. Воины они дерьмовые, но с кавалерией справятся. Нужна пехота.

— Выведем гарнизон из Бусты, — я ткнул пальцем в карту. — Сколько там воинов?

— Пять сотен, — сказал король. — Буста — большой город.

— Все равно мало, — вздохнул шут.

— Для того чтобы бить убегающих в спины и вязать хватит.

— С чего шиды побегут? — хмыкнул Гливен.

— Ракеты...

— Кавалерия повезет их собой?

— Приторочат к седлу. Ракеты не тяжелые. По одной на гинтайра. Шесты можно везти отдельно и ввернуть в донца на месте. Станки тоже легкие. Ничего сложного.

— Кто будет запускать ракеты? Всадники не умеют.

— Обучу пехотинцев. Отберу в Бусте самых смелых и сообразительных. — Вы отправитесь с кавалерией? — удивился король.

— У нас есть дига. Мы полетим ночью и будем в Бусте заранее. Но понадобится указ, обязывающий мне подчиняться. Всех, включая гарнизон Бусты.

— Получите! — кивнул король.

— А я пошлю в Бусту чеглона, — сказал шут. — Предупрежу тысячника, чтобы не вздумал перечить.

— Предположим, с шидами мы справимся, — сказал король. — А что с горцами?

— Для них сделаем отвлекающий маневр.

— Какой?

— Через два дня после ухода кавалерии из Блантона выйдет войско. С развернутыми знаменами, барабанным боем. Оно двинется по дороге к Бусте. Через дневной переход оно втянется в лес, — я указал пальцем на карте, — и остановится в нем на ночлег. Но дальше не пойдет. В лесу войско спрячется, переждет день, а ночью уйдет к Лоу. Без огней и барабанного боя.

— Зачем так сложно? — удивился король.

— У амеров наверху есть глаза, — я указал пальцем на потолок. — Они следят за Блантоном. Однако в темноте они не видят. За лесом — тоже.

— Уверен? — спросил Гливен.

— У них три спутника, и все маломощные. Большой трудно привезти тайно, а потом скрыть. На малых спутниках нет тепловизоров — батареи слабые, поэтому ночью они слепые. Они ходят на околопланетных орбитах, я их вычислил. Полоса слежения узкая, захватывает только Блантон и его окрестности. Скорректировать орбиту можно, но незачем. Ведь все идет, как амеры рассчитывали.

— «Глаза» заметят кавалерию?

— Да. Но мы отправим ее разными дорогами. Это будет выглядеть, как разведка. За лесом отряды повернут к Триту, где встретятся и пойдут к Бусте. Потратим день, но враг останется в неведении. Покончив с шидами, кавалерия пойдет назад и ударит горцам в спину. Те как раз подойдут к Лоу. Здесь мы и дадим им сражение. К Блантону горцев пускать нельзя.

— Я сам поведу войско! — воскликнул король.

— Ни в коем случае!

Мы с Гливеном воскликнули одновременно. Король насупился. Гливен метнул в меня взгляд.

— Это опасно, ваше величество!

Этон хмыкнул.

— Амеры — подлый народ. У них есть ружья, стреляющие на расстояние до двух километров — один перье по-вашему. Они увидят вас и убьют. Мерсия останется без короля.

— По-моему вы преувеличиваете, оэрх! На таком расстоянии человека даже не разглядеть.

Я вздохнул, достал из сумки бинокль и подвел Этона к окну. Распахнул створки.

— Видите одинокое дерево вон там? Отсюда оно кажется совсем крохотным. А теперь гляньте сюда!

Этон поднес бинокль к глазам. Несколько мгновений он шарил им, видимо, пытаясь поймать дерево в поле зрения, и, наконец, замер. Вытянув руку вперед, он попытался что-то схватить. Встретив пустоту, рука опустилась, и король отнял бинокль от глаз.

— Поразительно, мэтр! На ветке сидит птица. Я видел ее прямо перед собой, каждое перышко. Это чудо.

— На ружьях амеров стоят такие же прицелы. Теперь верите, что они разглядят вас?

— В страшном мире вы живете, Гро! — сказал король, зябко подернув плечами. — Хорошо, что он далеко от нас. Я утверждаю ваш план, оэрх! Подробности уточните с братом. У меня во дворце дела.

Он вернул мне бинокль и вышел.

— Ты его напугал, — сказал шут, когда Этон скрылся. — Но это к лучшему.

— Не станет мешать?

— Он бы и так не стал. Мой брат не глуп. Он понимает, что военные действия лучше поручить тем, кто лучше в них разбирается. Но как любому мужчине ему хочется стать во главе войска, хотя бы для виду. Теперь остережется. Нам важно, чтоб он уцелел.

— Ты мог бы заменить его.

— Молчи! — Гливен сделал негодующий жест. — И не говори больше такого! Никогда.

— Но...

— Я вижу, что ты не ценишь моего брата. Понимаю, почему. Этон кажется легкомысленным. Он любит власть и все, что с ней связано: почести, поклонение придворных, успех у женщин... Но ты не знаешь этого человека. Когда не стало отца, я испугался за свою жизнь. Я был угрозой. Да — бастард, да — горбун, но все же сын короля. В случае смерти Этона меня могли возвести на трон. Я собирался бежать — в Тиррану или куда дальше. Но Этон сам приехал ко мне...

Шут помолчал.

— Он сказал мне: «Брат! Ты единственный родной мне человек. У меня есть друзья, но им всем от меня что-то нужно. Титулы, деньги, земли... Если я этого им не дам, или дам мало, они предадут. Предадут, и если другой пообещает больше. Мне нужен тот, кто будет служить верно, кому я смогу довериться. Кто, если ты? Ведь ты мой брат... Встань рядом со мной! Обещаю, что не пожалеешь...», — Гливен вздохнул. — Этон сдержал слово. Он не всегда слушал мои советы, но, сделав ошибку, всегда ее признавал. У него есть недостатки. Он слишком добр и не любит казни. На брата легко повлиять, чем многие пользуются. Но если речь заходит о троне и его семье, Этон становится королем — таким, каким я хочу его видеть. Помоги ему!

— Непременно, — сказал я. — Если получится.

— Ты не уверен? — удивился Гливен. — Мне показалось...

— Ни один план не выдерживает столкновения с реальностью. Мы победим, если амеры будут действовать, как мы рассчитываем. Но они могут изменить замысел. Например, не пойдут к Блантону, а станут

осаждают города.

— Тогда они распылят силы, и мы перебьем их по частям. Нет, Гро! Я знаю Скрагенкрак. Их князь спит и видит себя троне Мерсии. Еще никому из горцев не удавалось отщипнуть даже кусочек наших земель, а тут целое королевство. Князь тщеславен и упрям. Имея сильное войско, он пойдет к Блантону, и никакие амеры его убедят.

— Дай-то бог!

— Пусть подает, — согласился Гливен. — Помолишься?

— Непременно.

— Вот и славно. Летишь с Ноэль?

— Она настояла. Говорит, что дига не станет меня слушаться.

— Ну, да, — улыбнулся шут. — Это конечно.

— В одиночку я взял бы больше ракет.

— Их привезут всадники. Не хмурься, Гро! Мы все не любим, когда нас контролируют женщины, однако, это, порой, помогает выжить. Будешь возражать?

— Нет! — сказал я.

Гливен ушел, а я стал собираться в дорогу. Мрачные мысли не оставляли меня. Был в России такой царь — Николай II. Лодырь редкостный. Патологически не хотел управлять страной, считая, что это должны делать другие. Зато обожал церемонии, парады и молебны. Премьер-министров ему подбирала жена — «гессенская муха», причем, по принципу худшего из худших. В Первую мировую войну Николай II по настоянию окружения возложил на себя бремя главнокомандующего. Командованию он уделял час-два из своего драгоценного царского времени. Остальное время ел, гулял, стрелял ворон, собак и котов. Истреблял их тысячами (Господи! Котиков-то за что?). В результате просрал страну, свою жизнь и жизнь своей семьи. И этого человека церковь объявила святым! Став священников у «укурков», я убрал икону царской семьи из иконостаса. Никто этого не заметил.

Это не Гливену повезло с братом, а Этому. Шут, как я разглядел, в королевстве работает за троих. Премьер-министр, военный министр и глава спецслужб. Управленец потрясающий. Когда я сказал, что собираюсь делать ракеты, все нужное мне предоставили тут же. Людей, материалы, оборудование... Любой заказ выполнялся немедленно. И это в стране, где даже автомобилей нет!

«Ладно! — сказал я сам себе. — Это не мое дело. Нам нужно надрать задницу амерам, и мы это сделаем. Любой ценой...»

Глава 22

Время нас поджимало, поэтому Ноэль посадила Нэси на центральной площади Бусты. Появление диги над городом вызвало панику у жителей. Они прыснули с площади, как цыплята от кошки. Нэси пробежала по опустевшему пространству и замерла у дома правителя. Вход в него охраняли. При виде нас, стража попятилась, но не убежала, взяв копья наизготовку. Я мысленно поаплодировал правителю. Если начальства боятся больше, чем врага, значит, служба поставлена правильно.

— Ты! — я ткнул пальцем в правого стража. — Зови правителя! Доложи, что прибыл оэрх Гро с посланием от короля.

Страж очумело закивал и сунулся в дверь. Копье из рук он при этом не выпустил. Древко зацепилось за косяк, и страж некоторое время бился в проем, как муха в стекло. Наконец он догадался бросить копье и исчез внутри.

— Испугался, — заключила Ноэль, отстегивая ремень.

— Его поразила твоя красота, — сказал я и, соскочив на мостовую, протянул ей руку. Ноэль улыбнулась и воспользовалась помощью. Сойти с диги ей не составляло труда, но какой женщине не нравятся знаки внимания? Как и комплименты.

Правитель не заставил себя ждать. Не прошло и минуты, как в дверях возник невысокий, поджарый, с загорелым до шоколадного оттенка лицом мужчина. На вид ему было около сорока. Простой камзол из ткани зеленого цвета, свободные, заправленные в сапоги штаны, на голове широкий берет. На поясе — кинжал в кожаных ножнах. Не аристократ. Воин.

— Вы хотели видеть меня?

— Да, почтенный! — я боднул головой. — Позвольте представиться: оэрх Гро. Прилетел из Блантона. Вас должны были известить.

— Было, — подтвердил правитель. — Правда, я не ожидал, вы прилетите на диге. В Мерсии их нет.

— Уже! — сказал я. — Позвольте представить: Нэси могучая. (За спиной довольно уркнули.) Штурмовик и воздушный разведчик на службе королевства в одном лице. А это ее хозяйка, оэрхайя Ноэль.

— Высокородная! — поклонился правитель. — Рад видеть вас в Блантоне. Я тысяцкий Фалк.

— Наши полномочия!

Я протянул Фалку тубус. Тот взял, вытащил свиток и пробежал его

глазами. Затем коснулся губами печати.

— Слушаю вас, оэрх!

— Для начала нам нужно жилье, но не в городе. С ней, — я указал на Нэси, — несколько неудобно.

Тонкие губы тысяцкого тронула улыбка.

— Есть хорошее место за городской стеной. Некогда в Бусте стояла сотня всадников. Ее отозвали. Остались конюшня с казармой. Мы передали их купцам. В конюшне выломали денники, превратив ее в склад. Казарму перестроили постоянный двор. Ремонт только закончили, помещения пустуют. Вы надолго?

— На несколько дней.

— Тогда, думаю, владельцы не станут возражать. Я поговорю с ними.

— Поговорите! — кивнул я. — А станут возражать, вспомните шидов. У тех есть дурная привычка жечь посадки. Мы можем им помешать, а можем и передумать.

— Они согласятся, оэрх! — кивнул Фалк. — Что еще?

— Еда для нас и этой красавицы, — я указал на дигу. — Разносолов не надо, лишь бы посытнее. Нэси — овцу в день.

«Две!» — прозвучало в моей голове.

«А не лопнешь? — ответил я. — Куда столько?»

«Глупый стикуль! Тебе жалко?»

Ноэль прыснула. Фальк настороженно глянул на нее и на всякий случай поклонился.

— Я немедленно распоряжусь. Обед будет через час. Можете лететь ко двору и устраиваться. Прислугу я приведу. Двор там! — тысяцкий указал рукой. — Других построек за стеной там нет, так что не спутаете. Диге пригонят стадо овец, и она пусть сама решает, сколько ей есть.

«Правильный человек! — прозвучало у меня в голове. — Не то, что некоторые».

— Пообедаем вместе? — предложил я.

— Разумеется, оэрх! — поклонился Фальк. — Если не побрезгуете обществом воина.

— Не побрезгуем, — сказал я. — И не надо так кланяться. Мы получили свои титулы только что. По-настоящему высокородная здесь только Ноэль — она дочь орехайи Муга. Я же из простолюдинов. Лекарь.

— Позвольте! — встрепенулся правитель. — Мэтр Гро? Из Ремса?

— Он.

— Слава богам! — воскликнул Фальк. — Теперь я спокоен за город. Счастлив видеть вас, мэтр!

— Взаимно! — ответил я и посадил Ноэль в седло.

Фальк оказался человеком слова. Не успели мы осмотреть гостинный двор и разнести вещи по комнатам, как к воротам подкатила процессия. Возглавлял ее тысяцкий на гинтайре. Следом поспешал десяток воинов на стикулях, за ними катила повозка с припасами и слугами, а замыкала процессию пара десятков овец, которых гнал хворостинной босоногий мальчик.

Я вышел встречать гостей. Фальк спешил и стал отдавать приказы. Солдаты оцепили двор, слуги потащили припасы в дом, мальчик, косясь на дигу, загнал овец в специально предназначенный для этого загон. За его действиями с пристальным вниманием наблюдала Нэси. Едва мальчик убежал, как она подошла к загону и схватила жалко блеющую овцу. Придушив ее, потащила в конюшню. Мы с тысяцким вошли в дом.

В обеденном зале царила суэта. Одни слуги накрывали на стол, другие возились у пылающего очага, орудуя сковородками и котлами. Нам поднесли таз для умывания. Мы с Фальком ополоснули руки, вытерли их полотенцем и сели на лавку. Стулья в таких местах не водились — слишком дороги. К тому же стул удобная в драке вещь. А вот лавку не поднять. И в харчевне спокойнее и мебель целее.

Подбежавший слуга наполнил вином два серебряных кубка и поставил их перед нами.

— Ваше здоровье, оэрх! — сказал тысяцкий, подняв свой.

— И ваше! — поддержал я, следуя его примеру.

Мы пригубили вино и поставили кубки на стол.

— А где оэрхайя? — спросил Фальк.

— Переодевается к обеду.

— Послать служанку помочь?

— Справится! — махнул я рукой. — Ноэль неприхотливая девочка. Мы только и знаем в последнее время, что перелетаем с места на место. Приходилось ночевать в поле и лесу, а там слуг нет. Сами готовили себе еду, стирали вещи и умывались.

— Непривычно видеть женщину в мужской одежде, — сказал Фальк.

— В платье не полетаешь! — хмыкнул я.

— Могу я спросить?..

Я кивнул.

— Ноэль — дочь оэрхайи Муга. А кто отец?

— Гм! — сказал я.

— Извините! — смутился Фальк. — Я знал ее мать. Двадцать лет назад я служил в гвардии его величества, и запомнил, как сиятельная Нея

приезжала во дворец. Необыкновенной красоты женщина! Ноэль похожа на нее, но отчасти. Поэтому я поинтересовался отцом.

— Вам не кажется, что вы сами ответили на свой вопрос, Фальк?

В глазах тысяцкого мелькнуло понимание.

— Значит...

— Тс-с! — я прижал палец к губам. — Это не тайна, но вслух говорить не рекомендуется.

— Понял! — кивнул Фальк. — Вы поразили меня, оэрх. Никогда не думал, что встречу принцессу... простите, оэрхайю в обличье воина.

— Это еще что! — сказал я. — Видели бы вы, как она истребляла шидов! Как цыпят. Пах, пах! — я изобразил пальцем стрельбу из пистолета. — А правителя Крипа Ноэль скормила диге. Подонок пытался ее изнасиловать.

— Слышал, — сказал Фальк. — Но подробностей не знаю. Расскажите?

— Не сейчас, — покачал головой я.

— Уговорились. Не могу не спросить. Его величество одобряет путешествия своей... оэрхайи?

— Более чем, — сказал я. — На днях он пожаловал Ноэль Крип в наследственное владение.

— А вам, оэрх?

Я глянул на собеседника. Тот не опустил глаз.

— Вы ведь отстояли Ремс! Вас должны были наградить.

— Мне дали титул.

— А земли?

— Пообещали потом. Какие сам выберу.

— Значит...

— Нет, — покачал головой я. — Я прилетел не за этим. Не беспокойтесь, Фальк! Если мы сделаем, что наметили, город — ваш. Вместе с титулом.

— Оэрх?..

— Потом!

Я встал и вышел из-за стола. По лестнице к нам спускалась Ноэль. Она нарядилась в алое платье, такого же цвета туфельки, голову ее украшала шляпка в стиле «клош», перехваченной лентой с пышным пером. Здесь это означает, что у девушки есть жених.

— Оэрхайя! Вы великолепны!

Фальк склонился в поклоне. Ноэль смутилась, но совсем чуть-чуть. Фаль подал ей руку и на правах хозяина повел к столу. Я устремился

следом. Вокруг засуетились слуги. На столе как бы сами собой стали возникать блюда, полные жареного мяса, рыбы, тушеных овощей и хлеба. В кубки зажурчало вино. Мы пригубили и набросились на еду. Некоторое время за столом слышалось лишь бульканье и хруст разгрызаемых костей.

С обедом Фальк угадал. Скорее всего, он купил его готовым, но в хорошей харчевне. И мясо, и рыба таяли во рту, овощи охлаждали во рту горячий жир, а хлеб помогал очистить язык для нового вкуса. Запив съеденное вином, мы довольно откинулись на спинки лавок. По знаку Фалька слуги покинули зал.

— Оэрх?..

— Мы дадим шидам бой. Здесь, у Бусты.

— От Блантона идет войско?

— Семь сотен всадников на гинтайрах.

— А пехота?

— Обойдемся вашей.

— Но у меня только пять сотен! — воскликнул Фальк. — Шида нас сомнут. Чеглон из Лоды принес донесение, что их десять тысяч.

— А я здесь зачем?

В глазах Фалька мелькнуло понимание.

— Простите, оэрх! Мне следовало сразу понять. Вы будете жечь шидов?

— Не я. Все сделают ваши воины.

— Вы обучите их магии?

— Вот что, Фальк, — сказал я. — Объяснять долго. Мне нужен пустырь, где нет посторонних. Еще двадцать воинов. Не пугливых, сообразительных и умеющих держать язык за зубами. Найдутся?

— Да, оэрх! — кивнул Фальк. — В перье отсюда — Змеиная пустошь. Люди там не ходят: ясно из названия. Как скоро нужны воины?

— Через час. Еще понадобится повозка. Нэси устала, пусть отдыхает. К тому же не следует пугать горожан попусту.

— Ждите меня!

Фальк встал и вышел.

— Мне с тобой? — спросила Ноэль.

— Не стоит, — я покачал головой. — Во-первых, ты все это видела. Во-вторых, сорвешь мне занятия. Вместо того чтоб учиться, воины будут пялиться на тебя.

Ноэль улыбнулась и погрозила мне пальчиком.

— Не ревнуй!

— Не буду, — пообещал я.

— Вот! — сказал я, показывая воинам палочку из бамбука. Растет здесь такое растение, хотя древесина у него не столь прочная, как на Земле. Но для нашей цели сойдет. — Это называется «ракета». Внутри запрессованное огненное зелье. Если поджечь здесь, — я указал на сопло, — ракета полетит вверх и упадет на врага. Когда огонь доберется до головки, взорвется другое зелье. Кому-то придется плохо. Смотрим!

Я воткнул в землю медный прут. Колечки, привязанные к бамбуковому корпусу, наделись на него, и ракета скользнула к земле. Я сунул в дюзу короткий фитиль и щелкнул зажигалкой. Фитиль вспыхнул, огонек побежал к дюзе. Я отступил на пару шагов. Не из опасения — бояться этой пукалки не приходилось — а чтобы все видели.

Огонь добрался до пороха. Из дюзы вырвался дым, зашипело, и ракета, скользнув по направляющей, взмыла в небо. Вихляясь, она поднялась где-то на сотню метров. Двигатель прогорел, и сработал заряд. Хлопнуло, и в небе вспух грязно-серый шарик.

— Вот так мы погоним шидов! — сказал я.

— Извините, ваша светлость, но те не больно-то испугаются! — ухмыльнулся невысокий воин с рябым лицом. Другие заулыбались.

— Как звать? — спросил я рябого.

— Хрен, ваша светлость!

— Хорошее имя, — сказал я. — Запоминающееся.

Воины заржали.

— Идем со мной, Хрен!

Мы подошли к повозке, где я стащил тряпье с привезенной нами боевой ракеты. Разглядев медный цилиндр, Хрен охнул.

— Бери ее! — велел я. — Не бойся.

Воин бережно, будто хрустальный сосуд, взял в руки ракету. Мы вернулись к строю. Солдаты во все глаза смотрели на ношу товарища.

— Можете потрогать, — разрешил я. — Не укусит.

Строй сломался, воины окружили Хрена. Я дал им возможность полюбоваться и пощупать. Солдат должен знать и любить свое оружие. Хрен лучился и пыжился от удовольствия.

— Положи ее на землю! — велел я, когда все натешились. — А теперь принеси из повозки станок. Это такая тренога с желобом.

Хрен выполнил приказание. Забрав у него треногу, я установил ее на земле.

— Это приспособление для запуска. От его установки зависит, куда полетит ракета и как далеко. На этом лимбе есть высечки, куда входит стрелка. Черточки на лимбе обозначают дальность. Каждая — это пятьсот шагов. Всего высечек шесть. Это означает, что мы можем отправить ракету на расстояние от пятисот до трех тысяч шагов. Для установки дальности желоб следует приподнять и повернуть, чтобы стрелка вошла в нужную высечку. Можете посмотреть и попробовать!

Пока воины толпились у станка, я сходил к повозке и принес шест с запальником. Сложил их рядом с ракетой. Солдаты, толкаясь и переругиваясь, толпились у станка. Я не стал им мешать, пусть наглядятся. Ко мне подошел Фальк.

— Почему вы сразу не показали им эту? — спросил, указав на ракету.

— Могли испугаться. Поймете, когда мы ее запустим. Воин не должен бояться доверенного ему оружия. Иначе будут дрожать руки, он может ошибиться, неправильно выставив расстояние. А то и вовсе направить ракету на своих. А так они видели действие образца и поняли, что это не опасно.

— Вы умны, оэрх! — покачал головой Фальк.

Я пожал плечами. Объяснять ему земные методики? Все давно выверено и опробовано. Те же гранаты вначале бросают учебные. Потом приходит черед образцов с ослабленным зарядом. И только когда люди привыкнут, им доверяют боевые...

Наконец, воины отступили от треноги, и я подошел к ним.

— Где здесь обитают змеи?

— Вон там! — дюжий десятник указал на кусты в отдалении. — Прямо кишат. Лучше не подходить.

— Сколько шагов до кустов?

Десятник прищурился.

— Тысячи полторы.

— Уверен?

— Я — лучник! — обиделся десятник. — Нас глазомеру с детства учат.

— Тогда направь на кусты станок и установи расстояние.

Десятник завозился с треногой. Окружившие нас воины с любопытством следили за ним. Наконец, десятник справился и оглянулся на меня.

— Сейчас проверим! — сказал я и поманил рукой Хрена. — Идем!

Мы поднесли к станку ракету, и я ввернул в донце шест.

— Зачем это? — спросил десятник.

- Догадайтесь! Кто первым сообразит, получит серебряк.
- Удобнее поджигать! — поспешил десятник. Я покачал головой.
- Чтобы летела ровно! — выпалил Хрен.
- Держи!

Я вытащил из кошелька монету и вручил ее сообразительному. Тот сунул ее за щеку. Остальные воины проводили его движение завистливыми взглядами. Я установил ракету на станок и поджег фитиль запальника.

- Всем отойти на десять шагов! Есть желающие запустить?
- Позвольте мне! — попросил десятник.

Я вручил ему запальник и отступил. Десятник поднес тлеющий конец фитиля к стопину. Вспыхнуло, из сопел ударили струи дыма. Завыло, ракета сорвалась с направляющей и взмыла в небо. Волоча за собой дымный хвост, она описала дугу и воткнулась в землю, не долетев до цели совсем чуток. Сверкнуло и грохнуло. Когда дым рассеялся, мы увидели горящие кусты. Раскаленные осколки все же достали до них.

— Так им надо! — довольно воскликнул десятник. — А то расплодились, твари!

— Ты о шидах? — уточнил я.

Воины засмеялись.

— Вообще-то о змеях, — смутился десятник. — Но шидам тоже достанется. Мы им! — десятник погрозил кулаком куда-то на юг. — У вас много таких ракет, ваша светлость?

— Сотня. И десять станков. Как думаешь, хватит?

— Они и от половины побегут. Труссы! — десятник сплюнул. — Храбрые, когда их десять на одного.

— Замечательно! — сказал я. — А теперь будем учиться ставить станок и готовить ракету. Хрен, принеси из повозки еще одну и не забудь шест. И можешь не держать ее как девку за грудь — она без зелья. (Солдаты загоготали.) Пока каждый из вас не установит ее без ошибок, отсюда не двинемся. Начали!..

* * *

Разведка, высланная на рассвете, вернулась скоро.

— Войско! — сообщил старший дозора.

— Большое? — спросил Шид.

— Сотен пять.

Стоявший рядом с ним Ривс хмыкнул.

— И все?

— У рощи — всадники на гинтайрах. Сколько — не посчитали. Но много.

— Иди! — велел Шид и повернулся к Ривсу: — Что думаешь?

— Фальк выставил все, что у него есть, — сказал мерсиец. — Из Блантона прислали конницу. У Этона семь сотен гинтайров, больше нет. Пехота подойти не могла. Не успевает, если даже посадить на стикулей. Хотят, чтоб мы испугались и отступили. А мы ударим и разобьем!

— Уверен? — спросил Шид.

— Нас в десять раз больше. К тому же надо дать воинам почувствовать кровь. Сколько дней идем — и хоть бы стычка! Города обходим, селения грабить запрещено. Люди ропщут.

«Это ты ропщешь! — подумал Шид. — Не терпится свести счеты с королем».

Ривс прибыл к шидам полгода назад вместе с другими воинами, присланными Хамму. Одни из пришлых учили шидов делать метательные машины и пользоваться ими, другие — ходить строем и вести бой. Все присланные были из знати, и тогда Шид поразился, как удалось Хамму перетянуть на его сторону таких людей. От гостей он узнал, что они участники заговора, которые ставят перед собой цель свергнуть Этона и усадить на трон своего человека. Это не отвечало планам самого Шида, но он не стал это оглашать. Тем более что командные должности в войске остались за братьями. Мерсийцы числились советниками и инструкторами. Свой хлеб они ели не зря. Спустя пару месяцев буйная толпа шидов стала походить на армию. Братья научились сражаться строем, пользоваться метательными машинами, у них даже кавалерия появилась. Правда, на стикулях, но все равно сила.

Неудача под Ремсом обошлась Шиду дорого. Погибла не только часть войска, но и большинство инструкторов. Уцелели единицы, в том числе и Ривс. Возвращаться в Мерсию он не стал. Оттуда пришла весть о казни его родственников. Ривса ждала та же судьба. Теперь его вела в бой злоба и желание отомстить.

— Семь сотен гинтайров — это серьезно, — сказал Шид.

— Встретим их пиками и перемолотим! — фыркнул Ривс. — Подумаешь! А там и Бусту возьмем. Без воинов она падет мигом. Люди порадуются возможности выпить, вкусно поесть и помять женщин.

Подумав, Шид согласился. Братья сумеют справиться с конницей. Их научил этому посланец Хамму со странным именем «Билл». Высокий, широкоплечий, с лицом как у стикуля, он был знатоком военного дела. Шид

понял это из разговоров мерсийцев. Многое из того, чему учил Билл, они не знали, а кое о чем даже не догадывались. Билл научил братьев не бояться конницы. Ее следовало встречать пикой, упертой обратным концом древка в землю. Передние гинтайры получают удар в грудь и падают, скачущие следом — встанут, и тогда настанет черед пехоты. Она будет стаскивать всадников из седел крюками на древках, молотить их боевыми цепями — и все это на расстоянии, на котором мечи врага бессильны. Одновременно лучники станут пускать стрелы практически в упор, пращники — забрасывать врагов камнями. Несколько проведенных учений показали, что Билл прав. Да и взять город на меч тоже не помешает. Ривс прав — многие ропщут.

— Командуй! — велел Шид.

Ривс улыбнулся и побежал к войску. До холма, на вершине которого стоял Шид, донеслись его крики. Скоро войско вторжения выстроилось в колонны и потекло мимо холма. Проходя у подножия, братья кричали славу пророку. Их лица светились радостью. Впереди бой, но командиры сказали, что он не затянется. А там будет богатый город, вино, мясо, женщины...

Шиду подвели стикуля, он вспрыгнул в седло. Ближники уговаривали его пересесть на гинтайра, благо в войске они имелись — взяты в боях. Но Шид заявил, что пророку следует быть скромным. Он и без того едет верхом, в то время как большинство братьев идут пешком. Ближники удались, славя пророка. Это история добавила Шиду их обожания. Однако истина была в другом. Злобные твари, какими казались Шиду гинтайры, вызывали у него дрожь.

Спустя час войско вытекло на широкое поле и наполовину заполнило его. Проехав вперед, Шид разглядел в отдалении строй противника. Разведчики не обманули — мерсийцев мало. В стороне крутились всадники. Они почему-то не приближались к своей пехоте. Странно. Конница должна охранять фланги строя. Шид ощутил в холодок в хребте. Ситуация ему не нравилась. Он не любил непонятное.

— Начнем? — спросил подскакавший к нему Ривс. Его гинтайр едва не снес стикуля пророка, замерев в последний момент. Шид сморщился.

— А это кто? — он указал рукой.

Перед строем врага возились воины. Они что-то устанавливали. Что конкретно, было не разглядеть — далеко. Врагов было немного, но эта суэта насторожила Шида.

— Ставят заграждение, — сказал Ривс, привстав на стремях. — Глупцы! Нашли, чем нас остановить. Да мы растащим эти рогадки вмиг. Каким будет ваше повеление, пророк?

Ответить Шид не успел. В стане врага пропела труба. В тот же миг там что-то заскрежетало и загрохотало, и с места, где воины ставили заграждение, взмыли вверх огненные змеи. Волоча за собой пухлые, дымные хвосты, они описали дугу и устремились к войску противника. Шид успел разглядеть красные, медные головы змей, как те скользнули ему за спину. Через мгновение там загрохотало, раздались крики испуга и боли. Стикуль под Шидом вздрогнул и стал нервно перебирать ногами.

— Что это? — спросил Шид Ривса.

— Думаю, что не заграждение, — сквозь зубы ответил тот.

Впереди вновь загрохотало. Ривс наклонился, выхватил повод из рук пророка и поскакал вдоль строя, волоча стикуля Шида за собой. Огненные змеи проскрежетали над их головами, ударив в изготовившееся к битве войско. Вновь раздались крики, строй шидов заколебался и стал распадаться.

Все это Шид видел, как сквозь туман. Над ними скрипело и выло, сбоку грохотало и вопили люди. Поле сражения затянул дым. Он пах тухлым яйцом и угольной горечью. Она забивала нос и черной пылью садилось на лицо. К краю поля беглецы выбрались перепачканными лицами. Здесь Ривс остановил гинтайра и обернулся.

Дым затянул часть поля, где стояли передовые части шидов. Середину войска и задние ряды страшные змеи пока не затронули. Но спокойствия не было и там. Колонны колебались и расползались, войско на глазах превращалось в толпу. И в этот миг змеи ударили сюда. Пламя, грохот... Один из змев врезался в войско совсем рядом — в шагах двадцати от них. Шид разглядел, как взрыв разбросал в стороны воинов, упали и те, что стояли в отдалении, а следом все закрыл дым.

— Что это? — в третий раз спросил Шид. Вопрос прозвучал жалко и растерянно.

— Огненное зелье! — сплюнул Ривс. — Эти ублюдки научились использовать его таким способом. Но как? Я ничего не слышал о подобном. Случайно, не твой Хамму их научил?..

Ривс глянул на Шида. У того заледенело внутри. Перепачканное угольной пылью лицо Ривса не сулило ничего доброго. А вот плохое...

— Это не он! — взвигнул Шид. — Для Хамму Этон — злейший враг. Не он!

Шид не был уверен, что это так, но Ривса следовало переубедить.

— Тогда кто? — ощерился Ривс. — Не верю, что горбун сам додумался.

— Гро! — сообразил Шид. — Тот самый, что сжег наших людей в

Ремсе. Больше некому.

— Ты же послал его убить.

— Значит, люди не дошли. Или не сумели. Убить мага трудно.

Ривс задумался.

— Что будем делать? — спросил Шид. Спутника следовало отвести от дурных мыслей.

— Войска у нас больше нет, — вздохнул Ривс. — Осталась толпа. Скоро по ней ударит конница. Рубить убегающих легко и приятно...

Словно в подтверждение его слов в отдалении послышался топот копыт и гиканье.

— Бежим!

Ривс вновь схватил повод Шида и повлек его стикуля за собой. Они скакали во весь опор, насколько позволяли силы животных. До синевшего вдалеке леса добрались на редкость быстро. По пути Ривс поймал за повод ошалело метавшегося по полю стикуля.

— На мясо! — объяснил Шиду, и тот поразился самообладанию спутника. Если б не Ривс, Шид мчался бы, не глядя по сторонам.

На опушке мерсиец спрыгнул на землю и перебросил поводы гинтайра и стикулей через их головы. Так не убегут. Шид тоже слез, томясь предчувствием. Ривс тем временем снял с пойманного стикуля вьюки и стал их исследовать. Шид терпеливо ждал.

— Еда! — сказал Ривс, покончив с обыском. — Крупа, мука, вяленое мясо. Даже масло есть. Хоть в чем-то повезло.

Он встал и внимательно посмотрел на Шида. У того вновь пробежал холодок по хребту. «Решит, что продуктов мало, и зарежет», — мелькнула мысль. Но Ривс заговорил о другом.

— Нужно убираться отсюда. Сейчас им не до нас, — он кивнул в сторону поля, на котором осталось войско. — Но когда кончат твоих... (Шид невольно отметил это «твоих».) Нас будут искать. Назначат награду. Едем в Лоу!

— Почему туда? — спросил Шид.

— Это единственное место, где нас ждут. Там мы должны были встретиться с войском горцев. Пусть нас разбили, но мы-то целы... — Ривс криво усмехнулся. — Надо рассказать горцам, что здесь случилось. Возможно, они устоят. А вот если и их побьют... Повезет, мы падём в бою. Иначе... Меня, как сына оэрха казнят мечом. А тебя сварят в котле, перед этим сняв кожу.

Шид промолчал, Ривс не обратил на это внимания.

— Я буду изображать благородного, путешествующего по своей

надобности. Ты — моего слугу.

— Слугу можно нанять, — сказал Шид. — У меня есть деньги.

— Чтобы он нас продал? От слуг не скроешься. Попадется пронира — вмиг разнюхает, кто мы. Так что, пророк, — последнее слово Ривс произнес насмешливо, — снимай балахон и займись обедом. Путешествовать на пустой желудок плохо.

— Слушаю, господин! — поклонился Шид.

Слова Ривса его не расстроили. В жизни Шида было всякое. Слуга благородного господина — это еще не самое плохое. По крайней мере, сыт. Готовить Шид умел — его и не такому учили. Накормить животных тоже не трудно. До Лоу им по пути, а там посмотрим. Ривс прав — ему нужно к Хамму. Осталось незавершенное дело...

Пока Ривс дремал, отдыхая после обеда, Шид снял со своего стикуля мешок и проверил зелье. Аккуратные, обтянутые пленкой бруски радовали глаз. Шид достал нож и разрезал один пополам. В половинках выковырял полости, сбросив стружки в траву. Вложил внутрь детонатор и собрал брусок. Разрезанную пленку спаял угольком. Этому научила бывшая его девка. Шов вышел грубым и заметным, и Шид положил брусок на дно мешка, завалив остальными. Вот и готово. Эта сучка пожалеет, что подняла на него руку. Хамму с Биллом тоже не поздоровится. Это они велели идти к Блантону, не трогая города. Из-за них войско Шида попало в засаду и подверглось разгрому. По их воле Шид из великого пророка стал никем. И если ему суждено умереть, то он кое-кого захватит с собой...

Глава 23

Из Бусты мы улетели через день. Разгром фанатиков был полным, и это, ни странно, добавило нам проблем. Перепуганные шиды разбежались, как зайцы, их следовало срочно переловить. Не то придут в себя, собьются в шайки и примутся грабить окрестности... Поэтому кавалерия, согнав в кучу самых нерасторопных и поручив их воинам Фалька, разделась на сотни и пошла по следам беглецов. Ноэль и я корректировали их движение с воздуха. Преследование продолжилось и на следующий день. Мы плыли над дорогой и, заметив отряд беглецов, снижались. Появление диги приводило шидов в оцепенение. Многие бросались на землю. Нэси садилась неподалеку, я соскакивал и направлялся к беглецам. Ноэль страховала с «кольтом» в руках. Стрелять ей не довелось. Шиды, подчиняясь команде, послушно вставали, строились и, нацепив на палку или древко копья белую тряпку, отправлялись к Бусте. Оружие они несли, собранные в вязанки. Это я так приказывал. Какая-никакая, но добыча. Не собирать же ее потом по полям...

К вечеру мы вернулись в Бусту, и там узнали новости. Все, на мой взгляд, были плохими. Во-первых, не удалось найти Шида. Его не обнаружили ни среди живых, ни среди мертвых. Никто из пленников вообще не мог внятно сказать, куда исчез пророк. Это тревожило. Тварь могла перебраться в безопасное место и вновь замутить мятеж. Вторую новость принес чеглон из столицы. Скрагенкрак начал вторжение. Армия горцев, миновав ближний к границе город, двигалась к Блантону. Все шло по расписанному мной сценарию, и это пугало больше, чем исчезновение Шида. Амеры четко продумали и осуществили свой план. Мы имели дело с умным и сильным противником.

Фальк и тысяцкий всадников Руг не разделяли моих опасений. Они упивались победой. Разгромить шидов вдрызг! Взять столько пленных! (Они уже подсчитывали доход от продажи их на рудники.) И все это с ничтожными потерями! Таких славных битв история королевства не знала. Тысяцкие уже примеряли титулы, и уговаривать их не спешить с ликованием, было глупо. Я приказал Ругу, не медля, идти к Лоу, а там снестись с Гливеком. Тысяцкий заверил меня, что исполнит. Сомневаться не приходилось. Руг ощутил вкус легкой победы, и примерялся к другой. А вот у меня на этот счет были серьезные сомнения. Знают ли амеры о поражении шидов? Вполне могут. Если они дали комм шпиону, то могли

выделить и союзнику. Рассчитывать следовало на худшее. Ракеты могут обратить в бегство войско, если применить их неожиданно. Предупрежденные амеры примут меры. Грамотный, знающий офицер сумеет снизить эффект артподготовки. К тому же горцы не шиды. Они храбрые воины. Их ахиллесовой пятой прежде было отсутствие дисциплины. В атаку горцы бросались толпой, которая разбивалась о строй воинов Мерсии. Теперь же они ходят в рядах и вооружены аркебузами.

Вследствие этого мы с Ноэль не полетели к Лоу, а отправились к горе, где стояли боты — мой и американский, благо лететь было недалеко. Еще на пути к Зоэ я выбрал местом посадки незаселенные земли на территории Мерсии невдалеке от крупных городов. На диге, которая покрывала за день больше сотни километров, мы добрались быстро. Переночевав, принялись за работу. Я демонтировал оборудование, Ноэль кашеварила, жаря поросенка, которого притащила Нэси. Себе дига скромно оставила свинью.

Механик я никакой, поэтому провозился долго. Пару раз Ноэль приносила мне еду. Перекусив, я лез в боты, где орудовал аккумуляторной отверткой. К счастью, в комплекте инструмента она нашлась, как и головки под американские винты. Снятое оборудование следовало проверить на работоспособность. Я оттаскивал блоки в сторону, подключал к батарее и тестировал. Ощущения получал непередаваемые, поэтому действие сопровождалось словами, слышать которые девушкам не полагалось. Хотя Ноэль их не знала...

Распихав, наконец, блоки и батареи по мешкам, я отнес их к стоянке. Там влез в бот и отправил закодированное сообщение о ситуации на Землю. Рассказал о попытке амеров убить меня, об их наступлении на Мерсию, предстоящем сражении. Текст вышел мрачным и походил на завещание. Подумав, я присовокупил к сообщению ролик с записью моей службы в поместье Гливена. Если мне суждено погибнуть, пусть будет память. Родным передадут...

Из бота я выбрался в плохом настроении. Мы с Ноэль поужинали. Я достал из мешка обнаруженную у амеров бутылку и приложился к горлышку. Виски был скверным, дешевым, но душа требовала выпить, и я не стал этому противиться. Заинтригованная Ноэль попросила попробовать, я протянул ей бутылку. Она глотнула и выплюнула.

— Гадость! — сказала, возвратив емкость.

— Ага! — согласился я.

— Зачем пьешь?

Я не ответил. Она подумала и прилегла, положив мне голову на колени. Я погладил ее по голове, она тихонько вздохнула. Стоял тихий,

осенний вечер. Прозрачный воздух позволял рассмотреть каждую звездочку на темном небе. Пять мелких лун, следуя одна за другой, заливали планету зыбким светом. В отдалении чернели заросли, где кто-то шебуршился и время от времени взвизгивал. В стороне Нэси грызла кабаньи кости, высасывая из них мозг. Мирная, тихая картина. Не верилось, что где-то не так далеко тысячи людей готовятся убивать друг друга. Чего им не хватает? Земель? Так здесь их завались. Большую часть Мерсии составляют леса, которые можно свести и распахать полученные территории. Сделать это некому — населения не хватает. Те же горцы могли арендовать у Мерсии часть территории под поля. Взамен передать королевству пару месторождений железной руды. На нее в Мерсии спрос, своих рудников не хватает. Можно просто торговать, меняя хлеб на железо. Но здесь предпочитают брать силой. Как, впрочем, и на Земле.

Виски кончилось, и я отбросил бутылку в сторону. Счас спою.

— Ніч яка місячна, зоряна, ясна!

Видно, хоть голки збирай.

Вийди, кохана, працю зморена,

Хоч на хвилиночку в гай...

Мать моя родилась в Полтаве. Куглеры, следуя заветам основателя рода, искали людей с даром в славянских землях. Занималось этим агенты, которым за каждый обнаруженный талант щедро платили. Помимо наличия дара, претендент должен был быть юн. Его ведь следовало обучить, а зрелым людям это дается сложно. К тому же взрослые не всегда готовы изменить жизнь...

С семиклассницей Полей проблем не возникло. Ее родители, узнав, какая судьба ждет дочь, готовы были отдать ее связанной. Вязать не пришлось. Глаза юной хохлушки загорелись от открывавшихся перспектив. Полина с родителями приехали в Кельн, где прожили месяц, после чего старшие Головатые вернулись домой. Поля осталась. Она жила семье деда, как дочь. Здесь влюбилась в юного Эриха. Чувство было взаимным. Настолько, что мать родила меня в восемнадцать. Брак зарегистрировали в последний момент. Мать рассказывала мне это, смеясь. Отец вторил ей, обнимая жену за плечи. Несмотря на много лет в браке, родители любили друг друга. В выходные семья собиралась за столом, и после обеда мать пела. Мы слушали ее, затаив дыхание. Голос у мамы был сильный, красивый, а ее песни трогали сердце.

Ти не лякайся, що ніженьки босії

Вмочиш в холодну росу:

Я тебе, вірна, аж до хатиноньки

Сам на руках однесу...

— О чем ты пел? — поинтересовалась Ноэль, когда я смолк.

— Парень зовет девушку в рощу погулять. Вечер, на траву выпала роса, и, чтоб любимая не застудила ноги, парень предлагает нести ее на руках.

— У нее нет сапог?

— В то время, когда сочинили песню, многие ходили босиком.

— Лучше б он купил ей сапоги! — фыркнула Ноэль.

Вот такая она у меня! Хозяйственная. Едва перебрались в Блантон, как отправила в Муг письмо, в котором потребовала от князя нашу долю в добыче. И тот прислал! Нарочным, под охраной. Возможно потому, что письмо доставил чеглон Гливена. Ноэль сложила золото в сундук, присовокупив его к тому, что мы взяли в Крипе. Мы с ней теперь не только знатные, но и богатые.

— Если купить сапоги, у парня не будет повода носить девушку на руках.

— А это приятно?

Подхватываю Ноэль правой рукой под мышки, левой — под колени, встаю. Качнуло, но я устоял. Ноэль испуганно обнимает меня за шею. Нэси перестает хрустеть костями. Делаю несколько шагов. Ноэль дышит мне в шею. Нет, далеко не унесу — устал. Да и виски... Сажусь на траву. Нэси вновь принимается хрустеть. Ноэль остается у меня на коленях, рук с шеи не убирает.

— Не бросай меня, Гро!

Кожа на шее чувствует влагу. Не брошу, любимая! Если выживу, конечно. В этом мире жены живут по принципу трех «К»: Kinder, Küche, Kirche (дети, кухня, церковь). Не с характером Ноэль такое терпеть. Ей следовало родиться позже, когда Мерсия созреет до равноправия полов. На Земле оно существует давно, мы относимся к женщинам иначе. Ноэль это знает, поэтому и вцепилась в меня. А я? Почему мне нравятся женщины-воины? Взять Аню... Где она, интересно? Поступила в дипломатическую академию, вышла замуж? Хорошо, если так. Ее чувство ко мне — порыв. Женщины часто влюбляются в своих врачей — отец говорил. Прихожанки западают на священников, если те молоды и красивы. Об этом рассказывали в академии. Советовали, как вести себя в таких случаях. Главное, не принимать подобную влюбленность всерьез. Она пройдет. Аня меня наверняка забыла. Это к лучшему, хотя сердце почему-то щемит...

— Пойдем спать, милая!

— Хочешь, я лягу с тобой? — шепчет Ноэль.

И вот как ответить? Отказать — обидеть, согласиться — испортить девочке первую ночь. Я пьяный, грязный... Пусть это случится, как здесь принято. После свадьбы, в кровати, куда мы ляжем переполненные впечатлениями. Если, конечно, доживем...

— Нам завтра рано вставать и лететь весь день. Не выспимся.

— Хорошо.

Легкий вздох. Ноэль неохотно встает с моих колен. Поднимаюсь следом. Спать, спать...

* * *

— Сколько их?! — спросил Янг, разглядывая передаваемую беспилотником картинку.

— Более девяти тысяч, — уточнил Билл, ткнув пальцем в цифры в углу экрана. — Судя по вооружению и строю, это армия короля.

— Но она должна быть в другом месте! — покачал головой Янг. — Спутник передал, что войско ушло к Бусте.

— Обманный маневр, — сказал Билл. — Обозначили для нас выход, а сами вернулись ночью. Это русский их научил.

— Он мертв! — вспыхнула молчавшая до сих пор Лиз.

— Тогда как объяснить это? — Билл ткнул пальцем в экран.

— Не забывай о Гливене! Тот сам дьявол!

— Настолько, что знает про спутники?

— Ему могли рассказать, тот же русский. Перед тем, как умер.

Билл усмехнулся, Лиз сжала кулаки. Агенты нахохлились, как петухи перед дракой, но продолжения не последовало.

— Что это?

Янг указывал на экран. Ровной, ясной картинки на нем более не было. В камере беспилотника небо и земля хаотично сменяли друг друга, затем все залил белый шум.

— Дрон сбили, — прокомментировал Билл. — Сегодня это второй. Еще один мы потеряли вчера. Тогда я счел это случайностью. Этот, кстати, был последним.

— Но как?!

— Идем!

Агенты вышли из флаера. Корабль стоял на вершине холма. Отсюда хорошо просматривался стоящий в отдалении город и широкое пятно королевского войска на лугу.

— Держите! — Билл протянул боссу бинокль. — Смотрите поверх войска.

Янг поднес бинокль к глазам. Мгновение напряженно вглядывался.

— Это что за тварь?

— Летающий ящер. Местные зовут его «дига».

— Я знаю про диг, — буркнул Янг, возвращая бинокль. — Но в Мерсии их не было.

— Значит, появились, — сказал Билл. — По крайней мере, одна. И теперь она целенаправленно сбивает наши беспилотники. Этой твари достаточно ударить лапой... Видели всадника на диге?

— Да! — кивнул Янг. — Думаешь, русский?

— Вряд ли, — покачал головой Билл. — Но он этим руководит — можно не сомневаться.

Лиз зашипела.

— Спокойно! — сказал Янг. — Как бы то ни было, но сведения мы получили. Перед нами армия короля. Так или иначе, но мы бы встретились с ней на поле боя. Здесь или у Блантона — без разницы. Каков твой план, Билл?

— Ждем Шида.

— А если нас атакуют?

— Не похоже. Их полки не развернуты в боевой порядок. Мерсийцы чего-то ждут.

— Чего?

Билл пожал плечами. Янг задумался.

— К нам гости! — внезапно сказала Лиз.

Билл с Янгом одновременно глянули в сторону, куда указывала агент. К холму скакали три всадника. Билл вскинул бинокль к глазам.

— Князь, — сказал он. — С ним двое. Я знаю их. Это Шид и его командующий Ривс.

— Вовремя! — усмехнулся Янг.

Билл опустил бинокль. Агенты спустились с холма и остановились у его подножия. Трое всадников подлетели к ним спустя несколько минут. Первым скакал князь Скрагенкрака. Разряженный как новогодняя елка, весь в ленточках, золотых браслетах, с висюльками на золотой цепи, облегавшей его кабанью шею, он спрыгнул на траву и перебросил повод через голову своего гинтайра. Следом это проделал Ривс. Но, прежде чем кто-либо из них успел что-то сказать, вперед вылетел Шид. Спрыгнув со стикуля, он растянулся у ног Янга.

— Великий Хамму! Пощади!

— Это он что? — удивился Янг.
— Наше войско разгромлено и рассеяно, — хмуро сказал Ривс.
— Как?!

— Змеи! — простонал снизу Шид. — Они выпустили в нас огненных змей. Их были тысячи! Они выли и грохотали!

— Какие змеи?!

— Они начинили огненным зельем медные трубы, — пояснил Ривс. — Те падали на нас и рвались, убивая воинов.

— Ракеты! — сказал Билл. — Это русский. Больше никому.

Лиз зло цыкнула, но промолчала.

— Войско было напугано и побежало, — продолжал Ривс. — Остановить его не было возможности.

— Труссы! — князь сплюнул на траву.

— Мерсийцы бросили в атаку конницу, — сказал Ривс. — На гинтайрах. Их было много. Они рубили бегущих.

— Но вам удалось бежать! — хмыкнул Билл.

Ривс не ответил. Князь снова сплюнул.

— Ситуация изменилась, — сказал Янг, перейдя на английский. — Что будем делать?

— Спросим князя! — предложил Билл.

— Думаешь, горцы устоят под ракетами?

— Да! — сказал Билл. — Это не то отребье, которым командовал этот ублюдок, — он глянул на спину Шида. — Я их готовил два года. Надо только объяснить воинам, что делать.

— Вот и займись! — приказал Янг.

Билл кивнул и подошел к князю. Взяв того под руку, отвел в сторону. Они коротко переговорили, затем Билл поманил Ривса. Тот подбежал к ним.

— Что будем делать с этим? — Янг указал на Шида.

— Отдай его мне! — попросила Лиз.

— Забирай! — кивнул Янг. — Только... — он оглянулся. — Отведи подальше.

Лиз оскалилась и, склонившись, вздернула Шида на ноги.

— Госпожа! — запричитал проповедник. — Я привез вам часть зелья из того, что вы мне дали. Оно в мешке, притороченном к седлу моего стикуля.

— Посмотри! — велел Янг.

Лиз бросила Шида и пошла к животному. Сняв мешок, развязала горловину и заглянула внутрь. Затем подошла к Янгу.

— Взрывчатка, фунтов десять.

— Забрось во флаер! — сказал Янг. — Может пригодиться.

Лиз кивнула и побежала вверх по склону. Тем временем Билл, князь и Ривс закончили совещаться и подошли к Янгу.

— Ну? — спросил он.

— Атакуем! — сказал Билл.

— А ракеты?

— Князь предупрежден и принял наш план. В случае обстрела, его воины рассредоточатся и лягут на землю. Потери будут минимальные. А затем мы встанем и разобьем их.

— Уверен? — спросил Янг.

— Это моя армия! — сказал Билл. — Она не боится выстрелов и разрывов.

— Но мерсийцев больше!

— У нас пушки и аркебузы, — усмехнулся Билл. — Мерсийцы этого не нюхали. Так что побегут, как шиды. Придет наш черед гнать и рубить их в спины.

— Делай! — кивнул Янг.

Билл поднял повод стикуля Шида и запрыгнул тому на спину. Князь и Ривс полезли на гинтайров. Троица затрусила прочь. Янг проводил их взглядом. С вершины холма сбежала Лиз.

— Занимайся! — сказал ей Янг и пошел к флаеру. Следовало переориентировать ближайший спутник. Беспилотников более нет, а ему нужно видеть происходящее. Спутник диге не достать...

* * *

Лиз отвела Шида в невысокие заросли вблизи холма. Проповедник шел нехотя, то и дело затравленно оглядываясь. В ответ Лиз толкала его в спину. Перед зарослями Шид было остановился, но пинок в зад заставил его рвануть вперед. Наконец они выбрались на небольшую поляну.

— Повернись! — приказала Лиз.

— Ты будешь бить меня, госпожа? — спросил Шид, выполнив повеление.

— Нет! — ответила Лиз. — Резать.

Шид дернул рукой к поясу, но Лиз опередила его. Удар в промежность заставил проповедника согнуться. Лиз выхватила из-за его пояса нож.

— Решил убить меня, тварь?!

Она отшвырнула нож и пнула Шида в бок. Тот со стоном упал на

траву.

— Госпожа! За что? Я не собирался тебя убивать!

— Возможно, — согласилась Лиз, присев на корточки. — Но ты потянулся к ножу. Зачем? Ногти чистить?

Шид не ответил.

— Грязная и мерзкая скотина! — продолжила Лиз. — Твои воины, да и ты сам, насиловали женщин, в том числе девочек. Многие после этого умерли.

— Хамму не запрещал мне! — прохрипел Шид.

— Я запрещала! — сказала Лиз. — Но ты не слушал. Гребаный педофил!

— Я верный слуга!

— Что с того? Где твои воины, мразь?! Почему они пали или оказались в плену, а ты здесь? А?

Шид заворочался.

— Тварь!

Лиз встала и ударила его носком ботинка в бок. Шид замычал. Лиз ударила еще и еще. Шид сжался в комок. Лиз сплюнула и присела рядом.

— Это только начало, мразь! Ты, вижу, не понимаешь. Расскажу. Мне было тринадцать лет, когда нас бросил отец. Мы с матерью жили на пособие. Не голодали, но на многое не хватало. Я ходила в обносках. Девочки в классе смеялись надо мной. Ночами я плакала. А потом мама нашла мужчину. Тот был богат, и мать обрадовалась. Но вскоре выяснилось, что этот кабан педофил. Ему нужна была я, а не мать. Он изнасиловал меня и затем делал это еще не раз. Мать запретила мне жаловаться — кабан давал деньги. Я сбежала из дома, жила в приюте. Назвалась вымышленным именем, чтобы не вернули в семью. В приюте было не сладко. Слабых там били, девочек насиловали. Но я терпела, поскольку у меня была цель. В восемнадцать лет я завербовалась в армию. Я хотела научиться убивать. В первый же отпуск я поехала домой. Хотела поговорить с матерью и ее любовником, очень хотела. Но встреча не состоялась. После того, как я сбежала, мать стала пить. Кабан бросил ее, и она быстро опустилась. Однажды ее нашли мертвой — выпила слишком много. А кабан получил пулю от грабителя — промедлил, вытаскивая бумажник. А ведь я так рассчитывала... Столько раз представляла, что сделаю! Как буду их убивать — медленно и больно.

Лиз сняла фляжку с пояса и приложила к горлышку.

— Хочешь знать, что было потом? Вернулась в армию. Там меня ценили. Особенно — генерал, которому нравилась моя грудь. Зад — тоже.

Он дал мне рекомендацию в колледж военной разведки. Я окончила его с отличием, меня взяли в ЦРУ. Карьера складывалась удачно. Но все эти годы я жалела, что задуманное не сбылось...

Из того, что рассказывала женщина, Шид понял мало. Но инстинктом выросшего в трущобах звереныша почуял тревогу. С чужими так не откровенничают. Его убьют, непременно. Выбрав момент, Шид извернулся и пнул Лиз ногой. Та выронила флягу и откатилась. Шид вскочил и рванулся к отброшенному Лиз ножу. Успел. Подобрал нож, Шид обернулся и перехватил рукоятку поудобнее.

К его удивлению женщина не испугалась. Наоборот. Губы ее кривила довольная усмешка. В глазах читался шальной блеск.

— Прыткий козлик! — сказала Лиз, шагнув к нему.

Шид нанес удар снизу, в живот. Там, где он рос, его учили убивать. Этот удар считался неотразимым. К удивлению, женщина увернулась. В следующий миг нога Шида поехала вверх, и он рухнул навзничь. Подскакивая Лиз впечатала каблук ему колено. Хрустнула кость. Шид заорал.

— Козлик больше не прыгает! — хмыкнула Лиз.

Она обошла его и ударом ноги сломала руку с ножом. Носком ботинка отбросила оружие в сторону. Затем присела и вытащила свой нож.

— Заменяешь мне кабана, — сказала, ткнув лезвием на Шида. — Ты не ничем лучше его, даже хуже. Скольких девочек ты погубил, тварь? Я заставлю тебя почувствовать то, что испытали они. Не сомневайся! Меня хорошо учили...

Лиз занималась этим долго. Несколько раз Шид терял сознание, но Лиз каждый раз приводила его в чувство. Учили ее, действительно, хорошо, так что соскочить в небытие Шида не удавалось. Поначалу он орал, но Лиз отрезала ему язык, и крики стихли. Шид только хрипел, пуская кровавые пузыри. Взор его горел злобой. Лиз даже думала выколоть ему глаза, но потом решила оставить. Пусть смотрит на свою смерть!

Занятая, она не обращала внимание на окружающее. В отдалении прогрехотали взрывы, следом забили барабаны; Лиз даже не оглянулась. Обойдутся без нее. Она агент, а не солдафон, как Билл. Прервать процесс ее заставил голос Янга в наушнике:

— Лиз, ты где?

— Рядом, — сообщила она.

— Живо к флаеру! У нас проблемы.

— Слушаюсь, сэр! — сказала Лиз и критически оглядела творение своих рук. Оно впечатляло. На теле Шида не осталось живого места.

Отсутствовали пальцы ног и одной руки, выпущенные из живота кишки сизым ворохом колыхались у искалеченной туши. Но сам пророк был в сознании. Его взор источал ненависть.

— Подыхай! — пожелала Лиз, пряча нож. После чего повернулась и побежала к холму. Несмотря на усталость, двигалась она легко. Взлетев по склону, она перешла на шаг и приблизилась к флаеру. Дверь поползла вверх, и это стало последним, что Лиз увидела...

Глава 24

Подход горцев мы обнаружили заблаговременно. Их засек дрон — крохотное творение сумрачного американского гения, позаимствованное мной в боте амеров. Его создатели не пожалели усилий. Специальное покрытие снизу делало дрон неразличимым на фоне неба. Не замечали его и радары. Беспилотники противника несли те же свойства, но Нэси их видела. Для нее они были птицами, залетевшими куда не нужно. Приказ сбивать их дига восприняла с удовольствием. Она подкрадывалась к беспилотнику сверху, затем пикировала и била лапой. Коптер, кувыркаясь, летел вниз и разбивался о землю. Нэси сопровождала это процесс радостным ревом.

Лишив противника глаз, мы не теряли времени. Руг с конницей ушли в ближний лесок и затаились в засаде. Станки с ракетами заняли предназначенное для них место, как и доставленное мной оборудование. Излучатели поместили в ямки и закрыли дерном. Объяснять их назначение я не стал. Даст Бог, не понадобятся, так к чему языком трепать? Гливен и воины вопросов не задавали: маг знает, что делает. Последнему способствовала весть о разгроме шидов. Воины воодушевились. Они шли к Лоу умирать, а тут, оказывается, есть Гро. Он щелкнет пальцем — и враг бежит. Остается только вязать пленных. Взвод ракетчиков ходил гоголем и рвался в бой. Бороться с этими настроениями было глупо, и я не стал.

Войско горцев явилось к полудню. Враг шел стройными колоннами. В поле они развертывались, артиллеристы выкатывали вперед пушки, ставили зарядные ящики, готовили фитиля. Боевое охранение занимало места, готовясь отбить налет конницы. Кто бы ни готовил эту армию, но дело он знал.

Мы наблюдали за всем этим из шатра Гливена. Коптер транслировал изображение на экран; я, шут и командующий пехотой внимательно его разглядывали.

— Тысячи три, — оценил Гливен.

— Три тысячи семьсот шестьдесят, — уточнил я. — Это с обозом. В боевых порядках — две сто одиннадцать, не считая конницы.

— Как ты посчитал? — удивился шут.

— Вот, — я ткнул пальцем на цифры в углу экрана. — Это дрон.

— Полезная вещь! — пробормотал командующий пехотой. Боевой генерал вначале скептически отнесся к магу и его придумкам, но рассказ

Руга, заставил его изменить мнение. А возможность наблюдать за врагом, сидя в шатре, впечатлила безмерно.

— Атакуем? — спросил Гливен. — Ударим ракетами, пока строятся?

Я покачал головой.

— Почему?

— Рано.

Гливен хотел что-то спросить, но не успел. Юркая тень выскользнула из-за леса и зависла над вершиной холма. Флаер выпустил опоры и сел. Я приблизил изображение.

— Что это? — изумился шут.

— «Hawk-142 F». Боевой флаер Соединенных Штатов. Предназначен для поддержки пехоты на поверхности планет. Может ненадолго выходить в космос. Вооружение — двадцать четыре ракеты с плазменными или фугасными головками, рельсовая пушка, боевой лазер и четыре импульсных пулемета.

— Это много? — спросил командующий.

— Хватит, чтобы разгромить нашу армию за пару минут. Возможно, за пять.

Командующий засопел.

— Они применяют это оружие? — спросил Гливен.

— Вряд ли. Над планетой — спутник. Он зафиксировал аномалию и сообщит на Землю. После чего амерам станет плохо.

— Так вот зачем им горцы! — сказал командующий.

Я переместил коптер к холму. Флаер стоял недвижно. Затем дверца сдвинулась, и выбрались трое. Один поднес бинокль к глазам.

— Что это он? — спросил Гливен.

— Нэси сбита дрон, — пояснил я. — Второй за сегодня. Амеры интересуются, кто?

— Будут стрелять?

— Не успеют.

Гливен кивнул. С Нэси мы поддерживали мысленную связь, а через нее — с Ноэль. Я велел девочкам не рисковать: смахнув дрон, сразу садиться. Сейчас они были на земле. Мы продолжили наблюдение. Я развернул дрон, позволяя камерам захватить лица американцев, включил запись. Уцелею я или нет, но кадры должны попасть на Землю. Там разберутся...

Изображение приблизилось, и я разглядел среди американцев женщину. Как и ее спутники, она была одета в камуфляж и высокие ботинки. На голове — кепи. Я поправил резкость.

— Нокса Марон! — ахнул шут. — Вот бы поймать! И — на плаху!

— Не думаю, что получится, — я покачал головой. — Пусть ее! У нас есть запись, — я ткнул пальцем в экран, — этого достаточно, чтоб обеспечить ей крупные неприятности на Земле. Как и другим.

В этот момент женщина указала куда-то рукой. Я приподнял дрон. К холму скакали три всадника. Американцы спустились к ним. Я подвел коптер ближе и наклонил. На маневр ушло несколько секунд. Когда в объективе оказалась земля, амеры и их гости стояли друг против друга. Один лежал на земле ничком.

— Можешь приблизить? — спросил Гливен.

Я заработал пальцами.

— Князь Скрагенкрака! — сказал шут. — Помню его. Три года назад мы заключали мир, и он приезжал в Блантон. Рядом — Ривс. Он из мятежной семьи. Родственники казнены. Ривс, по моим сведениям, служил Шиду.

— Если он был у Бусты, то видел ракеты. Плохо.

Гливен покосился, но промолчал.

— Оэрх! — повернулся я к командующему. — Прикажите войску подойти и развернуться в боевой порядок. Пусть встанет за ракетными установками. Готовьтесь к бою!

— Выполняйте! — велел шут.

Командующий кивнул и вышел.

— Что дальше? — спросил Гливен.

— Для начала обстреляем их.

Я отогнал дрон к флангу горцев и оставил его там наблюдать. И последствия обстрела будут видны, и ракета не угодит в коптер. Мы вышли из шатра и направились к батарее. Завидев нас, ракетчики вытянулись. Готовые к пуску ракеты отсвечивали медными корпусами. Мы шли вдоль станков, останавливаясь у каждого. Я проверял наводку. Все правильно. Нужды контролировать не было — станки выставили с утра, но меня мучило плохое предчувствие. Закончив осмотр, я встал в стороне и поднял руку.

— Приготовиться!

Солдаты взяли в руки запальники.

— Огонь!

Фитили ткнулись в стопины. Из сопел ударил дым. Зашипело, заскрежетало, запахло серой. Волоча за собой дымные хвосты, ракеты сорвались с направляющих и устремились к войску врага. Я глянул на экран комм, куда дрон транслировал изображение. Блядь! Предчувствие не

обмануло. Как только ракеты взмыли, по армии Скрагенкрака будто пробежала волна. Горцы падали ничком. Спустя несколько секунд войско лежало на земле.

— Что это? — изумился Гливен.

— У них хороший командир. Узнал о ракетах и придумал, как сократить потери.

Ракеты достигли цели и стали рваться. Поле затянуло дымом. За нашей спиной завопили солдаты. Они воочию видели страшную магию мэтра Гро и испытывали восторг. Но я отчетливо различал, что большинство взрывов не нанесло горцам никакого вреда. Ракеты — неточное оружие. Разброс огромный. Но что делать, если в отпущенное время иное сделать не удалось?

— Поправить прицел! Выставить тысячу шагов!

Ракетчики завозились у станков. Я побежал проверяя. Все верно.

— Ракеты на станки!.. Огонь!

В этот раз залп лег с недолетом. Но треть ракет угодили в строй.

— Так стрелять! Беглый огонь!

Ракетный взвод дал залп, затем еще. Волоча за собой толстые, серые хвосты, ракеты летели в сторону врага. Там, в дымной пелене, сверкали вспышки и грохотали разрывы. Одна из ракет, видимо, угодила в зарядной ящик. Грохнуло так, что мы присели. Над клубами дыма взлетел стикуль, вернее, то, что от него осталось, какие-то обломки и колесо. Приумолкшие было солдаты, заорали вновь.

— По-моему, ты зря беспокоился, — сказал Гливен.

Я промолчал. Артподготовка завершилась — ракеты кончились. Сюда их привезли мало. Основную массу мы выпустили по шидам. Логика была простой: больше войско — больше ракет. Мы ошиблись. Шидам хватило бы и половины. Сейчас я воочию наблюдал последствия просчета.

Поднявшийся ветер унес дым. В стане врага загрохотали барабаны. Горцы стали вставать. Сотня, другая, третья... Противник строился и ровнял ряды.

— Великие боги! — воскликнул шут. — Они не испугались ракет!

— Да! — подтвердил я. — Сейчас оправятся и пойдут атаку. Включаем план «бэ».

— Что значит «бэ»? — спросил шут.

— В моем языке есть слово, обозначающее распутную женщину. Оно начинается на эту букву. Его произносят, когда что-то идет не так. Слушай меня, оэрх! Сейчас я попробую их остановить. Если побегут, давай сигнал Ругу. Пусть кавалерия бьет им в спину. Они испугаются и станут

разворачивать пушки. Тогда бросай в атаку пехоту. Пока будут бежать, пускай лучники бьют по верху голов. Враг замечется, не зная в кого стрелять, и потеряет время. В рукопашной вы их сомнете. Потери будут большими, но нас больше.

— Понял! — сказал шут.

— Вот и хорошо.

Я подошел к стикулю и вытащил из сумки крест. Его сделали мне вчера. Пульт к тыльной стороне перекрестия я прикрепил сам.

— Гро?

— Да, оэрх.

— Постарайся уцелеть.

Я не ответил.

— Я помню, о чем ты просил. Ноэль не выдадут замуж против ее воли.

Я кивнул и пошел к горцам.

* * *

С пуском первых ракет Янг впился глазами в экран. Атака противника выглядела эффектно. Оставляя хвосты, ракеты летели к войску Скрагенкрака и взрывались, сверкая огнем и выбрасывая клубы дыма. Камеры давали ограниченный обзор (Янг пожалел о дронах), но вид впечатлял. Звуки в кабину не проникали, но Янг все равно поежился, представив, что испытывают сейчас горцы. И еще Билл... «Мог бы переждать атаку здесь», — подумал Янг, но отбросил эту мысль. Место Билла в войсках. Без него горцы могут не выдержать и побежать.

Артподготовка кончилась быстро. «У их мало ракет», — догадался Янг. Ветер снес дым. Янг с удовольствием наблюдал, как горцы встают и строятся. Подскочившие обозники тащили в тыл раненых и убитых. Их хватало, но даже на беглый взгляд было видно, что обстрел не нанес войску сколь-нибудь значимого урона. «Билл — умница! — подумал Янг. — Сообразил, что делать!». Над рядами горцев заполоскали флаги. Звуки в флаер не долетали, но Янг знал, что горцы ударили в барабаны. Он видел атаки на учениях. Вот и сейчас войско четкими шеренгами шло навстречу врагу. Расчеты катили пушки. Все будет, как намечено. Горцы приблизятся к противнику и встанут. Артиллеристы дадут залп. Ядра ударят в землю, отрикошетят и понесутся к цели. В порядках врага возникнут бреши. Одно ядро может убить до десятка солдат, а то и больше. Выстоять под таким огнем трудно. Даже привычные к нему воины часто бегут. Что говорить о

дикарях, незнакомых с огнестрельным оружием? Они хлынут к городу в стремлении укрыться за стенами. Возникнет давка. Подоспевшие горцы будут расстреливать их из ружей, пушки — бить картечью...

Янг приблизил изображение. Объектив камеры разыскал Билла. Тот ехал позади войска верхом. Рядом на могучем гинтайре трясся князь. Ривса видно не было — видимо, отправили в отряд кавалерии. Правильно. У горцев ее мало — они не любят сражаться верхом. Да и гинтайры дороги. Так что и один всадник — помощь. Пусть заглаживает вину, беглец! Кавалерия понадобится. Как только враги побегут, конница ударит им в спину, увеличивая панику. Потом уйдет, освобождая путь пехоте...

Додумать Янг не успел. Не пройдя нужного расстояния, войско внезапно встало. Ряды горцев заколебались. Янг с удивлением наблюдал, как заматались и встали на дыбы гинтайры князя и Билла. Что происходит? Он уменьшил масштаб. На пути войска стояла крохотная фигурка. Янг чуть приподнял камеру и вновь приблизил изображение. На таком расстоянии разрешение падало, но он отчетливо различил черный балахон, капюшон, в котором пряталось лицо незнакомца, и крест в его вытянутой руке. Это что за клоун?..

* * *

Излучатели устанавливают на боты для отпугивания живности и чрезмерно любопытных граждан. Они включаются, когда нежелательный гость приближается к кораблю на заданное расстояние. И у животных, и у людей излучение вызывает непреодолимый ужас. Они бегут, не помня себя от страха.

Хотя антенны направленные, волны распространяются и в тыл. Влияние их на здоровье человека изучено мало. В инструкции на всякий случай записано: длительного воздействия избегать. Чтобы защитить экипаж, на кораблях ставят поглощающие экраны, вваривая их в обшивку ботов. Снять их не реально. Это было слабым звеном моего плана. Отсидеться в отдалении, используя датчики включения, я не мог. Получив первый удар, горцы отскочат, но скоро придут в себя. У них решительный и умелый командир. Он поймет, какое оружие применил враг. Излучатели обойдут, как оборонительную линию, и ударят вновь. Поэтому войско должно войти в зону поражения целиком. В этом случае остановить его бегство будет трудно, если вообще возможно. Но в таком случае включить излучатели следовало самому. Нужный блок в боте я

демонтировал, но он действовал на коротком расстоянии. Десантный бот — малый корабль, поэтому конструкторы и заложили такие характеристики. Так что для проведения плана «Б» в жизнь требовался смертник...

Войско накатывалось ближе и ближе. Я уже отчетливо различал белые пятна лиц. Скоро стали видны дымки фитилей. Они струились не только в группах артиллерийских расчетов, но и в рядах стрелков. Я не ошибся в своих выводах — амеры сделали для горцев аркебузы. Ветер сносил дымки в сторону, окутывая пеленой левый фланг. Били барабаны и, следуя задаваемому ритму, ряды колыхались, вбивая подошвы в мягкий грунт луга. «Вытопчут в плац!» — мелькнула мысль. Я отогнал ее — дурость. Мне нужно успеть включить излучатели. Этому могут помешать. Кто-то из горцев возьмет и выпалит в одинокую фигуру. Прицельная дальность у аркебузы — от силы сотня шагов, но если дать залп... Или задействовать пушку. Картечь снесет идиота, как лист с дерева. Бронежилет не спасет — он не рассчитан на такой удар. К тому же незащищенными остаются конечности и голова. Будем надеяться, что выстрелят по команде. Я увижу и успею упасть. Порох в запальных отверстиях — это не капсуль. Горит медленно...

Грохот барабана уже отдавался в ушах. Горцы накатывались на меня, но не стреляли. Видимо, придурок с крестом не вызывал тревоги. Я присмотрелся. Отчетливо различимы глаза солдат, ремни, линии краев голенищ. Сто метров, даже ближе. Пора. Я вытянул вперед крест и коснулся подушечкой пальца сенсора. Твою мать! Господи Иисусе Христе, Боже мой, помилуй меня грешного! Мать! Мать!..

Когда мне исполнился год, мать вернулась в университет. Для присмотра за малышом наняли няньку. Это была пожилая русская женщина, переехавшая к дочке в Германию. Жить за счет зятя она не хотела, потому и подрабатывала. Нянькой она была замечательной: доброй и ласковой. Но по-немецки Мария Михайловна говорила плохо, а родители желали, чтоб я язык знал. Няньку сменили. Добрую бабушку сменила студентка-немка. Она читала малышу сказки братьев Grimm — в оригинальном варианте. А что? Сказки же! То, что людям в них отрезают головы, вспарывают животы, а ведьмы едят маленьких детей, няньку не смущало. Прочитав сказку, нянька укладывала ребенка спать и отправлялась гулять — сидеть у постели малыша ей было скучно. Как только за ней закрывалась дверь, я лез под кровать. Там забивался к стене, с ужасом ожидая прихода ведьмы. Ночью я плакал и кричал. В конце концов, родители обратили на это внимание. Камера в детской позволила выявить педагогику немки. Ее уволили. А еще я долго боялся темноты...

Темная, ледяная стынь проникла мне под балахон и ползет выше. Сейчас охватит меня всего. Сердце колотится. Вот-вот не выдержит и остановится. Бежать, бежать! Стынь не догонит меня, если припустить со всех ног... Стоять! Стоять, твою мать! Господи Иисусе Христе...

* * *

Янг с изумлением и ужасом наблюдал, как горцы, только что стройными рядами маршировавшие в сторону врага, теперь бежали, бросая оружия и знамена. Обезумевшая толпа затопила обоз, опрокинула несколько телег и понеслась к дороге. Опомнившись, американец включил связь.

— Билл! Билл!..

— Здесь я! — отозвался в наушнике злой голос.

— Что происходит?

— Излучатели. Это русский!

— Откуда они у него?

— Снял с ботов. Это их штатное оборудование.

— Черт! — выругался Янг. — И что теперь?

— Ничего, босс! Войско бежит, нас атакует с фланга кавалерия, и уже двинулась пехота. Операция провалена. Дьявол! Столько сил! Передай этой сучке Лиз: я убью ее!

— Подожди! — поспешил Янг. — Разберемся.

— Нечего тут разбирать! — проорал Билл. — Это она упустила русского. Сейчас я убью его, Лиз займись позже. Так и передай!

Билл отключился. Янг поискал объективом и, наконец, выцепил им подчиненного. Расталкивая бегущих солдат, Билл шел к обозу. Вот он подскочил к одной из повозок, скользнул внутрь и выбрался со странным ранцем в руках. Соскочив, стал прилаживать его на спине.

— Дьявол! — воскликнул Янг. — У него «кальмар».

Покончил с ранцем, Билл коснулся рукой пульта управления, и ракетная струя выбросила его вверх. Янг включил связь.

— Лиз, ты где?..

* * *

Когда девка убежала, Шид с трудом поднял руку и медленно сунул ее

за пазуху. Сломанные пальцы отзывались дикой болью, но он сцепил зубы и продолжил поиски. Все тело его сейчас представляло сплошную боль, и не будь за плечами проповедника опыта трущоб, он потерял бы сознание. Но Шид держался. Небытие стояло у его ног, поэтому следовало успеть. Эти пришлые, которые выдавали себя за богов, должны умереть! Сгинуть. Он им верно служил, а они убили его. И, что самое гнусное, поручили это девке. Мерзкой шлюхе, которая мучила и издевалась над ним. Подстилка вонючая! Пусть кгархи терзают ее во Тьме!

Подцепить коробочку удалось лишь с седьмого раза. Скользнув из ворот, она выпала на истоптанную траву. Шид придержал ее краем ладони и, наклонившись, с сдвинул шторку зубами. Это усилие обошлось ему дорого. Взрыв боли едва не погрузил проповедника во тьму. Невероятным усилием воли он заставил ее отступить. Затем собрался и сфокусировал взгляд. В центре коробочки горел красный кружок. Все, как ему показывали. Осталось коснуться кружка. Девка сказала, что тот распознает тепло человека, поэтому включать следует голым пальцем. Пальцы Шиду более не подчинялись, и он, подумав, ткнул в кружок носом. Прогремовший неподалеку взрыв заставил его улыбнуться. Это стало последним, что он смог в жизни...

* * *

Очнулся я от боли. Неведомо как оказавшийся на этом лугу камешек врезался в щеку. Я приподнял голову, затем встал. Земля качалась. Преодолев слабость, я утвердился на ногах и огляделся. После того, как уронил крест, излучатели отключились. Но это не имело значения — противник бежал. Прямо передо мной стояли брошенные им пушки, спины горцев мелькали в отдалении, им наперерез неслась конница Руга. От Лоу накатывал строй мерсийской пехоты. Получилось... Получилось, вашу мать! Съели?

Удар в грудь сшиб меня с ног. Упав навзничь, я заворочался и с трудом встал. В пяти шагах передо мной стоял незнакомец с пистолетом в руке. Высокий, с растрепанными волосами, с закопченным пороховой гарью лицом. Тяжелая нижняя челюсть заметно выдавалась вперед. Я разглядел на его груди перекрещенные лямки и, в месте их соединения, экран. Пульт. А вся эта сбруя ни что иное как крепление индивидуальной ракетной установки. Амер...

— Я так и думал, что у тебя бронежилет, — сказал он и поднял

пистолет. По ноге будто палкой хватили. Я покачнулся и сел. Твою мать! Какая боль! Ублюдок сломал мне голень.

— Лиз не сумела тебя убить, — сказал амер. Черный зрачок дула смотрел мне в лицо. — Ты очень хитрый, но я не Лиз. Меня обмануть трудно.

Я отчетливо видел его палец на спусковом крючке. И то, как тот начал движение назад. В этот момент в стороне грохнуло. Мы, не сговариваясь, повернули головы. Над холмом, где стоял флаер, подымался гриб из пыли и дыма. Кувыркаясь, летели в воздухе большие и малые обломки того, что еще мгновение назад было боевым кораблем.

— Что это? — пробормотал амер.

— Думаю, твои покончили жизнь самоубийством.

— Молчи! — выкрикнул он. — Этого не может быть. Это все ты! Ты их взорвал!

— Как? — поинтересовался я.

Этот вопрос привел его в ступор. Амер нахмурился и наморщил лоб. Я словно физически ощущал, как в голове его ворочаются мысли. Одновременно он не спускал с меня взгляда, а зрачок пистолета все также смотрел мне в лицо. Профессионал. Стоить мне сунуть руку в карман...

— Это Шид, — сказал амер. — Он привез взрывчатку. Босс отнес ее в флаер. Там был взрыватель. Вонючее отродье!

— С кем поведешься, — сказал я. — Вот что, офицер. Предлагаю вам сдаться.

— Мне? — изумился он.

— Флаер взорван, ваши сослуживцы мертвы, и вам не удастся убежать. Обещаю достойное питание, медицинскую помощь и справедливый суд по законам Земли.

— Ты? Мне? — он расхохотался. — Не видишь? — пальцем левой руки он указал на пульт. — Это ранцевый летательный аппарат. С ним уйду от любой погони. Попроюсь на базу, откуда меня заберет. Корабль уже летит. А вот ты умрешь!

Он вытянул пистолет.

— погоди! — поднял я руку. — Что ты скажешь своим? Что дикие туземцы разгромили подготовленное вами войско? Снаряженное пушками и ружьями, обученное невиданным здесь приемам ведения войны? Как думаешь, тебя поблагодарят? Мне почему-то кажется, что совсем нет. Я даже предполагаю, что тебя убьют. Чтобы не болтал.

— Не тани время, русский! — процедил он. — Я понимаю, зачем ты это делаешь. Не хочешь умирать. Но я не дам тебе шанса. Доброго пути в

ад!

Над нашими головами захлопало. Амер вскинул лицо к небу. Это было последним, что он успел сделать. Спикировавшая Нэси, ударила его когтями, затем прижала лапами к земле. После чего дига согнула шею и одним движением челюстей скусила жертве голову. Выплюнув ее, задорно глянула на меня. Мол, как?

— Молодцы, девочки! — прохрипел я. Успели. Не зря я так старательно заговаривал ублюдку зубы.

— Гро!

Спрыгнувшая на луг Ноэль бежала ко мне. Острая боль прострелила мне ногу. Мир стал сужаться и темнеть. «Все хорошо, любимая!» — хотел сказать я, но не успел.

Глава 25

Хейли вошел в каюту и отдал честь. Глава миссии русских, генерал Роговцев в ответ лишь кивнул. У русских к пустой голове ладонь не прикладывают.

— Здравствуйте, генерал!

Следом за Хейли в каюту скользнул мужчина лет сорока в штатском комбинезоне. Впрочем, определить его возраст было трудно: может, сорок, а, может, и все пятьдесят. Слишком невзрачно гость выглядел. Мимо такого пройдешь — и глазом не зацепишься.

— Меня зовут Смит, — сказал невзрачный. — Я представитель родственников погибших американских солдат.

«Ага! — подумал Роговцев. — Представитель. Только не родственников, а ЦРУ. По роже видно. И ты такой же Смит, как я Клинтон».

— Проходите, присаживайтесь! — улыбнулся он гостям. — Представляю вам полковника Смирнова, главного военного капеллана нашей миссии на Реджине.

— Бывшего капеллана, — поправил Павел, протягивая гостям руку. — Я в отставке. На Зоэ отправился по доброй воле. Хотел повидать духовного сына.

Гости и хозяева обменяли рукопожатиями и расселись вдоль небольшого стола, один торец которого венчал большой экран. Сейчас на нем крутилась заставка. Смит, усаживаясь, глянул на экран задумчиво.

— Надеюсь, вы объясните, генерал, зачем нас пригласили? — начал Хейли. — Корабли вышли на орбиту Зоэ, мы собрались отправить бот с поисковой экспедицией, как вдруг вы вышли на связь.

— Непременно объясню, — сказал капитан. — Затем и позвал. Дело в том, что с нами на связь вышел Головатый.

— Вот как! — воскликнул Хейли, и они обменялись со Смитом взглядами.

«Не ждали! — понял Павел. — Рассчитывали, что Капитона ко времени нашего прилета убьют».

— И что сказал ваш... человек? — выдавил генерал.

— Не сказал, а написал. Головатый — офицер, поэтому прислал донесение. Вот оно!

Капитан корабля взял со стола две тоненьких папки и вручил их гостям. Те торопливо схватили и впились глазами в текст. Пока длилось

чтение, генерал вывел из спячки экран и приготовил к показу файл. Его действия не остались незамеченными. Смит нахмурился, но затем вновь обратился к папке. Первым закончил читать генерал.

— Это ложь! — воскликнул, отбрасывая листки.

— Погодите, генерал! — остановил его Смит и глянул на Роговцева. — У вас есть доказательства, подтверждающие донесение Головатого?

— Разумеется! — Роговцев ткнул пальцем в экран.

Тот моргнул, и собравшиеся увидели снятый сверху невысокий холм. На его вершине, выпустив опоры, стоял угловатый корабль, оцетинившийся оружием.

— Боевой флаер США «Hawk-142 F», — прокомментировал капитан корабля. — На борту отчетливо виден бортовой номер — 89. Запечатлен пять дней назад примерно в трех километрах от города Лоу королевства Мерсия.

— Такое можно снять и на Земле, — покачал головой Смит. — Не говоря о монтаже.

— Обратите внимание на цифры в углу экрана, — хмыкнул Роговцев. — Снимал американский разведывательный беспилотник. Головатый нашел его в боте США и использовал по назначению. Этот замечательный аппарат сопровождает каждую запись указанием даты и времени по Земному календарю. Еще он указывает положение беспилотника в привязке к карте местного звездного неба. Проверим!

Капитан тронул пальцем угол экрана. Вместо изображения флаера появилась карта континента. Она стала увеличиваться, пока на экране не возник снимок города, снятый с орбиты. Неподалеку от него мерцала красная точка.

— Это беспилотник, — указал на нее Роговцев. — Город — Лоу, а рядом — холм неподалеку от него. Настройки ориентирования в беспилотнике устанавливают на предприятии-изготовителе, изменить их в полевых условиях невозможно. При попытке проникнуть в память несанкционированно, блок самосжигается. Ведь так?

Гости не ответили.

— Но это еще не самое интересное, — улыбнулся генерал. — Продолжим кино!

На экране вновь появился флаер. Его боковая дверь внезапно сползла в сторону, и наружу выбрались люди в американском камуфляже. Гости смотрели, как троица спустилась с холма и завела речь с подсказавшими аборигенами. Флаер обогнул холм по дуге и направил объективы вниз. Когда на экране возникли лица, Роговцев остановил кадр.

— Позвольте представить! В центре — Стивен Янг, сотрудник Центрального разведывательного управления США. Военское звание — подполковник. В звании могу ошибиться — база старая. Могли повысить. А это — майор Уильям Келли. У нас значится: боевой офицер, блестящий исследователь истории Гражданской войны в США в XIX веке. Опубликовал ряд работ по тактике сражений той поры. Слева от Янга стоит Элизабет Хэйз, сотрудник ЦРУ. Военское звание — капитан. Известна, как эффективный полевой агент, специалист по ликвидации. Разыскивается правоохрнительными органами трех стран. У меня вопрос: что делали эти люди на планете, запрещенной к освоению постановлением ООН?

Ответа не последовало.

— Разумеется, можно сказать, что это все ложь, и запись сфальсифицирована. Но тогда придется предъявить общественности запечатленных здесь людей. Или хотя бы одного из них.

— Если я правильно понял, — внезапно сказал Смит, — все трое мертвы?

— Именно! — подтвердил генерал.

— Как это произошло?

— Смотрите! — Роговцев провел пальцем по экрану.

Некоторое время гости и хозяева молча наблюдали, как войско горцев стройными рядами идет в наступление. Внезапно оно встало, заколебалось, а затем солдаты побежали назад.

— Что это? — удивился Хейли.

— Позвольте мне? — сказал Павел и, встав, подошел к экрану. Проведя пальцем, он промотал запись вперед, пока в поле не показалась одинокая фигура в мантии. Съемка шла сверху и чуть сбоку. Жестом пальцев епископ приблизил изображение.

— Это Головатый. Один, всего лишь с крестом в руках он вышел навстречу войску, которое несло смерть и разрушение королевству, которое его приютило. Головатый мог использовать оружие, которое имелось в боте, но, как истинный христианин, выбрал слово Божье. И оно подействовало!

— Вы уверены? — спросил Смит.

— Смотрим! — хмыкнул Павел и двинул пальцем. Гости впились глазами в изображение. Экран крупным планом показывал фигуру человека с крестом в вытянутой руке. Ветер сорвал с его головы капюшон, и стало видно, как шевелятся губы на искаженном гримасой лице.

— Что он говорит? — удивился Смит.

— Слова молитвы, что ж еще? — пожал плечами Павел. — А вот ее

действие.

Камера отплыла, и перед зрителями возникла сцена паники, творившейся в стане горцев. В стороне, на вершине холма был силуэт флаера. Внезапно там вспыхнул взрыв.

— Момент гибели Янга и Хэйз, — прокомментировал Роговцев. — По нашим данным в этот момент они находились в флаере или подле него.

— Но почему «Hawk» взорвался? — возник Хейли.

— Неосторожное обращение с взрывчаткой, скорее всего, — сказал Роговцев. — В донесении Головатого есть сообщение об ее использовании на Зоэ. Агенты ЦРУ передавали ее в распоряжение религиозных фанатиков. Возможно, видя бегство обученного ими войска и выдвижение к нему кавалерии Мерсии, Янг и Хэйз решили использовать взрывчатку, чтобы остановить мерсийцев. Но не успели.

— А Келли? — подключился Смит. — Как он погиб?

— Смотрим! — сказал Павел.

Гости вновь уставились на экран. Когда запись кончилась, Смит забарабанил пальцами по столу.

— Жуткая смерть!

— И заслуженная! — сказал Павел. — Ваш офицер ранил и пытался убить безоружного проповедника. Впрочем, это в стиле армии США. Нападать скопом на одного — в этом они мастера. Как и идти вооруженными до зубов на незащищенных.

— Я попрошу!.. — вскочил Хейли.

— Сядьте! — рявкнул епископ. — Вам напомнить, чей флаер обстрелял расположение конвойной роты России на Реджине? Чьи солдаты прилетели на Зоэ с целью убить Головатого? Что делали ваши агенты на тихой планете? Зачем развязали войну?

— Спокойно! — Смит вытянул ладони. — Прошу всех успокоиться и сесть. Господин генерал, — повернулся он к Роговцеву, — думаю, нас вызвали не за тем, чтобы упрекать. У вас есть какие-то предложения?

— Какие-то есть, — кивнул Роговцев. — США убираются с Зоэ и забывают об этой планете навсегда. Своих покойников можете забрать. В случае отказа материалы инцидента передаются в ООН и тогда...

— Можете не продолжать! — прервал Смит. — Понятно. Но вы должны понимать, господин генерал, что у меня нет полномочий принимать подобные решения самостоятельно. Понадобятся консультации.

— Сколько вам нужно времени?

— Дней десять.

— Согласен! — сказал Роговцев. — Но с условием. Пока ждем, никто

из американцев не ступит на поверхность планеты.

Хейли попытался что-то сказать, но Смит остановил его.

— Я принимаю ваше условие, господин полковник, но вы возьмете на себя аналогичное обязательство.

— Головатый ранен! — возмутился Павел. — Ему требуется медицинская помощь. Срочная.

— Если он составил это донесение, — Смит ткнул пальцем в папку, — то чувствует себя не так уж плохо. К тому же, по моим сведениям, Головатый сам врач. Говорят, что очень хороший. Так что в состоянии позаботиться о себе сам. Ваше решение, господин Роговцев?

— Идет! — кивнул генерал.

— Тогда нам пора. Вы снабдите нас материалами, с которыми мы здесь ознакомились? Мне нужно довести их до сведения моего правительства.

— Непременно! — сказал Роговцев...

— Ты уверен, что Головатый произносил слова молитвы? — спросил Роговцев, когда гости ушли.

— Что ж еще? — хмыкнул Павел.

— Если судить по артикуляции...

— Ай-ай-ай! — покачал головой епископ. — Ладно, амеры, но от вас, Иван Викторович, я подобного не ожидал.

— Американцы тоже умеют читать по губам, — не согласился Роговцев. — Хотя ракурс... Может и покатить. А вот отчего побежали горцы, выяснят. Как минимум, попытаются.

— Что с них взять? — развел Павел руками. — Безбожники. Соорудили себе золотого тельца и поклоняются ему. Но мы стоим и будем стоять на своем, отвечая словами Писания: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „перейди отсюда туда“, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». Головатый прогнал безбожных агарян Словом Божиим — и все на том!

— Они заглянут в бот, и увидят выдранные излучатели.

— Это как еще получится! — хмыкнул епископ. — Их бот Капитон перепрограммировал на себя. Попробуют подойти — получают пулю. А мы облегчать им жизнь не собираемся. Летели за трупами? Забирайте! А насчет бота не договаривались.

— Вам бы, владыка, в правительство, — сказал Роговцев. — Живо амеров на место поставили. А наши какие-то робкие.

— У меня другая стезя, — покачал головой Павел. — Ладно, сын мой. Засиделся я тут. Пора на молебен.

— В честь чего?

— Не чего, а кого! — поправил Павел. — С участием экипажа буду просить Господа о даровании здоровья рабу Божьему Капитону. Придете?

— Непременно! — сказал Роговцев.

Эпилог

Красивая на Зоэ осень! Воздух такой чистый, что поневоле кажется — вот-вот зазвенит. Вершины далеких гор видны так ясно, что, кажется, рукой можно дотянуться. На самом деле до них километров двадцать. Горы близ Блантона — это так, мелочь. В Скрагенкраке, как говорят, вершины — ого-го-го! Жаль не удалось посмотреть. В Скрагенкраке сейчас резвится войско Мерсии — обдирает горцев, как липку. Гливен пообещал, что отучит их даже смотреть в сторону королевства. У него получится. Большая часть войска Скрагенкрака, пришедшего к Лоу, сейчас рубит руду в королевских рудниках — это те, кто уцелел в битве. Набрать новое войско у Скрагенкрака получится не скоро: самые сильные и умелые попали в плен. Пока новое поколение подрастет! Лет двадцать в запасе у королевства есть.

Листва на деревьях подернулась позолотой. Совсем как на Земле. Только деревья здесь другие. И птицы не поют. То ли улетели, то ли лентяй. В парке пусто и тихо. Никто не мешает мэтру Гро ковылять. Ногу нужно разрабатывать. Огнестрельный перелом — штука мерзкая. Операцию пришлось делать самому. Вспотел, извлекая костные обломки. Хорошо, что Ноэль помогла. Умница она у меня, с полуслова схватывает. И лекарства у нас были...

— Кап! Кап!

Оборачиваюсь. Ко мне бежит стройная фигурка в армейском камуфляже. Из-под форменного кепи выбиваются светлые волосы. Аня? Здесь? Зачем?!

— Кап, милый!

В следующий миг меня затискали, зацеловали и увлажнили слезами. Я с трудом оторвал от себя этот смерч и отодвинул на расстояние вытянутых рук.

— Какими судьбами?

— Прилетела, — Аня пожала плечами и вытерла ладонью лицо. — Давно б спустилась, но амеры поставили условием, чтоб никого не пускали, пока правительства не договорятся. Сволочи, да?

— Я думал, ты поступила в академию.

— Я и поступила, — пожала он плечами. — Все сделала, как ты сказал. Даже проучилась семестр. Но потом поняла, что это не мое. В академии учат врать, а я так не могу...

Она потупилась. Идиот! Конечно. Не с аниным характером идти в

дипломаты. Она слишком прямая и простодушная. Надо было рекомендовать военное училище. Теперь поздно. Или еще нет?

— Короче, я вернулась в роту, — продолжила Аня. — Приняли, как родную. А тут сообщили о спасательной экспедиции. Я сразу попросилась. Сказала... — она смутилась. — У тебя пулеметы есть?

— Сколько угодно, — сказал я. — Импульсные, обычные, легкие и тяжелые.

— Вот видишь! — обрадовалась она. — Смогу быть полезной.

Глаза ее вспыхнули надеждой. И что сказать?

— Как твоя рука?

— Здорова! — похвасталась она. — Я позвонила Эриху Робертовичу, как ты рекомендовал. Договорилась о приезде. У тебя такие замечательные родители! Встретили меня, как родную, поселили у себя, вылечили. Сестренки твои чудные! Я с ними сразу подружилась. Они передавали тебе привет, говорили, что скучают. А мать сказала, что будет рада видеть меня невесткой.

Она вновь потупилась. М-да. Мама в своем репертуаре. Давно мечтает женить сына.

— Знаешь? — Аня перешла на шепот. — Она восстановила мне девственность.

— Зачем? — тупо спросил я.

— Ну... — Аня опустила взор и ковырнула дорожку носком ботинка. — Мне показалось, что тебе это будет приятно. К тому же как доказать, что я тебя ждала?

Она подняла взор. В ее глазах читался вопрос, который любая женщина желает задать понравившемуся ей мужчине. Что ответить?

— Кто эта женщина?

Переводчик на ушке Ани добросовестно отбарабанил вопрос. Мы с ней, не сговариваясь, повернулись. В шаге от нас, уперев руки в бока, стояла Ноэль. Взор ее не сулил ничего доброго. В легком фиолетовом платье, так идущем к цвету ее глаз, с сережками и ожерельем из топазов, Ноэль выглядела необыкновенно эффектно. Аня оценила это сразу.

— Ты кто? — спросила сердито.

— Невеста Гро.

— Вот, иди к нему! — окрысилась Аня.

— Он Гро! — Ноэль указала на меня. Затем, шагнув, прислонилась ко мне плечом.

— Что это значит, Кап? — глаза Ани налились влагой.

— Давайте познакомимся! — сказал я, отстраняясь. — Ноэль, это Аня.

Мы с ней служили и воевали вместе на Реджине до того, как я прилетел сюда. А это Ноэль. Мы с ней воевали здесь, на Зоэ. Ноэль я обязан жизнью. Вы обе умные и красивые женщины. Думаю, нам надо сесть за стол и спокойно поговорить. Разобраться в сложившейся ситуации. Но это после. У меня гость. Погуляйте пока. Только очень прошу: не убивайте друг друга!

Я раздвинул красавиц плечом и заковылял навстречу статному, широкоплечему мужчине, спешившему к нам. Не доходя пары шагов, он раскинул руки в стороны, а затем крепко прижал меня к себе.

— Капитон!

— Благословите, владыка! — сказал я, освободившись.

Павел осенил меня крестом.

— Прости, что заставили ждать, — сказал виновато. — Это все амеры! Крутились, как выюны на сковородке, все условия ставили. Пришлось терпеть. Только ничего у них не вышло — материалы твои убойные. Так что с Зоэ они убираются навсегда. Правда, гадость в договор все же вписали. На планету разрешили десантироваться только мне и Ане. Мне — как духовному отцу, ей — как невесте...

Он умолк, глядя мне за спину. Я оглянулся. Аня и Ноэль стояли напротив и сверлили друг дружку злыми взглядами.

— У тебя проблема?

— Еще какая! — подтвердил я.

— Мы об этом поговорим! — пообещал Павел и взял меня под руку. — Как нога?

— Лучше. Скоро перестану хромать.

— Замечательно! У меня для тебя новость, Капитон. Уж не знаю, добрая ли.

Я насторожился.

— Приказом командующего военно-космическими силами России ты оставался в армии. Уволили тебя фиктивно. Поэтому армия смогла выделить тебе бот с оружием и снаряжением. Командование предполагало наличие американцев на Зоэ и хотело использовать твою эвакуацию для их разоблачения. Вышло иначе. Никто не ждал, что тебе придется повоевать... — он помолчал. — Меня попросили передать. В связи с тяжелым ранением ты можешь уйти в отставку и вернуться на Землю. Но тебя просят остаться.

— Зачем?

— По благословению Синода здесь учреждается православная миссия. Я назначен ее главой. Понадобится твоя помощь.

— Мне вернут сан?

— Нет! — Павел вздохнул. — Сам знаешь: извержение безвозвратно. Твоя миссия будет другой. Ты вхож к королю, живешь у его сводного брата, который де-факто является правителем государства. Понятно?

— Я больше двух лет не был дома!

— Твоих родных привезут. С командующим вопрос решен. Им выделяют специальный корабль. Думаю, твои родители и сестры обрадуются возможности увидеть незнакомую планету. А также общество, живущее в эпохе Средневековья. Никто на Земле подобным похвастаться не сможет.

— Амеры не возражат?

— Подписались. Кратковременное пребывание на планете родственников членов миссии не запрещено. Как и доставка гуманитарных грузов. Выше голову, Капитон! Представляешь, какое дело ты провернул? Оттяпать у амеров планету! Девственную, с практически нетронутыми ресурсами, с чистейшим воздухом и водой. Это, сын мой, даже не жемчужина в короне, а вот такой вот бриллиант, — он развел руки. — Вся Земля слюной изойдет. И ведь ничего не сделаешь. Христианская миссия на Зоэ принадлежит России, а по Римскому договору от 2072 года другой конфессии сюда хода нет. Не зря амеры так куксились. Козлы они! Надумали захватить этот мир кровью. «Но мы попробуем любовью, — а там увидим, что прочней...» — процитировал он Тютчева.

Я вздохнул.

— Что решил?

— На таких условиях остаюсь. Но я не буду заниматься делами миссии — сами справитесь.

— А ты?

— Здесь нет медицины, владыка, совсем. Практикуют маги и травники, — я сморщился. — Отсюда эпидемии, болезни. Даже элементарные правила гигиены способны сберечь тысячи жизней. А если, вдобавок, лечить? Я создам здесь медицинский институт, построю клиники. Деньги и разрешение короля на это будут.

— А ты тщеславен, сын мой, — внезапно сказал Павел.

— Это с чего? — удивился я.

— Потому что избрал стезю в отрыве от матери церкви. Наверное, уже прикинул, какая посмертная слава тебя ждет. Мечтаешь, что твоим именем назовут созданный тобой институт или клинику?

— Клиника — ерунда, — сказал я. — Хочу, чтобы моим именем назвали горную цепь. Вон ту! — я указал рукой.

— Однако! — сказал Павел.

— Что в этом такого? — хмыкнул я. — Был такой ученый Игнатий

Домейко. Родился в Белоруссии, учился в Вильно и в Париже. Из-за участия в восстании против царя вынужден был эмигрировать в Чили. Создал там геологию и минералогию, много лет возглавлял чилийский университет. Считается национальным героем Чили, «гранд эдукатором». Именем Домейко назван горный хребет в Андах, город, многие улицы в Чили и еще масса всего. Так что горная цепь — это еще скромно. И о тщеславии. Чем я хуже епископа, решившего стать первосвятителем у язычников? Уж он-то наверняка видит себя в сонме местночтимых святых.

— Ты стал дерзок, Капитон!

— Не люблю, когда меня используют втемную. Сначала командование, теперь вы. Вот что я вам скажу, владыка. Ничьей колонией Зоэ не станет. По крайней мере, я все для этого сделаю. Здесь живут люди — такие же, как и мы. Они добрые и отзывчивые, любят своих детей и страну, и готовы ради них на все. Даже умереть. Они отстали в своем развитии, но это можно исправить. Но видеть Зоэ придатком высокоразвитой цивилизации...

— Ты неправильно понял, — покачал головой Павел. — Никто не собирается превращать Зоэ в колонию. Мы здесь как раз для того, чтобы не дать сделать это другим. Ты же учил историю. Россия никогда не вела колониальную политику. Наоборот, просвещала и цивилизовывала народы, попавшие под ее покровительство. На землях, где бродили дикие звери, строили школы и больницы. Русские изучали языки аборигенов и создавали им письменность. Собирали фольклор и систематизировали в национальный эпос. Много чего можно вспомнить.

— Извините, — сказал я. — Мне показалось...

— Отчасти правильно, — вздохнул Павел. — Да, я хочу стать первосвятителем. Я уволен в запас и располагаю собой. Разумеется, меня бы не бросили. Нашли бы хороший приход или даже епархию на Земле. Но разве это может сравниться с миссией первосвятителем? Нести свет истинной веры пребывающим во тьме язычникам...

— Договорились, — сказал я, — несите.

Я оглянулся. Аня и Ноэль смотрели на нас. Я вздохнул.

— Черненькая — это Ноэль? — спросил Павел. — Дочь короля?

— Незаконная. Бастард.

— Это не важно. Красивая девушка.

— И умница.

— Редкое сочетание, — согласился он. — Такую упустить нельзя. А Аня?

— Не знаю, владыка, — признался я. — С ней я уже мысленно

простился. Но вдруг она появляется и так смотрит...

— По пути к Зоэ прожжужала мне уши, — сказал епископ. — О том, какой замечательный человек Капитон, и как она его обожает. Оттолкнуть такую любовь — грех. Не понимаю твоих терзаний. Женись на обеих!

— Владыка! — изумился я. — От вас ли я это слышу?

— Что тут такого? — хмыкнул он. — Князь Владимир Красное Солнышко имел триста жен и еще восемь сотен всяких... не жен. Это не помешало Церкви признать его святым и даже равноапостольным.

— Триста жен у него было до крещения, — возразил я. — После только одна.

— Уверен? — владыка скептически посмотрел на меня. — Я на твоём месте не слишком доверял бы житиям святых — их пишут заинтересованные люди. Я исповедовал тысячи прихожан и могу смело сказать: человек редко оставляет привычный грех. Можно сказать почти никогда. Даже монахи... — он прокашлялся. — Владимира канонизировали не за праведную жизнь, а за то, что принес в Русь свет истинной веры, тем самым выведя ее в сонм цивилизованных стран. Будешь спорить?

— Нет! — я покрутил головой. — Но где Владимир и где я?

— Как сказать! — хмыкнул епископ. — Владимир крестил Русь, а ты планету.

— О чем вы, владыка? — удивился. — Да, я окрестил восемнадцать человек. После битвы у Лоу попросили... Они видели, как я остановил войско горцев и обратил его вспять. Да и как крестил? Я не священник, так что по неполному обряду.

— Елея не было? — усмехнулся Павел. — И освященной воды? Не беда: сам помажу и обмакну. Насчет восемнадцати ты, конечно, прав. Только в число их чудесным образом попали король Эван и его сводный брат Гливен с домочадцами. Как думаешь, долго ли теперь Мерсии пребывать в язычестве?

Я не ответил.

— А теперь слушай меня! — сказал Павел. — Ноэль язычница?

Я кивнул и сморщился. Убедить любимую принять христианство мне так и не удалось.

— Значит, заключишь с ней брак по языческому обряду.

— Как можно?!

— Чему вас учили в академии? — вздохнул Павел. — Сказано: «Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим». Послание к Коринфянам, глава 7, стих 14. Церковь в таких обстоятельствах не возражает против женитьбы на

язычнице. Но с канонической точки зрения ты остаешься холостым, поскольку брак не освящен в церкви. Так что ничто не мешает тебе обвенчаться с Анной.

— Чем более общаюсь с вами, владыка, — сказал я, — тем больше узнаю о религии.

— То ли еще будет! — хмыкнул он. — Хочу сказать тебе одну вещь, Капитон. Не забывай, где мы находимся! Если мы с тобой приведем эту планету к Богу, нам простят любые грехи. Повторю: любые. Так что голову выше! Нас ждут великие дела!

«М-да! — подумалось мне. — Епископ, решивший стать первосвятителем, — это мощь! Линкор, вооруженный по последнему слову техники. А если учесть, что он еще и полковник, то мощь корабля возрастает в разы...»

— Осталось уговорить девочек, — сказал я.

— Предоставь это мне! — сказал Павел и решительно сдвинул меня в сторону...